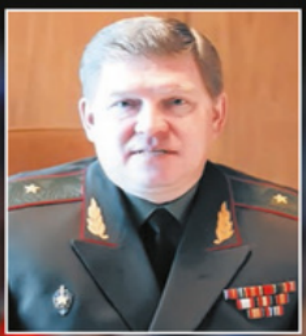
ВАЛЕРИЙ СЫСОЕВ

ГРУППОВАЯ ГОНКА



Записки генерала КГБ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга воспоминаний известного деятеля российского и международного спорта, много лет возглавлявшего Международную федерацию велосипедного спорта, Всесоюзное общество «Динамо», занимавшего крупные посты в отечественном спорте.

В этой книге читатель найдет много интересных моментов, связанных с подготовкой Московской Олимпиады 1980 года, другими крупными международными спортивными соревнованиями, встретится с известными спортсменами и организаторами спорта.

- Валерий Сергеевич Сысоев
  - Пролог
  - Глава 1. Семья
  - Глава 2. Армия
  - Глава 3. «Бугор»
  - Глава 4. «Динамо»
  - Глава 5. Чернышев, Тарасов, Юрзинов
  - Глава 6. В седле
  - Глава 7. Высшее футбольное общество
  - Глава 8. Старт дает Москва
  - Глава 9. «Большая петля»
  - Глава 10. Человек, который не любил спорт
  - Глава 11. Футбол и бизнес
  - Глава 12. Падение империи
  - Глава 13. Игры патриотов
  - Глава 14. Русская рулетка
  - Глава 15. Крутой вираж
  - Глава 16. Кто заказывает музыку
  - Глава 17. Свободное плавание
  - Глава 18. Очень личное
  - Глава 19. Жизнь продолжается
  - Досье: Сысоев Валерий Сергеевич
  - Штрихи к портрету (послесловие от соавтора)
  - Иллюстрации

Валерий Сергеевич Сысоев
Групповая гонка. Записки генерала КГБ

Пролог

…По восточному гороскопу я — лошадь. Приучен пахать и тащить все на себе — на роду, видимо, написано. Наверное, поэтому так прикипел к велосипедному спорту, в антураже которого прошла почти все моя жизнь.

Когда люди видят велосипедные пелотоны на таких гонках, как Тур-де-Франс, или Джиро д'Италия, далеко не все из них отдают себе отчет в том, насколько это титаническая, адова работа. Попробуйте представить: двадцать один день в среднем по 180 километров в сутки, постоянно в пыли, в грязи, в холоде, под дождем, с ободранными в кровь ногами… Слабаки там не выживают. Ты можешь не добиться многого, как спортсмен, но определенные качества, помогающие выстаивать в самых непростых жизненных ситуациях, велоспорт прививает на всю оставшуюся жизнь.

Внешне велосипедная гонка иногда выглядит примитивно: пилят люди по шоссе или по треку — и пилят. Одни уехали вперед, потом их нагнали другие. Но обязательно случается развязка. Для того, чтобы не проиграть, не упустить момент атаки, а главное — успешно ее завершить, ты должен очень четко контролировать весь ход гонки, то есть постоянно и очень напряженно думать.

Велосипедная гонка — это еще и умение жертвовать собой ради общего дела. Когда на Олимпиаде в Лондоне в 2012 групповую гонку выиграл Александр Винокуров, некоторые пытались подвергнуть сомнению его победу — мол, он же не сам по себе выиграл? Кто-то его «раскатывал», помогал по ходу дистанции. Это чисто дилетантский взгляд. Выиграть групповую гонку без помощи команды или без помощи друга невозможно. Тебя обязательно кто-то должен «раскатить». А иногда — прикрыть от соперников, сдержать их.

Казалось бы, должно быть ужасно обидно: ты «раскатил» человека, отправил его вперед, к победе, а сам навсегда остался в тени, потому что ты — грегари, чернорабочий. Но это закон групповой гонки. На лидера всегда кто-то работает — так предполагает сама тактика ведения гонки. Твой лидер проколол колесо — значит, останься с ним, дождись помощи, помоги нагнать группу. Это воспитывает в людях определенное чувство коллективизма, товарищества, понимания своей роли в общей победе.

Велосипед — это еще и любовь на всю жизнь.

Помню, как во время одной из гонок Тур-де-Франс я посадил

в машину сопровождения бывшего ректора МАИ Юрия Алексеевича Рыжова. Когда-то сам он был мастером спорта по велосипедным гонкам, а тогда работал послом России во Франции и был очень серьезным и знающим политиком — Борис Ельцин даже предлагал ему в свое время возглавить правительство.

Он радовался, сидя в той машине, как ребенок. Не мог скрыть ликования от того, что так близко, на расстоянии вытянутой руки увидел главную гонку мира. Гонку, которой до этого имел возможность любоваться только со стороны. И когда много лет спустя мы привезли Тур-де-Франс в Москву, Юрий Алексеевич сумел выбрать время, чтобы ненадолго приехать из Парижа. Даже фотография с тех времен совместная сохранилась: Рыжов, я, президент ОКР Виталий Смирнов и мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков.

Или взять здравствующего по сей день питерского гонщика Виктора Романова, который в 1960 году был призером Олимпийских игр в Риме в командной гонке. Свою послеспортивную карьеру он заканчивал ректором института текстильной и легкой промышленности, в котором учился Алексей Косыгин, входил в Союз ректоров России, то есть стал выдающимся ученым. И нет таких соревнований, которые проводились бы в Питере и которые Романов не посещал бы. Всегда активный, деятельный, всем интересующийся. Возможно, как раз велосипедный спорт дал ему и физическую закалку, и возможность долго жить активной жизнью.

Мне доводилось встречать людей, которые, напротив как бы стеснялись своего велосипедного прошлого. Один из них — бывший главный редактор газеты «Известия» Иван Лаптев. В юности он был неоднократным чемпионом страны в гонках за лидером на большом пятисотметровом треке. Я хорошо его знал и по спортивным временам, и по его работе в одной из палат Верховного совета, и когда мы пересекались на каких-то мероприятиях по депутатской линии, всегда терзал его вопросами:

— Иван Дмитриевич, обясните мне, пожалуйста, почему вы редко упоминаете об этом факте биографии, почему стесняетесь? Вы же — профессионал, сделали великолепную карьеру, состоялись во всех отношениях.

Ответа я так и не получил. Видимо, такая реакция была продиктована средой. Для многих людей из политических и научных сфер «спортсмены» по определению были персонажами второго сорта.

Если говорить о своей жизни велосипедным языком — это та

самая групповая гонка, с рассказа о которой я начал, и которая длится вот уже восьмой десяток лет. Я благодарен всем, кто был со мной эти годы, кто «раскатывал» меня, выводя на цель, помогал переживать сложные ситуации, и радовался моим победам. Мне повезло: таких людей в моей жизни было немало.

Им эта книга и посвящается.

Глава 1. Семья

Маме

Не суди ни за что меня строго,
Я прошу Тебя, не суди.
Так трудна и крута дорога,
По которой мне дальше идти,

Я давно уже верст не считаю,
Вдоль которых по жизни иду,
Каждый день о Тебе вспоминаю
И на плечи ладони кладу…

Семья наша была не то, чтобы бедная, но и не слишком зажиточная. Состояла она из мамы, дедушки и бабушки. Жили мы не в Москве — в Кунцево, тогда это считалось областью. Поэтому в моем паспорте местом рождения официально значилось: Московская область, город Кунцево, Ворошиловский парк. Прямо возле парка — неподалеку от дворца Нарышкиных, стояли бараки, где у бабушки и дедушки была комната и кухня с маленькой терассой. Потом отчим пристроил к бараку еще одну комнатку с терассой — там мы и жили.

Мама моя, Серафима Сергеевна, тоже родилась в Кунцево, была участницей финской войны, радисткой, но после начала Великой отечественной ушла с фронта из-за беременности — я родился 1 июня 1942 года. Отца никогда не знал — меня воспитал отчим Александр Григорьевич. Сам он деревенский, родом из Калужской области. Прошел войну, закончив ее сержантом, но в армии не остался — пересел с танка на грузовик и работал водителем — ездил по Московской области и развозил продукты.

Моя мальчишеская жизнь, как и жизнь всех окрестных мальчишек, так или иначе крутилась вокруг ближайшей деревни Мазилово. Название было очень смысловым: исторически деревня существовала с 17-го века, и по преданиям все телеги, которые с западных деревень везли сельскохозяйственную продукцию в

Москву к царскому двору, в обязательном порядке делали в этом месте остановку и мазали колеса дегтем, чтобы те не скрипели на московских улицах. Так и родилось название.

Летом деревня была основным очагом нашей, так сказать, сельскохозяйственной культуры — на полях начинался урожай: картошка, капуста, огурцы, помидоры. Напротив в Мневниках были поля с клубникой, на которые мы совершали налеты по ночам, переплывая Москву-реку с мешочками через плечо. Наедались от пуза, набирали в мешочки ягод и так же вплавь возвращались обратно.

Еще рядом был Мазиловский пруд, возле которого располагалось еще одно историческое место, там делали всевозможные заготовки для Москвы: квасили помидоры, капусту, солили огурцы. В землю были закопаны громадные деревянные бочки, которые охлаждались многочисленными подземными родниками. Когда наступало время развозить продукцию, к пруду начинали съезжаться грузовики, груженые деревянными бочками меньшего размера, их наполняли, и оттуда они отправлялись по магазинам.

В Ворошиловском парке у нашей семьи имелся крошечный приусадебный участок размером в три грядки, где бабушка сажала огурцы, помидоры, какую-то зелень. Кроме этого в сарае держали кур и поросенка, которого дед сам откармливал и сам резал — на Пасху. Часть свиньи шла на продажу, а часть оставалась дома — на праздничный стол.

Всевозможной родни у нас с маминой стороны было много: «Борисовский» клан только по Московской области насчитывал полторы сотни человек. По большим православным и государственным праздникам было принято собираться у кого-то дома, и сборища эти были немаленькими, по нескольку десятков гостей. Сейчас из того клана осталось всего два человека — моя сестра Наташа и ее дочь — Лена.

Бабушка была большой кулинаркой. На Пасху она запекала окорок в печке на дровах, пекла потрясающие пироги, делала домашнюю колбасу, для которой дед ухитрялся где-то доставать конину, в общем, этого праздника с нетерпением ждали все.

Семья постоянно и как бы исподволь приучала к труду. И мать, и отчим, и дед работали очень много. Когда растешь в такой обстановке, очень быстро начинаешь понимать, что жизнь — это не бесплатная вещь, особенно в те послевоенные годы. Мы не были приучены к излишествам, меняли обувь по мере того, как росла нога, и никому даже не приходило в голову задумываться, что родители чего-то недодали. Если у меня и была по тем временам мечта, она, скорее, относилась к категории

несбыточных. И называлась «велосипед».

В нашем дворе велосипедов было всего два, и чтобы сесть за руль, нужно было отстоять приличную очередь. И то счастливые обладатели этих машин доверяли их не всем. Понятное дело, что о собственном велосипеде мечтали все мальчишки и я в том числе: постоянно ныл дома на эту тему.

Однажды дед, продав на рынке очередного поросенка, дал часть денег моему отчиму — за то, что тот помогал добывать и доставлять корма. И отчим вернулся домой с велосипедом.

Сказать, что я был счастлив, значило бы не сказать ничего. Велосипед был таким красивым, зеленым, с хромированными деталями. Даже прикасаться к нему было священнодействием.

Понятно, что я немедленно помчался кататься в наш Ворошиловский парк, но не успел толком войти во вкус, как кто-то внезапно выскочил на тропинку, и я, пытаясь увернуться, на полном ходу врезался в дерево, полностью угробив переднее колесо с «вилкой».

Сильнее всего меня пугало то, что рано или поздно придется возвращаться домой. Я был абсолютно уверен, что порка мне обеспечена, но не это было главным. Куда больше расстраивало понимание, что нового велосипеда у меня уже не будет никогда в жизни.

Видимо я выглядел столь несчастным, что дома меня даже не наказали. Но это была грандиозная трагедия. И продолжалась она до тех самых пор, пока отчим не поехал с моим велосипедом в какую-то мастерскую и все не выправил.

С этого велосипеда, как только стаивал снег, я не слезал. Привезти деду отруби для кур — велосипед. Съездить на речку искупаться — велосипед, в Рублевский лес за орехами или грибами — снова велосипед, в общем, помимо удовольствия, велосипед имел в семье еще и прикладное значение. Мне же просто безумно нравилось все, что было связано с велосипедным спортом. Нравилось смотреть на форму велосипедистов на тех снимках, что попадались в журналах, нравились различные модели машин. Став постарше я даже сам шил велосипедные шапочки, нанося на них специальной краской через трафарет разные эмблемы. В общем, в моей жизни появилась религия.

* * *

Сам двор у нас был очень многонациональным. В бараках жили мордва, евреи, греки, украинцы, татары… Я был в дворовой компании самым младшим — остальные мальчишки были на пять

и более лет старше. Так у меня и дальше по жизни пошло: чем бы ни занимался, вокруг всегда имелись более взрослые люди.

Та многонациональность, считаю, сыграла в моей жизни очень важную роль. В соседях у нас была женщина, она воспитывала троих детей, с младшим из которых — Аликом, у меня сложились очень хорошие дружеские отношения. Звали эту женщину тетя Маша Бомштейн. Ее муж дядя Гриша был инвалидом детства — одна рука у него была заметно короче другой, из-за чего на фронт он не попал. Но всю свою семью растил и поднимал именно он. Работал фотографом: ездил по ближним и дальним деревням Московской области, собирал по семьям фронтовиков фотографии тех, кто не вернулся с фронта и переводил их на фаянсовые тарелочки, чтобы таким образом сохранить память об ушедших. Этот нехитрый бизнес позволял дяде Грише не просто кормить семью, но и выводить детей «в люди».

Почему я запомнил тетю Машу, потому что в нашем дворе она сумела стать центром заботы и милосердия. Постоянно подкармливала всю детвору какими-то супами, шила из остатков сохранившихся лоскутков одежду, причем делала все это — совершенно бескорыстно. И как-то незаметно с ее подачи подобное отношение друг к другу в нашем дворе стали перенимать все. Помню, например, как зимой мы с мальчишками на целый день уходили кататься на коньках на «каустиковый» пруд — там стояли аэростаты, которые поднимали в воздух на каустике — заполняя их водородом.

Какой по тем временам мог быть завтрак? Кусок хлеба, вареное яйцо и чай. Ну, может еще макароны, которые остались с ужина. И это — на целый день. Проголодался — обледенелую варежку сосешь. Зато вечером, если кто-то из нас заходил не в свой, а в соседский дом, провожая приятеля, взрослые всегда сажали всех за стол и обязательно чем-то кормили, не разбираясь, свой ты ребенок, или соседский.

Такое семейно-дворовое воспитание исподволь вырабатывало какие-то очень правильные взгляды и стремления. Двор контролировал, формировал взгляды, учил жить в большом коллективе, и в целом это воспитание было правильным. Один из парней нашей компании стал впоследствии командиром подводной лодки, другой — летчиком, третий — тот самый Алик Бомштейн — пытался какое-то время пробиться в артисты, а когда не получилось, ушел в торговлю. Иначе говоря, все, кто вышел из нашего двора, остались в своей основной массе порядочными состоявшимися людьми. Ну а когда мы все были мальчишками, двор давал еще и психологическую защиту:

чувство, что ты существуешь в некой общности, которая никогда не даст тебя в обиду и не бросит в беде.

Одним из объектов наших «продовольственных» коллективных набегов был «мичуринский» сад — экспериментальный сад Тимирязевской академии. Там за высоченным забором метра под три высотой проводились какие-то сельскохозяйственные эксперименты по выведению новых сортов фруктовых деревьев. Мы наловчились ходить к этому забору с сачками, с которыми на Москва-реку ходили рыбаки. Такой сачок на длинной трубе был у каждого. Его нужно было подвести под яблоко и одновременно что есть сил ударить по ветке, чтобы яблоко упало.

Всем двором мы ходили в дом отдыха «Ударник», который тоже располагался неподалеку — смотреть кино. Летние кинотеатры были открытыми, поэтому кино мы смотрели, сидя на деревьях.

Двор — это еще и турники, устроенные на деревьях, первый стол для настольного тенниса, который смастерили взрослые, лыжи в зимних оврагах и коньки на замерзшем пруду. Вот в такой обстановке я рос до того, как пойти в школу.

Мало-помалу вокруг нас появлялось настоящее спортивное окружение: клуб ПВО начал получать в Кунцево дома для своих атлетов. В их числе были самые разные люди, в том числе и очень известные: тяжелоатлет Юрий Власов, который только начинал свою карьеру, боксер Анатолий Грейнер — многократный чемпион СССР в легкой категории. То, что под боком был спортклуб, да и сам климат тогдашнего общества непрерывно провоцировали всех нас на то, чтобы заниматься спортом. И вот это детство, проведенное большей частью во всевозможных активных занятиях, дало всем нам колоссальную спортивную прививку на всю жизнь.

Еще в моей жизни была гимнастика. Преподавал нам ее старшина Федоренко — как раз в том клубе ПВО, который располагался в церкви на Филях. Там, собственно, было всего две спортивных секции — лыжная и гимнастическая, поэтому занимался я обоими видами сразу. Правда, просуществовал в гимнастике недолго. Во-первых, поздно начал заниматься — в шестом классе. Во-вторых, через год предстояло выпускаться из семилетки, поэтому приходилось сосредотачиваться уже не на спорте, а на учебе.

Школу я закончил с отличием и поступил в кунцевский радиомеханический техникум.

* * *

Не могу сказать, что мечтал в те времена о какой-то конкретной профессии. Скорее просто послушал маму. А она достаточно безапелляционно мне сказала: «Пойдешь учиться в радио-механический техникум».

Почему — это было понятно. Техникум существовал при заводе, который был режимным предприятием и назывался «Почтовый ящик-15». Понятное дело, что все выпускники, закончив учиться, автоматически шли туда работать.

От мамы в мое сознание навсегда вошла фраза: «Запомни, сынок: главная задача в жизни — научиться жить среди людей». Это стало для меня внутренней жизненной установкой на все последующие годы. После школы я в некотором роде был на распутье — в том числе и потому, что в семье мамы и отчима появились общие дети Володя и Юра, которые стали моими сводными братьями, и тогда мама сказала мне еще одну важную вещь:

— Ты должен начинать думать о самостоятельной жизни. После техникума у тебя гарантированно будет хорошая зарплата, а дальше — сможешь строить жизнь как захочешь сам.

Высшего образования у мамы не было — только среднее. Не имелось даже возможности это образование получить: сначала была война, потом нужно было обеспечивать семью, поднимать меня, потом — еще двух детей. Тут уже не до интеллектуального роста. Мамина младшая сестра тетя Вера была в этом отношении куда более успешной: она окончила институт, работала ведущим инженером, потом была направлена на строительство зернохранилищ и элеваторов. Мамин брат дядя Костя, о котором я только слышал от родных, погиб под Сталинградом чуть позже моего рождения — я только через семьдесят лет после окончания войны нашел место его захоронения. Искал долго, очень трудно, копался во множестве архивов и совершенно случайно получил помощь в лице своего хорошего приятеля, бывшего мэра Волгограда Юрия Староватых: ему удалось выяснить, что местные поисковые отряды искали кого-то из той части, где воевал дядька, и нашли именно те архивы, в которых содержалась информация о погибших.

А вот найти своего родного отца я не пытался никогда. Почему? До сих пор не могу ответить на этот вопрос даже самому себе. Спросить маму стеснялся, а сама она никогда не инициировала разговоры на эту тему.

Что-то об отце знала мамина сестра — моя тетка Вера, с которой мы были довольно близки по возрасту и общались на «ты». Уже когда мы выросли и стали совсем взрослыми, я спросил ее об этом напрямую. Вера в тот день не очень хорошо себя

чувствовала и сказала: «Как-нибудь потом я тебе все расскажу». Но вскоре она ушла из жизни. Из родственников по маминой линии у меня оставалась только двоюродная тетка, с которой мы тоже приятельствовали, но она не владела никакой информацией на этот счет. Сказала только под моим напором, что какой-то мужчина до моего рождения у матери был — блондин. Куда делся? А бог его знает…

Я много раз говорил сам себе, что, наверное, должен начать поиски, что это, наверное, будет правильно, но не мог переступить через какой-то внутренний барьер. От родного отца мне досталась фамилия и отчество — Сергеевич. Так что в определенном смысле я безотцовщина. Просто по временам моего послевоенного детства без отцов росли очень многие. Это сейчас слово «безотцовщина» подразумевает некую ущербность воспитания. А тогда отсутствие в семье отца в большинстве случаев означало, что он был героем и геройски погиб. Наверное, поэтому в обществе постоянно чувствовалась готовность как-то поддержать тех, кто растет в неполных семьях, позаботиться о них.

Когда я поступил в техникум, моя жизнь вошла в очень активную фазу. С одной стороны, я уже прекрасно понимал, что вырос и должен на что-то существовать. Пока жил с родителями, у меня никогда не возникало чувства, что материально я чем-то обделен. Отчим был простым и не слишком образованным мужиком, всегда относился ко мне очень тепло и душевно, никогда не кричал, не наказывал меня, был очень деликатен, причем деликатность эта не была показной. Скорее, напротив, свойственной не только отчиму, но и всей его родне.

Помню, в Москву приехал из Калуги родной брат отчима, и мама отправила меня с ним в Москву — посмотреть Мавзолей и Красную площадь. Трамвай тогда ходил только от Филей, до которых от наших бараков нужно было довольно долго идти пешком. Была ранняя весна, грязь, разбитая дорога, по которой я бежал впереди, а дядя Миша шел по ней в валенках и тулупе и постоянно меня одергивал: «Сергеич, не спеши, не суетись, Сергеич».

Только позже, когда прошло уже много лет, и я повзрослел и обзавелся собственной семьей, до меня дошло, что дядя Миша тогда постоянно, через отчество, подчеркивал свое уважение к моему отцу. Подобную уважительность я потом часто встречал у мужиков деревенского происхождения. Словно в них исторически и генетически сохранилась какая-то очень правильная глубинная мудрость.

После того как у мамы с отчимом появились общие дети, я

почему-то начал очень остро чувствовать необходимость самостоятельной жизни. Не могу объяснить, откуда это чувство взялось: я не был в семье изгоем, никогда не задумывался, что братья мне только наполовину родные, мы жили достаточно крепкой семьей, но внутренне, тем не менее, постоянно присутствовал какой-то дискомфорт. Возможно, это просто было связано с психологическим и физиологическим взрослением, периодом, когда тебе кажется, что ты уже понимаешь жизнь, но при этом легко способен принять первый поцелуй за единственную и, разумеется, настоящую любовь. Я же реально считал себя взрослым, поскольку в 14 лет уже начал зарабатывать деньги: проводил каникулы, работая матросом-спасателем на водной станции Кунцево, подрабатывал на каких-то стройках. Возможно, это и стало косвенной причиной того, что повзрослел я действительно быстро. А может быть, мне просто повезло в том, что где бы ни оказывался, вокруг меня всегда были более взрослые люди, глядя на которых я непрерывно чему-то учился и за кем-то тянулся. Как это собственно было и в детстве в нашем дворе.

* * *

Распределение у нас в техникуме проводилось на четвертом курсе, еще до того, как заканчивалась сама учеба. Меня распределили в восьмой цех, где делали радиолокационные станции П-15-для наведения по низко летящей цели. Потом, когда меня призвали в армию, я даже три месяца служил на такой станции. Но работая в цехе, я не то, чтобы мучался, но не чувствовал никакого удовольствия от этих занятий. Не было ни страсти, ни куража. Как собственно и при обучении в техникуме. У меня там хорошо шел сопромат, неплохо — математика. Все, что было связано с вакуумными приборами, не интересовало меня вообще. Чем дальше, тем отчетливее я понимал, что все это — вообще не мое. Спорт с периодическими выездами на сборы и соревнования увлекал куда сильнее. Тем более что со спортом был полный порядок: при заводе имелся собственный спортивный клуб, который назывался «Кунцево».

Система была проста: как только наступает зима, тебя освобождают от работы в цехе. Днем ты тренируешься, а ночью, допустим, выходишь заливать заводской каток, что считается той же самой работой. Приезжаешь с соревнований — со стороны работяг к тебе почет и уважение. Все интересуются, как выступил, болеют, поддерживают.

Учась в техникуме, я выступал во всех соревнованиях подряд. Однажды к нам на завод пришел работать Виктор Иванович Ильин, который был участником Олимпийских игр в Мельбурне в командной гонке на треке. Он собрал тогда троих пацанов и меня, и мы под его руководством ехали за заводской клуб командную стокилометровую гонку на первенство Московской области. На велосипед до этого я профессионально не садился, зимой выступал только в лыжных и конькобежных соревнованиях, но Ильин сказал: «Ты же лыжник — ты наверняка сможешь!» Не выйти после таких слов на старт было бы совсем малодушным.

С Ильиным меня впоследствии жизнь свела самым причудливым образом: Андрей Захаров, который много лет спустя принимал у меня велосипедную всероссийскую федерацию, стал его зятем.

С горными лыжами была другая история. Однажды я заглянул в каморку нашего физрука Бориса Ивановича — бывшего отставника, какими были и многие другие учителя, преподававшие нам физкультуру и военную подготовку, и увидел у него мукачевские горные лыжи с железным кантом. В тот момент я думать обо всем забыл: ходил за физруком хвостом и клянчил: «Ну дайте хотя бы покататься!». Он отмахивался:

— Ты же голову сломаешь!

— Не сломаю!

— А на соревнования поедешь?

За одну только возможность постоять на таких лыжах я в тот момент был готов к черту на рога поехать и душу дьяволу продать. И когда получил их, чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

Серьезные занятия спортом с тех лыж, собственно, у меня и начались. Как раз в те времена в Крылатском открылась первая в стране секция по горным лыжам, которую возглавляли Владимир Иванович Афанасьев и Дмитрий Ефимович Ростовцев. У последнего я какое-то время тренировался и даже ездил на тренировочные сборы в Бакуриани.

Учась в техникуме, я дошел до уровня кандидата в мастера спорта, был призером всесоюзных соревнований, Тот период жизни постоянно как бы уводил меня в другую жизнь. Сталкивал с новыми занятиями, с новыми людьми, давал возможность заглянуть за рамки обычной бытовой жизни. И мне это нравилось все больше и больше.

Много лет спустя я буду анализировать работу питерской школы легкой атлетики имени Виктора Алексеева и замечу интереснейшую вещь: большинство спортсменов Алексеева учились в технических, а не в физкультурных вузах. Видимо

тренер в какой-то момент понял, что человеку с техническим образованием гораздо проще объяснить биомеханику того или иного движения. Не знаю, пришел ли Алексеев к этому интуитивно, или научным путем, но ведь это реально работало!

Возможно, и мне мое техническое образование позволяло конструировать в сознании какие-то вещи и давало возможность гораздо технологичнее подходить к решению тех или иных проблем. Когда я стал выезжать на серьезные тренировочные сборы в Бакуриани и Алма-Ату, круг знакомств тоже стал расширяться. У Афанасьева по тем временам была очень неплохая школа. В горных лыжах тогда выступала Женя Сидорова, которая была первым отечественным призером зимних Олимпийских игр — завоевала бронзу в 1956 году в Кортина д'Ампеццо. Жила вся ее семья в деревне Лужники, расположенной прямо под трамплином. И для нас она конечно же была кумиром.

Там же жили наш известный горнолыжник и впоследствии тренер Виктор Тальянов, Таллий Монастырев, так что для меня было великим счастьем соприкоснуться с этими людьми. Неудивительно, что мир этот просто засосал меня в себя. После работы и по выходным я мчался на Ленгоры, возвращаясь домой чуть ли не ползком, из последних сил таща за собой лыжи. Но какое же это было удовольствие!

Но потом все это закончилось. Я ушел в армию…

Глава 2. Армия

Поступление в школу тренеров после окончания техникума представлялось мне абсолютно логичным шагом. Начав работать на заводе, я женился, вскоре на свет появился сын Борис, и уходить в армию мне по понятным причинам совершенно не хотелось. Это сейчас я постоянно втолковываю внуку и внучкам, что в жизни никогда не нужно никуда спешить, надо полностью проживать каждый момент, не прыгать через ступеньки. А тогда сам очертя голову бросился в семейные отношения, хотя мне было всего девятнадцать лет. К счастью нам удалось благополучно решить жилищный вопрос: как раз в то время стали сносить наши бараки в Кунцево и расселять семьи в отдельные квартиры. В результате наша большая семья получила сразу три квартиры: в одну въехали бабушка с дедушкой, в другую — мама со своей семьей, третья досталась мне.

В Москва тогда существовала организация, которая называлась «Седьмой райсовет «Динамо». К ней относилось все, что было связано в Москве с атомной промышленностью, то есть «Средмаш» — министерство среднего машиностроения. В истории нашей страны это была одна из крупнейших промышленных организаций.

В ведении «Средмаша» находился Курчатовский институт ядерных исследований, несколько научно-исследовательских институтов, которые располагались в том же «атомном» блоке, в одном из этих институтов мне и предложили работу с вакуумными установками под руководством довольно известного по тем временам профессора Самойлова. Потом профессор стал членом-корреспондентом, академиком, а тогда мы бок о бок работали вместе и однажды даже нечаянно сломали какую-то вакуумную установку — что-то у нас с ней не получилось.

Учиться в школе тренеров, когда я туда поступил, мне, разумеется, было гораздо интереснее. Многие предметы нам преподавали те же самые специалисты, что в институте физкультуры. Спортивный массаж у нас вел легендарный Анатолий Бирюков и драл со студентов три шкуры, принимая зачеты. Преподаватели заставляли нас не просто войти в анатомичку и научиться разбираться в строении человеческого тела, но досконально погружали в основы физиологии, анатомии, спортивной психологии. То есть база для дальнейшей учебы, как и для работы в спорте, закладывалась уже там, и была более чем основательной.

Поэтому я постоянно думал о том, чтобы сменить место

работы. И придумал: рядом с Курчатовским институтом располагался существующий по сей день институт биофизики Академии медицинских наук, который тоже входил в систему «Средмаша», и я перевелся туда на должность инструктора по спорту при профсоюзном комитете.

С этого момента, можно сказать, и началась моя профессиональная работа в спорте.

* * *

Помимо должностных функций и собственных выступлений в соревнованиях, я вел в институте чисто практическую работу — за дополнительную зарплату руководил двумя спортивными секциями, поскольку рос сын, и нужно было как-то содержать семью. У меня с тех времен даже сохранилось удостоверение тренера-общественника, которое давало право официально заниматься тренерской деятельностью, не дожидаясь окончания школы тренеров.

Единственной проблемой была маячившая армия. Бронь, которая освобождала молодых специалистов от срочной службы, к тому времени с института уже сняли или собирались в скором времени снять, короче, я решил, что не стоит пытаться кого-то обманывать и играть с судьбой в прятки. А нужно пойти, отслужить и закрыть эту тему уже окончательно.

Служба в армии длилась тогда три года, но мои динамовцы меня успокоили. Пообещали, что обо всем договорятся, и я сразу после призыва попаду в штатную войсковую команду. Из военкомата к нам домой на проводы даже приезжал какой-то капитан, который то и дело повторял: мол, к чему прощаться и расстраиваться, если через неделю, максимум — через две я снова буду сидеть за этим же самым столом.

С таким настроением я и пришел на призывной пункт. Будущее казалось самым радужным, тем более что перед самым призывом я выполнил норматив мастера спорта в гонке на двадцать пять километров. Нас погрузили в вагон и куда-то повезли.

Ехали мы двое суток. Состав, как выяснилось, направлялся в Ростов-на-Дону, но это не было конечной точкой. В Ростове мы поменяли поезд и поехали дальше.

Конечным пунктом нашей поездки оказалась станица Крымская. Там в учебной роте я провел почти четыре месяца. Пытался звонить в Москву, но все контакты как обрезало. Ни ответа, ни привета.

Помог случай. Как-то меня вызвал к себе заместитель командира полка по хозяйственной части и пожаловался, что для ремонта казармы в части нет витого электрического провода.

— Может, у себя сумеешь достать? — спрашивает. — Ты же — москвич?

Я аж затрясся:

— Я вам луну с неба достану, только отпустите!

Мне быстро оформили все документы, дали пачку наличных денег и я поехал в Москву — искать провод, а заодно и попробовать прояснить свою дальнейшую судьбу. По линии комендатуры никого найти так и не смог, и уже в полном отчаянии обратился к своему горнолыжному тренеру — Дмитрию Ростовцеву.

В Ростове тогда базировался штаб Бакинского округа ПВО, а сам округ был огромным, захватывал даже Туркмению. Начальником физподготовки там был Гурген Шатворян — чемпион мира по греко-римской борьбе. Вот Дмитрий Ефимович и сказал: «Я, пожалуй, позвоню Жоре» — так в те времена Шатворяна называли его друзья.

Ответа из Москвы я ждал с большим нетерпением. Армия, служба, ночные дежурства — это же все впечатляет! Дедовщины, к счастью, у нас не было. Она проявлялась в каких-то мелочах — например, постоянных придирках старшины.

Армейский старшина почему-то всегда был с Украины. Вот и наш оказался таким же. Прекрасный служака, но очень любил воспитывать «салаг» — первогодков. Зайдет, допустим, в казарму, где только-только полы надраены, оглядится: «Грязно!» Ему возразишь — мол, полы сверкают, только вымыли, где ж тут грязь? А он сапог снимает и с нажимом резиновым каблуком по полу — так, что черная полоса появляется: «Вымыли, говорите?»

Смотришь на него в этот момент и мечтаешь только об одном: взять табуретку и дать ему с размаха, что есть сил…

Еще молодых гоняли за одеколоном. Пили по тем временам в армии исключительно «Тройной». Разбавляли его водой из-под крана и получалось мутное вонючее пойло. Редкая гадость. Один раз меня в армии просто заставили отхлебнуть за компанию со всеми, а вот вторая встреча с этим удивительным напитком случилась много лет спустя. Я как-то был в командировке в Новосибирске, застрял в аэропорту и решил поехать в Красноярск поездом. Билет сумел купить только плацкартный, залез на верхнюю полку и заснул.

Под утро мне приснилась парикмахерская, причем ощущения были настолько острыми, что я невольно открыл глаза. И увидел дивную картину: мои соседи снизу — ими были, как выяснилось,

бывшие зэки, которые ехали в Красноярск на поселение, разливают по стаканам тот самый напиток, запах которого мгновенно пробудил во мне все армейские воспоминания.

Для некоторых армия в те годы была не только испытанием, но и благом. В нашей роте был парень откуда-то из-под Новгорода, который мало того, что первый раз в жизни выехал за пределы своей деревни, но впервые за восемнадцать лет надел на себя новое белье. Ходил и просто светился счастьем от того, что на нем полное солдатское обмундирование. Я много с ним общался, расспрашивал про жизнь — интересно же. А жизнь была проста: встал в пять утра, молока из крынки выпил с краюхой хлеба и куском сала — и на трактор, поля пахать. Вечером вернулся, харю от грязи в тазу отмыл — и в деревенский клуб к девкам на танцы, часов до двух ночи. А в пять снова в поле. Вот и вся жизнь.

* * *

Поскольку от Шатворяна не было никакого ответа, я написал ему письмо. И через неделю в штаб части приходит указание: перевести рядового Сысоева в Баку в спортивную роту.

Думая о том периоде своей жизни, я не раз приходил к выводу, что мне фантастически повезло в жизни. Прежде всего в том, что свою собственную страну — Советский Союз — я объехал вдоль и поперек, включая самые дальние закоулки. Ни одна прочитанная книга не даст таких знаний, какие я получал, общаясь с людьми в Туркмении, на Дальнем Севере, на Камчатке. Проехал уйму закрытых городов. Все это стало огромной жизненной школой. И началась она — в Баку.

Мой поезд пришел в город поздно вечером, и я чуть было сразу не загремел в каталажку: поскольку не знал, куда идти, обратился прямо на вокзале к военному коменданту. А он тут же дал отмашку в комендатуру — она в Баку располагалась недалеко от вокзала — в крепости возле Девичьей башни. Меня немедленно задержали, но к счастью, комендант связался с кем-то из спортивной роты, и прямо среди ночи за мной приехал совершенно заспанный и недовольный старшина. И отвез в казарму.

Спортивная рота находилась в верхней точке города за телевизионной башней — там, где разбит бакинский ботанический сад. Там я запоздало понял, что горных лыж в моей жизни скорее всего уже никогда не будет, но горевать по этому поводу уже не приходилось: началась моя активная армейская

спортивная жизнь. Другая жизнь, которая продлилась два года и семь месяцев.

На тот период времени Баку был очень спортивным городом. Там базировались очень сильные, известные на всю страну спортивные клубы: волейбольный — «Нефтчи», ватерпольный — ККФ, был очень развит велосипедный спорт — в сборную СССР входили сразу несколько бакинских гонщиков. Руководство республики и города очень любило спорт и всячески его поддерживало.

А еще Баку был одним из самых интернациональных городов Кавказа — этим он очень походил на двор моего кунцевского детства. Кого там только не было: армяне, грузины, азербайджанцы, евреи… Там я увидел жизнь с совершенно иной стороны и, пожалуй, впервые очень отчетливо понял, что Москва — это не Советский Союз, а совершенно отдельное государство. Дело было даже не в национальном колорите. А в массе мелочей, из которых состоял иной уклад. Непривычный, непонятный и оттого — раздражающий массой деталей. Например, утренними песнопениями муэдзина, который чуть свет начинал голосить с минарета ближайшей мечети.

Нашим велосипедным тренером был Миша Цатурян. Когда он узнал о том, что я какое-то время успел поучиться в школе тренеров, то попросил меня помимо своих собственных тренировок помогать ему в работе с молодежью. Я с радостью согласился — не столько потому, что мне была интересна тренерская работа, хотя занимался я ей с удовольствием, но еще и потому, что помощнику тренера полагался мотоцикл.

Ездили мы много. Сборы и выступления проводились в разных частях республики — в старой столице Шамахы, на юге — в Али-Байрамлы, в Гянжи, Каббале. Мало-помалу ко мне приходило понимание другой культуры. Много лет спустя я пойму, что причиной развала нашей огромной страны стал и тот факт, что мы в России и бывших республиках в какой-то момент перестали стремиться к тому, чтобы познать, понять и принять культуру друг друга. Стали пытаться навязать свои привычки и обычаи, встать как бы над всеми — и это было колоссальнейшей ошибкой. А тогда в Баку восточная культура виделась мне ничуть не менее богатой, чем российская, и очень интересной. Суп-харчо я впервые попробовал именно там, и, помню, когда попросил повара выбросить из супа траву, которая с непривычки показалась мне странной и невкусной, то услышал: «Это не трава, дорогой. Это — зелень».

Я привыкал есть много зелени, привыкал к тому, что голос муэдзина становится неотъемлемой составляющей моего

жизненного сюжета, привыкал во время сборов питаться в чайханах, которые представляли собой еще один колоссальный срез тогдашней жизни — с традициями бесконечных чаепитий, аксакалами. Люди приходили в чайхану с самого утра, и, уходя вечером, оставляли там намного больше денег, чем можно было потратить в любом городском ресторане.

Для нас, велосипедистов, чайхана была во время сборов, пожалуй, единственным местом, где можно было нормально, хотя и без роскошеств поесть: колбаса, хлеб, сыр, чай, сахар. Иногда — яичница. Если повезет — мясо. От всего этого веяло такой древностью жизненного уклада и столь глубинной мудростью, что не проникнуться этим ощущением было совершенно невозможно.

Именно там я начал понимать, что совершенно бессмысленно пытаться каким-то образом нарушить устоявшиеся порядки, изменить матрицу, в соответствии с которой веками развивалась цивилизация на Востоке. Можно только проникнуться ее ценностями, найти собственную нишу, не беспокоя никого вокруг. Так рождалось понимание: как только ты попытаешься быть вне потока или тем более на кого-то давить, подстраивая реальность под себя, тут же возникнет протест. И вылиться он может в самые неожиданные формы.

В Али-Байрамлы (сейчас этот город называется Ширван) у нас были самые тяжелые сборы. Дорога туда из Баку лежала через саж-завод — предприятие, производившее сажу. Когда ветер дул с Каспия, вся эта черная жуть слоями ложилась на шоссе. Достаточно было проехать по дороге один раз, и отмыться становилось совершенно невозможно. Опускаешь в тазик с водой руки — а рук через секунду уже не видно.

Плюс — совершенно невероятное, прожигающее насквозь солнце. Насквозь — в буквальном смысле этого слова. Когда мы после гонки шли в баню, на спинах у всех были выжжены номера — солнце прожигало их сквозь майки. На пляжах, хоть мы не так часто туда выбирались, местный народ сбегался смотреть на удивительный «велосипедный» загар — от середины плеча, там, где заканчивался рукав майки, и от кромки велосипедных шорт.

Я мучился сильнее других, поскольку был блондином. На сгибах рук кожа порой обгорала так сильно, что обнажалось мясо. Помню, одна бабушка подошла ко мне на пляже и спрашивает: «Сынок, отчего это руки у тебя такие?» А я ей отвечаю: мол, вместе с братьями целый день торгуем на солнце пивом — вот руки и обгорают, когда кружки клиентам из окошка протягиваешь. Как она над нами смеялась…

* * *

Команда тоже была многонациональной. В ней был еврей из Одессы, украинец — из Киева, латыш Харис Сазонов — из Риги, Томас Тыну из Эстонии, еще один гонщик из Западной Украины и я. Однажды поздним вечером мы всей компанией приехали в Али-Байрамлы и отправились искать чайханщика — чтобы он нас покормил. Нашли, он открыл чайхану, стал накрывать для нас стол, ставить какую-то еду.

С утра велосипедисты всегда берут с собой бачок с питьем. По тем временам это был сладкий чай с большим количеством сахара — вместо глюкозы. В Азии сахар не такой, как у нас — обычно он наколот мелкими кусочками и стоит на столе в специальной плошке. С одним таким кусочком гость иногда сидит весь вечер, обмакивая его в несладкий чай и смазывая язык.

Когда мы поели, расплатились, чайханщик, который все это время стоял у стены, уже явно был настроен на то, чтобы поскорее от нас отделаться и закрыть чайхану. В этот момент Харис Сазонов, наш рижский интеллигент, вставая из-за стола запустил в сахарницу руку, выгреб оттуда весь сахар и пересыпал его себе в карман галифе.

Глаза у чайханщика выкатились наружу и стали наливаться кровью. Увидев это, я даже не понял, а скорее почувствовал, что сейчас случится что-то страшное. Вскочил и сквозь зубы говорю своим: «Уносим ноги. Немедленно!»

Сазонов так и не понял, что случилось. Всю дорогу недоумевал и переспрашивал:

— Мы ж заплатили, в чем дело?

Дело было вовсе не в цене сахара. А в том, что сахар, стоящий на чайном столе, для любого человека с Востока — священен. Как и сам обряд чаепития. Харис своим поступком сам того не желая оскорбил чайханщика до глубины души. Если бы он просто пришел на кухню и попросил сахара, чтобы приготовить сладкий чай в гонку — другое дело. Ему, уверен, насыпали бы столько, сколько нужно и не взяли бы никаких денег.

Смылись мы из той чайханы очень вовремя. Вокруг чайханщика уже стала собираться толпа и, судя по звукам, которые неслись нам вслед, ничего хорошего ждать от этой толпы не приходилось.

Однажды всей командой нас отправили в Туркмению. Председатель местного спорткомитета попросил нас приехать к нему в республику для того, чтобы готовиться к Спартакиаде народов СССР совместно с туркменской командой — помочь таким образом подтянуть на более высокий уровень тамошних спортсменов. Мы сели на паром в Баку и отправились в Красноводск.

Это был еще один по-своему уникальный опыт. Что представлял собой паром Баку — Красноводск описать словами невозможно. Он отправлялся из Баку ночью, а входил в порт прибытия в четыре утра, потому что как только всходило солнце, оно начинало нещадно палить. Воды нет, но есть чайханщик. И на просьбу дать хоть немного воды, невозмутимо отвечает: «Воды нет, водка хочешь?»

Рядом с нами на том пароме оказалась пожилая женщина — мать потомственного офицера, семья которого всю жизнь прожила в тех краях, охраняя границу. Та женщина пригласила всех нас к себе в дом, чем-то наверное накормила, но я этого не помню. Запомнил только, как мы повалились прямо с порога на холодный тесаный пол, покрытый какими-то льняными рогожками, и было так хорошо на нем лежать, что подниматься не хотелось вообще.

Потом мы все-таки выбрались на Каспий, искупались в заливе, в котором летом часами сидел весь город, и, провожая нас на вокзал, где мы должны были сесть на поезд и ехать в Ашхабад, хозяйка сказала:

— Я вам, сынки, совет хочу дать: когда в вагоне станут разносить чай, постарайтесь оказаться первыми.

Поезда в тех краях ходили — живописнее некуда. Отправлялись они ночью по той простой причине, что передвигаться по пустыне днем в железном вагоне было просто невозможно.

Местные аксакалы в своих халатах обычно почему-то не ездили в спальных вагонах — брали общий. Забирались на верхнюю полку, свешивая босые, немытые ноги вниз, при себе у них всегда был опий — в пузыречке из-под пенициллина, и там же на полке они периодически читали вслух свои молитвы.

Что означала фраза красноводской бабушки насчет чая, мы поняли в тот самый момент, когда в купе зашла немолодая проводница с большим алюминиевым чайником в одной руке и немытой пиалой — в другой. Ополоснув пиалу небольшим количеством чая и выплеснув его на пол, она налила чай и протянула кому-то из нас: «Пей!». И так — по кругу.

Надо было видеть лица наших эстетов-прибалтов. И Харис, и Томас Тыну были на грани обморока. Но пили — куда было деваться?

Вот так там жили люди. Когда ночью поезд останавливался на полустанке, где из колонки даже не текла, а капала вода, весь состав высыпал на улицу с банками, стаканами, какими-то плошками, а машинист ждал несколько часов, пока люди наберут воду.

* * *

В Москве тем временем у меня рос сын, но чем дальше, тем я отчетливее понимал, что нас с женой уже почти ничего не объединяет. Возможно, я просто очень быстро развивался в те годы, постоянно расширял знания, кругозор, но как бы то ни было, вернулся из армии совсем не тем человеком, которым был, когда уезжал. К тому же три года — слишком большой срок, чтобы сохранить отношения в прежнем виде. Но тем не менее мы продолжали жить вместе. Работу мне почти сразу предложил «ЗИЛ», где была неплохая велосипедная шоссейная команда, положив зарплату в 180 рублей в месяц.

В то же самое время я понимал, что не принадлежу и никогда не буду принадлежать к когорте великих спортсменов. Был мастером спорта, крепким середняком, одним из многих. А значит, нужно было задумываться о профессии. В том, чтобы возвращаться в школу тренеров и доучиваться там ради диплома я уже не видел никакого смысла, поэтому сразу поступил на заочный факультет Московского областного педагогического института.

Наверное, я мог бы продолжать гоняться. Шел 1966 год, и 180 рублей в месяц были очень хорошими по тем временам деньгами. Но чувство, что время неуклонно уходит, было сильнее. Вот так я попал в отдел физической культуры и спорта ЦК профсоюза работников Министерства среднего машиностроения, начальником которого был Федор Андреевич Компанеец.

У него тогда начальником учебно-спортивного отдела был совершенно замечательный специалист Александр Кузьмич Кузьмин, который стал меня опекать.

Он, пожалуй, стал тем самым человеком в моей жизни, кто сумел внушить мне первые понятия о ценности организационного работника в спорте. Моя тогдашняя должность называлась «инструктор по спорту», и я, честно говоря, вообще не задумывался о какой-то чрезмерной ее значимости. Но если посмотреть на структуру организации самых разных областей практической человеческой деятельности применительно к мировой практике, инструктор — как медсестра в больнице. Должность вроде и невеликая, а без нее невозможно себе представить существование медицины в целом. Инструктор физической культуры в коллективе, инструктор на производстве — это должны быть люди, которые дают человеку самое первое представление об обучении, помогают освоить профессию наиболее эффективным и рациональным способом.

Кузьмин был страстным рыбаком, а поскольку рыбалка —

занятие молчаливое, это, возможно, наложило отпечаток на его характер, как руководителя. Мы, работая с ним рядом, никогда не слышали, чтобы Александр Кузьмич хотя бы однажды повысил голос. На его примере я усвоил на всю жизнь: если человек старается говорить громко и брать аудиторию голосом, это первый признак того, что он крайне не уверен в себе.

Выражаясь заводским языком, в УСО тогда были собраны главные технологи и главные инженеры спорта. Они аккумулировали опыт самых разных видов спорта, анализировали его, разрабатывали множество рекомендаций. То есть мне снова повезло: три года, что я там проработал, заложили совершенно уникальную основу профессионального понимания очень многих видов спорта.

Работая в ЦК профсоюза, я курировал городки, шахматы, лыжи и горные лыжи, велосипедный спорт, прыжки с трамплина, биатлон, хоккей — то есть фактически все виды спорта, которые существовали в системе «Средмаша». Почти сразу я начал безостановочно ездить по стране. Еду на праздник народов Севера в Мурманск — оттуда на велосипедный сбор профсоюзной команды в Душанбе. Оттуда еще куда-то. Однажды у меня набралось в общей сложности 287 командировочных дней в году, что даже стало темой отдельного разбирательства на профсоюзном собрании, поскольку нарушало все существовавшие правила командирования сотрудников.

Это закладывало фундаментальную организационную основу — уникальную и крайне необходимую для дальнейшей карьеры.

С другой стороны, это была страшная хозяйственная работа. Кто-нибудь может представить, что такое нести на себе в альпинистском рюкзаке цинки с патронами? Я их носил. Привозил на сборы и соревнования тяжеленные пачки лыж. Бывало, поезд тебя выгрузит в Кирове, отнес рюкзак с патронами на пятьдесят метров по платформе, перевел дух, пошел за лыжами. И все это — один. Это была очень жесткая школа. Но даже в совсем тяжелые дни я понимал, что свой выбор в пользу спортивной профессии сделал совершенно правильно.

Глава 3. «Бугор»

В самом конце 60-х в спорте произошла достаточно серьезная реорганизация: исчез Союз спортивных общественных организаций, с поста председателя Спорткомитета СССР ушел Юрий Дмитриевич Машин и на его место был назначен Сергей Павлов, который начал создавать свою команду.

Я продолжал работать в ЦК профсоюза, мне нравился процесс, а главное — я стал очень отчетливо понимать, что треугольник «Спортсмен — Тренер — Руководитель», который всегда существует в спорте — он всегда равносторонний. Там нет главных и подчиненных — каждый выполняет сугубо свою функцию. Задача руководителя — обеспечить труд спортсмена и тренера таким образом, чтобы самому понимать: для производства результата ты сделал все, что только мог.

Уже там мне постоянно приходилось сталкиваться с личностями первой величины.

С ними не всегда было легко, но я понимал: личности всегда нас так или иначе формируют. Самоутверждение, как и профессиональное утверждение на этом фоне, гораздо богаче. Когда перед тобой постоянно стоит задача быть достойным оппонента, ты будешь карабкаться, пробиваться локтями, читать учебники и профессиональную литературу, находить что-то еще для собственного профессионального роста. В моей жизни таких испытаний на грани вызова было достаточно много. И до сих пор считаю: для любого руководителя этот путь намного полезней любого другого. Почему? Потому что среди дураков тебя стремительно засосет трясина лени и серости. Если ты в ней не погибнешь, то станешь таким же средненьким и убогим, как те, кто вокруг тебя. Да, можно получать хорошую зарплату, но по большому счету никому ты в этой жизни не будешь нужен.

Понятно, что я не сильно об этом в те годы задумывался. Получить менее чем за три года доступ к элите, которая работала в спорте, было в определенном смысле неимоверным счастьем.

Люди встречались разные. В том числе и законченные мерзавцы, которых в окружении любого человека по мере его профессионального роста всегда становится больше, чем в начале пути. По этому поводу могу разве что вспомнить анекдот. Гаишник останавливает водителя и говорит ему:

— От вас пахнет. Вы пьяны?

Тот переспрашивает:

— Что, плохо пахнет?

— Ужасно.

— Ну, отойди тогда подальше, если не нравится.

Точно такого принципа я придерживался в своей жизни: не нравится человек — дистанцируйся. Главное — самому не стать таким же. А для этого ты должен сам поставить перед собой шлагбаум и никогда не переступать определенный порог. Все остальное — ерунда.

* * *

В 1969-м, когда Павлов проработал в должности спортивного министра почти год, в Спорткомитете одновременно ушли на пенсию два человека — начальник отдела горнолыжного спорта и начальник велосипедного отдела. В связи с этим меня внезапно пригласил на беседу заместитель Павлова — Георгий Михайлович Рагульский.

Когда я подъехал к нему в Спорткомитет, Георгий Михайлович пригласил меня к себе в кабинет, побеседовал на разные темы. Все это — под тем предлогом, что просто хотел познакомиться. О том, что мне собираются предложить в Спорткомитете какую-то работу, не было даже речи.

Через день мне позвонил начальник отдела велосипедного спорта Михаил Иванович Семенов — он как раз был одним из тех двух сотрудников, которые собирались уходить на пенсию. На тот момент Михаил Иванович был старейшим из всех специалистов, кто работал в велосипедном спорте. Большая умница, да и по жизни человек совершенно замечательный. Мне он сказал:

— Слушай, тебе надо бы к Анатолию Ивановичу Колесову заехать.

С Колесовым мы уже были знакомы, встречались на каких-то мероприятиях. Сам он тогда только-только сошел с тренерского ковра — и сразу был назначен на руководящую должность. Его назначение было одним из экспериментов Павлова по омоложению руководящего состава.

Колесов мне и сказал: приходи, мол, ко мне начальником отдела велосипедного спорта — вместо Семенова.

Я, признаться, растерялся. Начал было объяснять, что накануне меня Рагульский в соседнем кабинете «допрашивал»… Анатолий Иванович рассмеялся:

— В горные лыжи склоняли? Знаю. Георгий Михайлович посетовал, что у тебя нет высшего физкультурного образования, поэтому он не сможет тебя взять. А я беру. Пойдешь?

На тот момент у меня за плечами был только второй курс МОПИ, к тому же заочный. Но Колесов, тем не менее, рискнул

взять на себя такую ответственность.

В ЦК профсоюзов против моего назначения не возражали. Вызвали к начальству, пожали руку, пожелали удачи.

Начальником управления прикладных видов спорта тогда был Аркадий Николаевич Ленц. Умнейший руководитель, который сыграл поистине неоценимую роль в моем становлении и благодаря которому я усвоил один из основополагающих принципов руководства. Ленц не стал торопиться убирать из отдела моего предшественника Семенова, а сделал его как бы моим наставником, хотя по тем временам Михаил Иванович казался нам глубоким стариком — ему было 65 или 66 лет.

Этот шаг Ленца сыграл огромную роль. Мы с Семеновым вместе ездили в Тулу проводить соревнования, Он представлял меня великим — Ростиславу Варгашкину, Вадиму Бахвалову, Виктору Капитонову, Анатолию Череповичу и другим — людям, на которых тогда держался весь велосипедный спорт.

Аркадий Николаевич сам был классным методистом и учил нас, а порой и заставлял, идти своим путем, но не пытаться подменять тренера. Тогда в стране вообще было немало по-настоящему великих личностей в области организации. Например, Вениамин Леонтьевич Батаен. Человек-глыба. Легенда велосипедного спорта, заслуженный мастер спорта. Всевозможные связи и рычаги влияния у него, как у спрута, простирались по всей стране.

Такими же глыбами были главный тренер «Динамо» по велосипедному спорту Всеволод Павлович Макаренко, Владимир Архипович Прошин, который возглавлял велосипедный спорт в Вооруженных силах, главный тренер сборной профсоюзов Александр Иванович Симаков, глава омского велосипедного центра Леонид Иванович Живодеров. Это были люди такого профессионального уровня, закваски и закалки, что разговаривать с ними с позиции начальника было просто самоубийством.

В самом Спорткомитете в том же управлении сводного планирования сидели люди, чья роль на первый взгляд была не бог весть какой заметной, но это были мастодонты управления, потрясающие знатоки технологии спорта, его методик. Мне почему-то запомнилось, как Александр Сергеевич Чикин, который занимался в нашем отделе статистикой и постоянно заполнял цифрами какие-то амбарные книги, увидел, как я написал в каком-то документе «велоспорт», одернул меня:

— Запомни, молодой человек, велоспорт — это извращение. Ты же сам велосипедист? Значит, обязан писать в документах правильно: велосипедный спорт.

Вроде бы мелочь, а таким путем прививалась любовь к четкости, грамотной речи, грамотному письму, уважению к собственной профессии. И таких примеров было много.

* * *

Велосипедный спорт в нашей стране был в те времена в большом фаворе. Достаточно было хотя бы однажды приехать в Тулу и посмотреть, как проходят чемпионаты СССР. Тула была, пожалуй, единственным в стране городом, где на трибунах можно было увидеть старушек совсем преклонного возраста, но не с семечками или вязанием, а с секундомерами. У нас в то время был такой судья Всесоюзной категории — Василий Никитич Евдокимов, с лысой, как биллиардный шар головой. Однажды он судил спринт и в чем-то серьезно ошибся. Так вот эти старушки немедленно сочинили частушки и начинали распевать их во весь голос, как только Евдокимов появлялся на стадионе:

Главсудья наш — экстра-класс:

Василь Никитич Фантомас!

Такое количество зрителей, какое собиралось в дни заездов на Большой приз Тулы на трибунах, я видел в своей жизни только один раз — во Франции.

Наиболее сложно, как ни странно, у меня складывались отношения с Александром Кузнецовым из Питера. По характеру, несмотря на молодость, он всегда был очень себе на уме, и иногда это становилось просто невыносимым. Помню, мы проводили гонку на 23-м километре Минского шоссе, Кузнецов тогда только начинал карьеру — работал на базе питерского «Локомотива» и тренировал Галину Цареву, ставшую впоследствии его женой. Не помню уже темы разговора, но помню, что Александр Анатольевич стал как-то безапелляционно навязывать нам свое мнение, не считаясь ни с кем вокруг, чем довел всех до белого каления. Я взял с обочины оставленную кем-то лопату, отвел Кузнецова в сторонку и сказал:

— Сейчас вот этой самой лопатой я выкопаю здесь яму и тебя в ней закопаю, понял?

Как ни странно с того самого дня отношения между нами пошли на лад. Дружим до сих пор, я с удовольствием бываю у Кузнецова в гостях.

Правда, характер у Александра Анатольевича остался прежним. Когда к руководству российской федерацией велоспорта пришел Игорь Макаров, его отношения с Кузнецовым тоже начались с грандиозного конфликта. Мне стоило немалых

сил объяснить тогда Игорю, что тренера такого класса нужно воспринимать таким, как он есть. Потому что главная задача у него в жизни одна — работать на отечественный велоспорт. Ничто другое его просто не интересует.

Кузнецова в ранние годы его тренерской карьеры не всегда принимала тренерская велосипедная плеяда — слишком был колюч и не упускал случая сообщить коллегам о том, что все они неправильно, а главное — недостаточно работают. Главным оппонентом Кузнецова был недавно ушедший из жизни Владимир Петров из тогдашнего Куйбышева — глава армейского велосипедного центра. Петров никак не мог своими спортсменами обыграть кузнецовских и постоянно бурчал: «У него что-то не так. Что-то он наверняка химичит в своей Военно-медицинской академии». А ведь сам был великим!

При этом Петров прекрасно знал, да и не только он, что спортсменов Кузнецова ни разу в жизни ни в чем не уличили. Просто он работал по уникальной методике, подразумевавшей очень большой объем работы прежде всего. И умение убедить.

Многие кузнецовские спортсмены просто не выдерживали подобных нагрузок, уходили. Зато те, кто оставался, становились великими.

Но я забегаю вперед.

* * *

Когда Павлов пришел в Спорткомитет, он привел с собой большой отряд из ЦК комсомола. Там было немало бывших известных спортсменов, например, гимнаст Юра Титов — олимпийский чемпион Мельбурна в командном первенстве. Павлову каким-то непостижимым образом удавалось находить очень профессиональный баланс: он с первого взгляда видел в людях их потенциал и давал им возможность его реализовать, пусть даже путем проб и ошибок. При этом на «хозяйственные» должности Сергей Павлович брал людей из других сфер и тоже почти никогда не ошибался с выбором. Это было удивительно: когда тебя вот так внезапно политически «опустили», как считалось по тем временам, и бросили из ЦК на спорт.

Интересно, что когда много лет спустя точно так же — партийным решением высшего руководства страны на должность председателя Спорткомитета пришел Марат Грамов, он, говорят, выйдя из кабинета Юрия Андропова, от которого узнал о назначении, в сердцах бросил: «Знать бы еще, кто порекомендовал направить меня разгребать это дерьмо?»

Павлов же нашел в спорте себя. Причем — стремительно.

Величайшей его заслугой стало, на мой взгляд, то, что он сумел из абсолютной «местечковости» спорта, своего рода символом которой был застиранный тренировочный костюм с вытянутыми коленками и ракеткой под мышкой, сделать социальное явление, достойное той страны и того общества, в котором мы жили. В спорт пришли представители мира искусств, литературы, космонавтики. В нем появились Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Элина Быстрицкая, Алексей Леонов, Юрий Гагарин. Именно Павлов выстроил эту горизонталь, дал понять обществу, что спорт — это не просто голы, очки и секунды.

Нам, работникам спорта того периода, Сергей Павлович дал понять, что мы такие же ценные для страны люди, как представители любой другой отрасли, любой другой профессии. Иначе говоря, он окружил спортивную профессию множеством сопутствующих «платформ», оперся на них — и лифт пошел вверх.

Круг друзей в республиках и областях первое время после назначения, да и потом тоже оставался у Павлова «комсомольским». Меня порой тоже спрашивали, куда бы я ни приезжал в командировку: «А в ЦК комсомола вы кем работали?» И не верили, когда я отвечал, что не имею и никогда не имел ни малейшего отношения к ЦК.

Оппонентов у Павлова тоже хватало. Хозяйство ему досталось сложное, положение — в связи с отсутствием каких-то выдающихся результатов — тоже, и надо было обладать незаурядным умом и талантом руководителя, чтобы сдвинуть всю эту махину с места и заставить работать. Меня всегда удивлял тот факт, что, не вписавшись в какой-то сегмент политической власти, Павлов никогда не выглядел перед своими бывшими коллегами по ЦК пораженцем. Напротив, сохранил и развил в себе все то могучее, что должно отличать настоящего мужика, лидера.

Конечно же, все это далось ему дорогой ценой. Думаю, что ранний уход Сергея Павловича из жизни — это тоже совокупность многих вещей и постоянно растущее число оппонентов.

Но тогда об этом никто не думал. К тому же Павлов очень быстро сумел найти общий язык со всеми выдающимися тренерами и спортсменами. Как это ему удалось? Наверное, весь секрет заключался в том, что при своей всепоглощающей любви к людям спорта, Сергей Павлович никогда не пытался мериться с ними авторитетом.

* * *

Что такое руководить уже состоявшимися в профессии тренерами, сам я понял достаточно быстро. У нас в отделе в особом авторитете был Бахвалов. Во-первых, Вадим раньше всех попал в судейский корпус Международной федерации. Во-вторых, он знал французский язык и представлялся нам очень большим интеллектуалом. Его никогда не интересовали какие-то дружеские попойки, держался он как бы особняком.

В шоссейном велоспорте тогда шла какая-то затянувшаяся черная полоса — результатов не было вообще. Капитонов, когда пришел в отдел, только-только сам слез с велосипеда, Толя Черепович тоже не имел большого опыта. На фоне общей публики в нашем отделе велосипедисты вообще выглядели несколько затюканными. На самом козырном месте сидел тогда Валентин Писеев со своей фигурнокатательной публикой, потом — борцы, боксеры, тяжелоатлеты, и у всех, в отличие от нас, были приличные результаты.

Однажды я собрал тренеров и объявил: завтра поедем на тренировку к Анатолию Тарасову. Большей легенды тогда в отечественном хоккее не было. К тому же Тарасов находился в фаворе, делал все, что считал нужным сам, ни перед кем не отчитываясь.

Мне казалось, что я придумал безумно интересный ход, и был страшно горд собой, тем более что договориться с Тарасовым о визите оказалось достаточно непростой задачей. И разумеется совершенно не ожидал того, что «мои» тренеры пойдут жаловаться на меня Ленцу: «Кого вы к нам в отдел привели? Где мы, а где — хоккей?» Ленц вызвал меня к себе и начал вразумлять: мол, все понимаю, но может быть, не стоит так резко?

Но меня уже понесло:

— Аркадий Николаевич, ну, они же уперлись в свои рамки, не интересуются даже тем, что рядом. Понимаете, в спорте есть очень много общего. Вы же сами создали управления единоборств, прикладных видов спорта, борьбы — совместили множество видов спорта. Пусть у нас разнятся методики, но психология, настрой, работа с людьми. Вы же сами должны понимать, что…

Ленц перебил:

— Ты меня что ли учить собрался? Езжай уже…

Не знаю, как остальных, а меня та тарасовская тренировка потрясла. В тот день, как потом выяснилось, Анатолию Владимировичу нужно было дать команде очень большой объем

работы на льду. Что делает этот мастер интриги и психологии человеческих отношений? Он приглашает на тренировку прессу. Киножурнал «Советский спорт», журнал «Советский Союз» — всю журналистскую братию тех времен. А пацанам своим говорит: «Ребята, нас сегодня снимают, а завтра вас увидит вся страна».

Не передать, как на той тренировке корячилась вся команда, с каким азартом игроки лезли на камеры, повторяли какие-то куски тренировки. А в конце, когда закончилась тренировка и команда ушла в раздевалку, Тарасов совершенно буднично нам сообщил, что никакого «кина» не будет — журналисты снимали всю тренировку без пленки — просто для того, чтобы создать нужный эмоциональный фон.

Напряжения в моих отношениях с подчиненными та поездка тем не менее не сняла. И тогда Аркадий Николаевич вызвал меня к себе снова и как бы невзначай сказал:

— У тебя, знаю, механик есть хороший, Слава Полецкий. Ты попроси его, чтобы он накрыл «поляну» в гостинице «Украина», в ресторане там внизу.

Сам я по тем временам к алкоголю вообще не прикасался, не курил, поэтому просьба Ленца застигла меня в некотором смысле врасплох. Но стол тем не менее мы организовали. Пришли в ресторан всем отделом, сели, поужинали. Что могу сказать: мордобития не было. Но высказали мы тогда друг другу немало. И дальнейшая жизнь как-то враз пошла гораздо более конструктивно.

Много лет спустя я узнал, что как раз тогда мои коллеги из отдела дали мне кличку: Бугор. Так бывает, когда прозвище вдруг рождается из-за одной единственной фразы. После моей эскапады с хоккеем кто-то из старожилов отдела сказал: мол, жили — не тужили, и тут этот «бугор» появился на нашу голову…

Интересно, что сам я много раз это слово в отделе слышал, но даже не реагировал на него. Мне и в голову не приходило, что Бугор — это я сам. А когда праздновали мое 70-летие и стали вспоминать те годы, Слава Полецкий мне все и рассказал.

В той нашей команде мне был особенно близок Толя Черепович — между нами сложились по-настоящему дружеские отношения. И так вышло, что из-за него у меня случился самый большой конфликт тех времен — с Павловым.

* * *

Дела у велосипедистов потихонечку шли тогда на поправку. В 1970-м мы впервые выиграли чемпионат мира в командной

шоссейной гонке в Лестере, и это, конечно же, был прорыв. Более того, начиная с того самого чемпионата мы застолбили за собой этот вид программы на многие годы вперед. Даже из олимпийской программы в 1992-м его исключили из-за русских: своими победами мы стали сильно надоедать миру. Но перед чемпионатом произошло следующее.

По тем временам оформить команду для участия в мировом первенстве было достаточно сложно. Нужно было подавать заявки не только в международную федерацию, но и в выездную комиссию ЦК КПСС, процедура занимала полтора — два месяца, так что заявки нужно было готовить фактически одновременно с тем, как проходили отборочные соревнования.

Чемпионат страны у велосипедистов в тот год проводился в Каунасе. Туда уехал Черепович, я же постоянно находился на связи с международным отделом ЦК. Время поджимало совсем сурово, и вероятность не оформить команде визы была велика, как никогда.

Сейчас все это выглядит смешно, но по тем временам это была страшная вещь: ты опоздал на день — тебе не дадут визу. Не будет визы, потеряем квоты. Потеряем квоты — попадем под «раздачу». Ну и так далее.

С Череповичем мы заранее договорились: как только тренерский совет определяется в Каунасе с составом, а произойти это должно было сразу после заключительной гонки, он мне звонит рано утром в Спорткомитет, поскольку потом могли возникнуть сложности с телефонной связью, и я пулей отправляю заявки в международный отдел.

В семь утра я уже был на работе. Ждал звонка от Толи полтора часа — безрезультатно. А в 8.30 раздался звонок по прямому внутреннему телефону — от Павлова.

Как он на меня орал… Отчитал по полной программе: «Сидишь на заднице, ничего не знаешь, а твой Черепович…»

Слова, разумеется, были другими, гораздо более грубыми. Из этого потока ругани я понял, что ночью Толя насмерть разбился в Каунасе. Как потом выяснилось, после гонки он сел в машину с четырьмя другими тренерами, сидел сзади и курил в открытое окно. На повороте «Волгу» занесло, ударило о парапет, и она перевернулась. Выжили все, кроме Череповича: стойка между передней и задней дверью снесла ему полголовы.

По иронии судьбы за рулем той машины сидел человек, которого Толя органически не выносил. Не доверял ему, считал проходимцем. И по стечению обстоятельств очутился с ним в одной машине.

Я немедленно отправился в Литву, организовал отправку

тела в Москву, сам его привез, потом занимался похоронами. А еще через день Павлов провел в Спорткомитете заседание руководства, куда меня разумеется не пригласили, и со свойственными ему эмоциями по полной программе меня размазал.

Дело в том, что до этого мы с ним как-то ездили в Тулу на велосипедные соревнования — Большой приз Тулы. Первая жена у Сергея Павловича была родом из тех мест, поэтому он с удовольствием выбирался с ней в родной город, когда случалась такая возможность. Принимал нас там первый секретарь обкома партии, по его же распоряжению в гостинице вечером был организован совместный ужин, что-то, разумеется, мы с Павловым там выпили.

А на совещании, то ли от расстройства, то ли от досады, что все так случилось, он и засадил:

— Я же был с Сысоевым в Туле, видел, какие велосипедисты выпивохи.

Мне, естественно, доброжелатели тут же обо всем доложили. Я вне себя пришел к начальнику международного управления Владимиру Ивановичу Ковалю, который был на этом совещании, и сказал: «Работать с ним не буду!».

Коваль пытался остудить, уговорить меня не делать резких движений, но я уже завелся. В тот же день пошел в отдел кадров и подал заявление на увольнение.

По-человечески я просто не мог поступить иначе. Смерть Толи стала для меня серьезной трагедией. Я знал, что у него неспокойно в семье, что есть проблемы в отношениях с женой, но есть и дочь, которую Черепович безумно любил. На этом эмоциональном фоне слова Павлова выглядели чудовищной, огульной несправедливостью.

Разумеется, Сергею Павловичу доложили, что я написал заявление, он вызвал меня к себе, пытался отговаривать, продавливать, даже угрожать: мол, наши дорожки еще пересекутся. Но я был не настроен что-либо с ним обсуждать. Сказал:

— Сергей Павлович, вы — большой уважаемый руководитель, а кто я? О чем может быть разговор? Давайте не будем ворошить эту историю. Решение я уже принял, отпустите меня — да и ладно.

Вот и ушел. Молча. Хотя могу признаться: не было у меня в жизни ситуации, когда я сильнее хотел бы наговорить в лицо человеку все, что о нем думаю.

* * *

Ушел я тогда в «Динамо». Председателем Центрального совета общества был Алексей Андреевич Куприянов, он же возглавлял Всесоюзную федерацию велосипедного спорта, а я в той федерации был у него генеральным секретарем. Куприянов и позвал меня к себе — начальником отдела прикладных видов спорта. Я согласился с удовольствием: аттестованная должность, материальная сторона, интересная работа, словом — совпало все.

Куприянов был из старой когорты руководителей. Сам был велосипедистом, чемпионом Спартакиады народов, заслуженным мастером спорта, двадцать с лишним лет входил в Международную федерацию велоспорта — вице-президентом. Меня он значительно превосходил в возрасте, но я всегда с огромным удовольствием с ним общался. Алексей Андреевич обычно был немногословен, но всегда умел выслушать. При этом у него блестяще получалось очень быстро суммировать услышанное и кратко дать исчерпывающее и очень четкое заключение по обсуждаемой теме.

При всем своем опыте и многочисленных регалиях, он оставался очень доступным человеком, реально ощущающим жизнь. Мог спокойно предложить подчиненным пойти вместе пообедать, но не дай бог было пробовать за него заплатить: в этом отношении у него были железные устои, причем они не казались какой-то демонстрацией. Просто человек даже в мелочах не допускал, что можно жить за счет каких-то подношений.

Но отношения с Павловым были у него напряженными: Сергей Павлович уже понимал, что эту возрастную категорию сотрудников, сколь бы профессиональными они не были, надо отправлять на пенсию и намеревался это сделать. Сам он, кстати, болел за «Динамо», возможно поэтому стремился сделать общество сильным и современным — с передовыми идеями и активным ядром в руководстве. Думаю, что обо всем этом он не раз говорил с высшими динамовскими чинами.

Другой вопрос, что заменить руководителя на той позиции, которую занимал Алексей Андреевич, оказалось не самым быстрым делом. Министр внутренних дел хотел, чтобы ЦС «Динамо» возглавлял человек из МВД, Куприянов же был аттестован по линии КГБ. А два этих ведомства постоянно внутренне конфликтовали между собой.

Я много тогда размышлял о фигуре Павлова. Несмотря на то, что мы с ним расстались далеко не лучшим образом, как руководитель он дал мне очень многое. При всех острых углах своего характера, он был потрясающим примером, на который хотелось равняться.

Как уже сказал, у него были уникальные отношения с

тренерами. Возможно, ему помогало физкультурное образование: постигнув основы спорта, в том числе, методические и организационные, он никогда не перешагивал грань, за которой начинается насилие, диктат. Скорее, постоянно пытался понять, что действительно нужно для того, чтобы работа была максимально плодотворной. И как только понимал это, моментально принимал решение. Тренеру ведь далеко не всегда бывает просто прийти к руководителю и рассказывать, почему он тренирует так, а не иначе, зачем нужна дополнительная смета, поездки, соревнования, обосновывать свою методику перед человеком, который «не в теме», бывает нудно и противно. Не все к тому же умеют просить.

Павлов же понимал тренеров с полуслова. И так же реагировал: «Я тебе верю, все понял, все сделаем».

Наверное поэтому мне было до такой степени тяжело разговаривать с ним в его кабинете, уходя из Спорткомитета. Мозгами я и тогда понимал, что с моей стороны это всего лишь эмоциональный зигзаг, болезненный процесс роста, которого не избежать, когда соприкасаешься с подобной категорией великих тренеров и великих руководителей.

Было ли то мое решение ошибкой? Не хочется так думать, хотя можно, наверное, рассудить и так. Я предпочитаю называть его творческим поиском, поиском собственного пути. Просто тот излом отношений с Павловым стал отправной точкой всех моих дальнейших размышлений о том, как правильно строить свою собственную работу с людьми. Позже, когда я снова и снова принимался размышлять о том конфликте, я вдруг вспомнил, как еще во времена моей работы в ЦК профсоюза «Средмаша» Александр Кузьмич Кузьмин как бы исподволь старался учить меня никогда не рубить сплеча. Мы с ним довольно много ездили по разным объектам — тогда была принята такая форма взаимодействия с подведомственными организациями: приезжаешь на завод или в институт, как инструктор ЦК профсоюза, там собирают актив, состоящий из пары-тройки сотен человек, ты выступаешь, тебе задают вопросы.

В одной из таких поездок Кузьмин, который сидел в аудитории и слушал мое выступление, сказал, когда мы остались одни:

— Позволь дать тебе совет. Если ты, разговаривая с людьми, вдруг почувствовал, что в чем-то сомневаешься и не уверен в своих словах, объяви перерыв. Выйди на улицу. Погуляй минут пятнадцать, подумай, все взвесь, побудь наедине со своими мыслями. Если есть кому позвонить — позвони, в этом нет ничего унизительного. А уже потом возвращайся к людям.

Когда я немного остыл после конфликта с Павловым и стал заново прокручивать в голове тот наш разговор, до меня вдруг начало доходить, что смысл всех слов Сергея Павловича, пусть они были высказаны в крайне эмоциональной форме, сводился к тому, чтобы любым способом удержать меня от ухода. Ведь в начале нашей встречи Павлов реально меня уговаривал. Он ведь первым делом тогда спросил: «Зачем ты это делаешь?» То есть дал понять, что не одобряет мой поступок, а значит — верит в меня, раз пытается удержать от резких шагов. Возможно, признать собственную неправоту ему просто не позволяло самолюбие, ведь тот мой поступок реально его задел. А я, молодой дурак, решил показать, какой крутой и непреклонный.

Еще я часто думал после того случая о том, как важно уметь вовремя сбить с себя внутреннюю спесь. Это сложный и малоприятный процесс. Когда сбить спесь с человека пытаются другие, любой сразу взбрыкивает, и это понятно. Но если ты работаешь с большой массой людей, если претендуешь на то, чтобы к тебе относились с уважением, должен уметь сам ставить себя на место. В этом отношении история с Павловым стала для меня уроком на всю последующую жизнь.

Глава 4. «Динамо»

Когда я уходил из Спорткомитета в «Динамо», с одним из моих коллег — тоже Виктором Капитоновым, но не нашим, велосипедистом, а из конькобежного спорта — у меня случился интересный диалог. Он мне сказал, желая хоть как-то поддержать, наверное — все ведь были осведомлены о причине, по которой я ухожу:

— Ну, теперь зато будешь генералом.

Я ответил:

— Не буду никогда.

— Почему?

— Сам подумай: на освобожденной комсомольской работе я никогда не был, на партийной — тоже, ну, как с такой биографией я могу стать генералом?

По тем временам даже высшая динамовская должность, то есть председателя Центрального Совета — была полковничья. Генеральской она стала позже, когда Куприянова сменил на этом посту Петр Степанович Богданов. С его приходом в ЦС поменялась административная структура, поскольку страна уже вовсю готовилась к Олимпиаде, и должность стала генерал-майорской.

Структура «Динамо» вообще была уникальной. По юридической сути регистрации, оно было общественной организацией, но президиум состоял исключительно из государственников. Начальники войск, заместители министров. То есть вся формула динамовской жизни была сугубо государственной, хотя документально «Динамо» стояло в государственном плане последней строкой — после православной церкви.

Впрочем, дожить до генеральских погон мне предстояло не скоро. Генерал-майором я стал, когда сменил на посту председателя Богданова, вернувшись в общество из Спорткомитета СССР, с должности заместителя тогдашнего председателя Марата Грамова. Хоть и говорил, уходя от Павлова, что в государственную систему управления не вернусь больше никогда, история все-таки повторилась — в 1983-м.

А в 1970-м у меня даже близко не было мотива идти в «Динамо» ради генеральских погон. Не думал, что даже майором стану. Точнее сказать, вообще не думал об этой стороне своего назначения. Гораздо больше меня увлекала мысль, что в очередной раз я вышел на большую аудиторию великих тренерских умов, выдающихся личностей. В Спорткомитете я

лишь частично соприкоснулся с ними. Но это не шло ни в какое сравнение с той плеядой, которая была на тот период в «Динамо»: Гавриил Качалин, Михаил Якушин, Константин Бесков, Александр Севидов — в футболе, великий волейбольный тренер Гиви Авхледиани, Евгений и Лидия Алексеевы, а так же Евгений Гомельский — в баскетболе, Елена Чайковская — в фигурном катании.

Хоккейную команду возглавлял тогда Аркадий Иванович Чернышев, с ним я сразу же и пересекся. Получилось это так: через некоторое время после моего прихода в Центральный совет, Куприянов порекомендовал меня председателю московского «Динамо» Льву Евдокимовичу Дерюгину, и тот взял меня себе в замы. И где-то через неделю после моего назначения сказал:

— Слушай, у нас так повелось, что я курирую футбол, а на хоккей человека нет. Давай-ка ты его и будешь курировать. Тем более что и первое поручение уже есть: вот тут анонимка пришла на Аркадия Ивановича Чернышева с хоккейных сборов, что он совсем плохо работает. Езжай-ка ты туда с проверочкой.

Я опешил:

— Лев Евдокимович, кто такой Аркадий Иванович, кто — я. Как вы вообще себе это представляете? Я поеду Аркадия Ивановича проверять?

А он улыбается:

— Ничего, ничего, езжай…

Анонимку, как выяснилось, написала «группа товарищей» под предводительством одного из игроков. Динамовская хоккейная команда находилась в то время на сборе в Отепя, сами они на том сборе в основном пьянствовали, а обвинить в отсутствии результата решили Аркадия Ивановича. Мол, и методики его давно устарели, и организация дела оставляет желать лучшего.

Чернышев на тот момент многим казался уже стареньким, хотя ему не было и шестидесяти. Он увлекался рыбалкой, что совершенно не мешало ему прекрасно вести тренерский процесс. Понятно, что его постоянно сравнивали с Тарасовым, многим хотелось, чтобы тренер был именно таким — шумным, нахрапистым, но Чернышев даже в молодости был скорее антиподом Тарасова в очень многих вопросах — и по жизни, и в хоккее.

Бывать в Отепя мне приходилось и раньше, еще по старой работе в Спорткомитете СССР. Там проводилось много соревнований по лыжным гонкам, биатлону, лыжному двоеборью. Потом туда уехали жить наши знаменитые лыжники, олимпийские чемпионы Алевтина и Павел Колчины, которых я тоже хорошо знал. Но к Аркадию Ивановичу ехал с определенной

неловкостью.

Что представляла собой динамовская хоккейная команда я разумеется в общих чертах знал. Для начала она была абсолютно разношерстной. Кто-то из игроков числился в пожарной охране, кто-то — разнорабочим на стадионе, то есть команда существовала только на поле.

С режимом все тоже было достаточно вольно. Помню, накануне своего назначения в «Динамо» я однажды возвращался с какого-то мероприятия, которое проводилось на одном из женских производственных предприятий где-то в Подмосковье. Наша велосипедная команда тогда как раз вернулась с велогонки Мира, вот нас и отправили на фабрику — в целях спортивной пропаганды.

В числе участников того «спорт-актива» был один динамовский хоккеист. Кто я такой, он не знал, и когда мы возвращались обратно, говорит:

— Ну-ка, останови машину.

Выскочил куда-то, возвращается — в руках три бутылки портвейна. Еще и на меня наехал достаточно жестко и со всей сопутствующей лексикой — за то, что я попытался замечание ему сделать.

До моего динамовского назначения оставались тогда считаные дни, и я не удержался, сказал: мол, через несколько дней встретимся, вот тогда и поговорим.

Одного из авторов анонимки мы с Чернышевым вычислили сразу. Он в свое время играл в Воскресенском «Химике», потом оказался в «Динамо» у Аркадия Ивановича. На том сборе травмировался и возвращался в Москву одним со мной поездом, но в другом вагоне. Через некоторое время пришел знакомиться — с бутылкой. Я его, конечно, выпроводил, но по отдельным фразам четко понял, что инициатором писем с жалобами на Аркадия Ивановича был именно он.

После той так называемой «проверки» Аркадий Иванович проработал старшим тренером еще года три или четыре. Понимал, что уже не справляется, сам подготовил себе замену — в том плане, что отказался брать в преемники Виктора Тихонова — настоял, чтобы это был Владимир Юрзинов.

* * *

Погоны я надел почти сразу, как пришел в «Динамо» начальником отдела. Это было мое первое офицерское воинское звание — капитан. Это не было обязательным, но в то же самое

время было необходимостью. Основой динамовской спортивной инфраструктуры были всегда штатные команды. И возглавляя такой отдел, как тот, что достался мне, где большинство спортсменов и тренеров были аттестованы, по логике, руководитель тоже должен быть аттестован.

В той политической системе и социуме, в котором мы жили, динамовская система организации спорта проявляла достаточно большую социальную заботу о будущем своих спортсменов. Тогда ведь не было грантов, каких-то стипендий. И для тех, кто проявил себя в большом спорте, погоны были своего рода механизмом адаптации к дальнейшей жизни.

Во-первых, за человеком сохранялось офицерское звание. Взять Льва Ивановича Яшина — Он закончил играть полковником. К этому прилагался весь полагающийся званию социальный пакет: поликлиника, забота о семье, бесплатный проезд, оплата жилья. Все эти льготы сохранялись и после выхода на пенсию. То есть у людей не было страха, что как только они закончат выступать, то будут просто списаны в тираж.

Погоны придавали определенный дополнительный вес. Когда, допустим, объявляли, что на гимнастическом помосте выступает олимпийский чемпион, майор Михаил Воронин, для военной аудитории это имело совершенно особенное значение.

Понятно, что не погоны создавали человеку авторитет — в этом отношении мне нужно было добиваться уважения к себе самостоятельно. В те времена в спорте существовала такая штука, как Сводный план олимпийской подготовки. Помню, я пришел с этим к одному из наших тренеров — Ивану Ильичу Манаенко. Он офицер, подполковник погранвойск. Я достал план, начал объяснять: мол, нужно написать, сколько и в каком году вы подготовите мастеров спорта, мастеров спорта международного класса, кандидатов в сборную…

Манаенко все внимательно выслушал, поднимает глаза и абсолютно спокойно, серьезным голосом спрашивает: «Молодой человек, вы случайно Ван Гогу не советовали, сколько картин ему следует написать?»

Убрал меня мужик в миг. Тогда я и оценил, собственно, эту манеру выдающихся, порой гениальных и уверенных в себе людей говорить без какого бы то ни было напряга в голосе, но так, что ты сразу все понимаешь. Неуверенный все время кричит. А уверенному даже в голову не приходит повышать голос. Ему это незачем.

Мы все-таки с Иваном Ильичом тогда договорились. Я уже без всяких экивоков объяснил ему, что должен как-то из этой ситуации выкарабкиваться — мне ж этот план тоже сверху

спустили, не сам же я его придумал. Час мы наверное обсуждали эту тему, и Манаенко в итоге сказал: «Ну, ладно. Что-нибудь придумаю — и напишу». Но для меня это был хороший урок.

Следующим испытанием на прочность для меня стало первое публичное выступление перед всем динамовским тренерским составом. На этом настоял Дерюгин, сказав, что раз уж я назначен зампредом, должен выступить перед коллективом с программной речью.

Тут я реально задергался. Тренеров и всевозможных руководителей в «Динамо» насчитывалось человек 150, все великие, и я — пацан — должен выйти на трибуну и читать им лекцию. Отказаться не могу — поручение начальника. Оказаться дураком тоже не хочется.

Я три ночи сидел, готовил выступление. Перелистал и перечитал все, что только сумел найти по теме. Сейчас бы, конечно, вообще не готовился бы. Разве что набросал бы схему. А тогда толстенный конспект составил. И тем не менее выходил на трибуну с мыслью: «Кого я учить собираюсь? Чему вообще могу их научить?»

Выступал я два часа. Развел столько теории, что хватило бы для научно-исследовательского института. Как ни странно, меня слушали. Потом я, разумеется, понял, что большинству из собравшихся было вообще не важно, что именно я говорю с трибуны. Главным для них было просто посмотреть, что за субъекта им заслали в качестве руководителя. Но меня явно приняли.

* * *

Сколь огромной была поддержка, которую я тогда получил со стороны Дерюгина, я понял значительно позже. Он дал мне право на диалог с уникальным пластом того «Динамо». Прежде всего — с тренерами. По тем временам это было сообщество очень неординарных людей, прошедших глубочайшую и интереснейшую жизнь. И, в том числе, тренерско-педагогическую — в спорте. Мне, безусловно, повезло с ними в том, что я постоянно мог учиться, мне помогали, никаким образом не давая понять, что они — великие, а я — никто.

Тот же Лев Иванович Яшин тогда был начальником футбольной команды. Казалось бы, кто я такой был для Льва Ивановича? Какой-то зампред «Динамо», какой-то мастер спорта. Но Яшин при всем своем невероятном величии оказался настолько мягким и простым в общении человеком, настолько

доступным, что я порой даже стеснялся этой доступности. Он скорее был для меня как старший брат, как дядька. Что-то подсказывал, помогал избегать неправильных шагов, делая это в высшей степени корректно — так, чтобы не вызвать во мне ни малейшего ощущения собственной неполноценности. Это было важно: пока ты растешь в профессии, естественно, совершаешь какие-то ошибки.

Вся эта аудитория вселяла в меня жгучее желание оказаться в глазах людей не пустышкой. Мысленно я постоянно себе твердил: «Валера, тебя за нормального человека приняли, дали возможность войти в этот круг. Теперь уже сам давай, шурупь, шевели мозгами. Докажи, что умеешь работать, покажи свой труд».

В целом же я реально был счастлив. Это чувство порой заключается в том, чтобы чувствовать, что ты — нужен. Нужен для дела, для того, чтобы помогать создавать результат, более того, мне не отказывали в чести разделить достижения вместе со спортсменами и тренерами, прикоснуться к великим свершениям, почувствовать, что это в некотором плане и моя работа тоже.

Периодически в «Динамо» под трибунами стадиона собирался так называемый «Клуб мастеров» — ветераны, люди из самых разных видов спорта. Эта «семья» тоже во многом способствовала моему профессиональному росту. Вместе с Дерюгиным тогда работал Владимир Григорьевич Балтаджи, который впоследствии был у меня заместителем. Балтаджи был значительно старше нас, мудрее, опытнее. У него просто можно было позаимствовать — и многие заимствовали — массу полезного от практичной, так сказать, дипломатии до банальных жизненных подсказок. Одним из любимых выражений было такое: «Умейте разделять друзей истинных и ложных, а главное — всегда соблюдайте их пропорции в своей жизни».

От него же я как-то услышал: «Остановись, мгновенье, там, где тебе повезло!»

С подачи Дерюгина я вскоре получил еще один хороший урок. Лев Евдокимович попросил меня поприсутствовать на традиционной встрече общества «Юный динамовец» — с родителями динамовских спортсменов. В «Динамо» тогда придавалось огромное значение социальной роли спорта. Это были не только занятия с детьми сотрудников, которые в силу объективных причин не всегда были охвачены семейным уютом. Велась работа с трудновоспитуемыми подростками во дворах, в детских домах. Даже отдельная динамовская спартакиада среди детских колоний тогда проводилась — по отдельным видам спорта. Через «Юный динамовец», если смотреть на эту

организацию не только спортивным взглядом, прошло немало интересных людей. Аудитория на встречах собиралась тоже интересная — достаточно интеллигентный родительский состав со своими детьми. Встречи проводились раз в год, и на них всегда выступал кто-то из известных спортсменов.

Дерюгин предупредил, что на той встрече, куда он просит меня пойти, будет выступать Саша Чудина — ее никто и никогда не называл полным именем. Когда-то она была выдающейся спортсменкой, выступала сразу в нескольких видах спорта, в силу особенностей своего организма везде показывала выдающиеся результаты. В войну ездила за рулем грузовика в блокадный Ленинград, словом, прошла огромный и крайне непростой жизненный путь. Жила Чудина в динамовском доме неподалеку от стадиона и честно говоря, производила крайне неоднозначное впечатление: худая, не слишком ухоженная, испорченные постоянным курением зубы… Я попытался было от этого мероприятия отказаться — слишком сильным было предубеждение. Но Лев Евдокимович настоял: «Ты сходи, сходи».

Ну, я и пошел. Сел на задний ряд. Сценка маленькая, на стульчике сидит Саша Чудина. Как только она начала говорить, я понял, что для меня вообще перестало иметь значение, как она выглядит. На первый план вышло богатейшее внутреннее содержание. Как она разговаривала с детьми, как выстраивала этот диалог!

Я просидел там два с половиной часа, получив колоссальное удовольствие от мероприятия в целом, а параллельно — огромный жизненный урок. Уходил оттуда понимая, что за счет должности, неожиданно для меня предложенной, мне в очередной раз открылся громадный пласт совершенно новых познаний, возможность соприкоснуться с выдающимися, великими характерами.

Второе, что я тогда понял — что командовать такими людьми невозможно. Можно только найти себя рядом с ними.

* * *

В «Динамо» я познакомился с Еленой Чайковской, которая тогда тренировала Милу Пахомову и Сашу Горшкова. Они еще не были олимпийскими чемпионами, а только два или три раза выиграли чемпионат мира. Я приезжал в «Динамо» рано утром, приходил к Чайковской на тренировку и смотрел, как ребята катаются. При том, что судейство в фигурном катании по тем временам было в высшей степени субъективным, мне было

безумно интересно понять, из чего складывается оценка, как исполняются те или иные элементы, связки. Фигурное катание по тем временам было ничуть не менее народным видом спорта, нежели футбол: выступления фигуристов смотрели всей страной и всей страной болели за них. А кроме того, я просто восхищался людьми, вынужденными жить в условиях вечной мерзлоты, но ничем и никогда не проявляющими того, что терпят какие-то лишения.

Чайковская, как мне тогда казалось, была ближе к театральному миру, нежели к спортивному. Поэтому в сравнении с другими тренерами того времени в ней чувствовалось больше образования, больше понимания жизни, больше вкуса. А та же Тарасова, как и ее отец Анатолий Владимирович, была прежде всего сгустком воли к победе и характера: только глазом повела — и все лежат по стойке смирно.

Когда годы спустя я пришел работать в Спорткомитет к Грамову и отвечал у него за зимние виды спорта и фигурное катание в том числе, то невольно оказался между Чайковской, Тарасовой и Натальей Дубовой. Выдержать ту истерию, когда все трое великие и все — антагонисты, было непросто. У той же Тарасовой правда всегда была лишь одна — своя. Татьяна, безусловно, великий тренер, но я довольно быстро понял, что в основе ее существа лежит, как это было и у папы, театральная деятельность. Да такая, что Немирович-Данченко вместе со Станиславским, театром Эстрады и цыганским театром «Ромэн» нервно курят в сторонке.

Только в те годы мне предстояло по-настоящему понять, насколько причудлив и многогранен мир фигурного катания в целом. Я бы назвал его глубоко семейным и в то же время публичным. В нем существовали такие механизмы отношений между спортсменами и тренерами, что стоило только затронуть эту тему, тебя разорвали бы на куски. Во всяком случае я тогда очень хорошо понял, что в эту область фигурного катания, если она не затрагивает какие-то глобальные моральные устои общества, не надо лезть вообще. Надо было вовремя понять, что любой артистический мир — он именно таков. И лучше не заглядывать за кулисы и не перетряхивать чужое белье. Потому что в этом мире царят свои законы и свои нравы.

* * *

Работая в «Динамо», я довольно быстро научился даже определять по внешнему виду человека, входящего в мой кабинет,

какой вид спорта он представляет. Понятно, что узнать борцов по сломанным ушам или боксера по сбитому носу, большого ума не надо. Мне стало интересно наблюдать за тем, как люди двигаются, как себя ведут. Есть, допустим, стойка боксера — все сопутствующие движения выдают ее моментально. Велосипедистам тех времен была свойственна довольно сильная закрепощенность верхнего плечевого пояса. Связано это было с тем, что классический руль требовал от человека положения, при котором постоянно зажата грудная клетка, диафрагма. Позже руль модифицировали: велосипедисты эволюционно пришли к тому, что вытянутые руки раскрепощают корпус и работа в целом становится более функциональной.

Борцы — это всегда скрытая, но совершенно ощутимая взрывная сила. А вот люди, связанные с видами спорта, требующими большой выносливости, как правило не были слишком резкими и говорливыми — они тягучие, спокойные. Когда народу на каком-то из политических мероприятий первый раз был представлен Владимир Путин, и он вышел на сцену, первое, что я тогда зафиксировал на подсознательном уровне, что у него походка борца. Движения человека, который только что оставил ковер, но внутренне все еще готов к поединку.

Когда я снова стал работать в Спорткомитете, уже у Марата Грамова, мы, помню, столкнулись с тем, что в стране имелся явный дефицит малых весовых категорий в разных видах борьбы. Начали искать спортсменов в Якутии, где генетически люди очень предрасположены к борцовским дисциплинам. Правда, когда их начали привозить на сборы, выяснилось, что все якуты — завзятые курильщики.

Для меня в процессе той работы становилось все более и более очевидно, что у каждой нации есть свои двигательные особенности. Встречаются исключения, но общая тенденция от этого меняется не сильно. В Чувашии всегда имелись ходоки — сухие, легкие, выносливые. А среди представителей Северного Кавказа ходоков или бегунов насчитывалось не так уж много.

Когда в Сигулде, где не без моего участия была сооружена первая в нашей стране санно-бобслейная трасса, возникла необходимость начинать осваивать сани и боб, нам казалось, что самое функциональное — привлекать в эти виды спорта бывших автогонщиков и мотогонщиков. Вроде тоже скорость, схожее управление снарядом. А люди от пережитого в желобе стресса начинали сходить с ума. Уже потом, когда наши специалисты разложили на составные части всю механику бобслейного спорта, стало очевидно, что вести поиски нужно совсем не в технических видах. А в легкой атлетике. Брать метателей, толкателей ядра —

то есть людей с большой и хорошо проработанной мышечной массой. Потому что одна из главных составляющих в бобслее — разгон.

Из таких вроде бы мелочей складывалось профессиональное понимание спорта.

* * *

Работая до прихода в «Динамо» в Спорткомитете, я понемногу стал разбираться даже в футболе. Говорю «даже», потому что этот вид спорта всегда были антагонистом по отношению ко всем остальным. Проще говоря, есть виды спорта, которым просто завидуешь. Тому, что они существуют в более комфортных условиях, например. Или не требуют чрезмерных лишений — в отличие от тех же лыжных гонок или велосипеда, где ты постоянно либо в холоде, либо по колено в грязи, либо на дикой жаре и кроме этого тащишь на себе целую гору всевозможного оборудования.

Футболисты были прежде всего избалованы вниманием. Когда Павлов уходил в отставку с должности председателя Спорткомитета, и на Лужнецкой набережной народу официально представляли нового председателя Спорткомитета Марата Грамова, перед нами, помню, выступал бывший секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин. В конце своего выступления этот пожилой уже человек сказал: «Футбол и хоккей — дело всенародное. Шутки с ними опасны».

Та фраза очень сильно врезалась мне в память. Когда я пришел в «Динамо» из спортивного отдела, где занимался в основном велосипедом и лыжами, и когда уже потом в московском «Динамо» стал курировать хоккей, затем футбол, а впоследствии создавал первый в России профессиональный клуб, то понял, как мало я вообще знаю об этих видах спорта. И стал смотреть на происходящее совершенно другими глазами. Нет, у меня не сменилась позиция в отношении перекоса, существовавшего между футболом, хоккеем и остальными видами — особенно с учетом футбольных результатов. Но я окунулся в аудиторию людей, приходящих на стадион, интересующихся футболом, болеющих за него.

Когда мы говорим о футбольной аудитории: «От слесаря — до академика» — это ведь действительно так. Это действительно невероятного масштаба народное явление — в полном смысле этого понятия.

Я встречал тренеров, которые могли подозвать к себе

футболиста и сказать ему: «Ты жене дома-то скажи, что если будешь так хреново играть, то в очереди на квартиру я переставлю тебя на 151-е место. А могу на третье». То есть люди прекрасно понимали, что очень многим мужчинам свойственно находиться под влиянием женщины — примеров хватает как в спорте, так и вне его. И что через женщину можно повлиять на игрока так, как не сумеет даже самый великий тренер.

У меня самого был почти анекдотичный случай, когда мы с Николаем Николаевичем Озеровым безрезультатно бились за то, чтобы Льву Ивановичу Яшину присвоили звание Героя Социалистического Труда — очень хотели, чтобы Яшин успел получить эту награду при жизни. И когда уже совсем потеряли уверенность в том, что из этой затеи что-то получится, Озеров сказал:

— Давай-ка попробуем зайти через Раису Максимовну.

Я поначалу отнесся к этому скептически. Но Озеров спросил:

— Сам подумай, а что мы в этом варианте теряем?

Мы направили просьбу через Раису Максимовну и внезапно все получилось. Более того, в ответ на мои слова благодарности за присвоение Яшину звания, Горбачев сказал: «Не меня вам за это благодарить надо, а Раису Максимовну».

* * *

Мамины слова о том, как важно научиться жить среди людей, я вспоминал тогда часто. Я очень быстро стал понимать, что настоящее признание — не когда тебя куда-то приглашают. А когда ты понимаешь, что человек к тебе приходит по жизни, посоветоваться, что-то обсудить. Когда он уважает тебя не потому, что ты его начальник, а видит, что твоя доля труда тоже вложена в его развитие, в его профессиональное совершенствование. Такая история была у меня лично с Валерием Газзаевым. Когда он закончил играть и должен был определяться со своим послеспортивным будущим, порой бравировал:

— Какой футбол? Я юрист, подамся в бизнес.

Насколько мне было известно, один из его друзей, бизнесмен, нашел зарубежных инвесторов, которые взялись строить в Москве спортивный комплекс. Газзаева привлекли к проекту — он даже приходил ко мне с этой идеей. У нас тогда имелась достаточно заброшенная территория на Водном стадионе, и Газзаеву я сказал, что если его партнеры готовы возводить там спорткомплекс — вперед.

Но вскоре Валера позвонил мне и сказал: «Не мое это, хочу в

футбол вернуться».

Я сумел тогда его убедить не пытаться сразу браться за серьезную команду. Посоветовал:

— Валера, пойди тренером в детскую спортивную школу, попробуй, вдруг окажется, что это — как раз твое?

Он попробовал, начал работать. Через какое-то время я посмотрел на его работу и сказал:

— Вот теперь можешь брать команду.

Знаю, что он был очень мне благодарен за то участие в его судьбе. Хотя я не ждал от него благодарности — вообще никогда не ждал ее от тех, кому помогал. Конечно, мне было важно, как люди ко мне относятся — это всегда важно, когда работаешь в коллективе. Но если ты начальник, то должен уметь подняться над ситуацией, понимать, что помогая людям расти, ты делаешь это для себя, для своего совершенствования. Тебе это хочется? Нравится? Ты этим живешь. Значит, радуйся, что жизнь дала тебе такую возможность. Если человек, которому ты помог, не оценил этого или не понял, это его проблема — не твоя.

* * *

Работа в «Динамо» довольно быстро стала для меня не только образом жизни, но и ее смыслом. Я все время ставил перед собой какую-то задачу. Например — готовить спортивных руководителей из числа бывших спортсменов. Но очень быстро понял, что затея абсолютно неэффективна: коэффициент «попадания» составил не более десяти процентов.

С одной стороны, были случаи личной неустроенности. Я встречал категорию людей, которые постоянно думали о том, что спорт им что-то недодал. Трагическая история, на самом деле. Кто сказал, что спорт — это профессия, которая обязана кормить тебя всю последующую жизнь? Ничего подобного. Но если мы говорим, особенно сегодня, что спорт — это бизнес, так и жить нужно начинать по законам бизнеса: ты вложил себя, свое здоровье в то, чтобы получить результат. Теперь вкладывай результат туда, где он даст прибыль. Даже при запредельных физических нагрузках у спортсмена достаточно много свободного времени на тех же тренировочных сборах. Если ты нормальный человек, возьми книжку — погрузись в английский, французский, немецкий, раз уж спорт дал тебе возможность ездить по всему миру. Спорт ведь предоставляет огромную коммуникативную основу. И выбор, как всем этим правильно распорядиться, зависит исключительно от человека. Один расправляет крылья и взлетает,

а у другого, как говорил Михаил Жванецкий — «Консерватория, Сибирь, суд, тюрьма».

Другое дело, что спорт измочаливает. Психология выдающегося спортсмена после окончания карьеры — крайне сложная вещь. Важно очень аккуратно попытаться нащупать в человеке то, что может запустить процесс его жизненной адаптации. Не знаю даже, что важнее: та часть пути, когда ты ведешь человека к результату, или та, где он оказывается один на один с жизнью. Для меня это всегда имело очень большое значение — не бросить человека наедине со своими проблемами, что-то ему подсказать, помочь.

Когда я уже возглавил общество, одной из своих задач видел возвращение в «Динамо» Льва Яшина. Уговаривал его долго, он отнекивался, говорил, что вообще не представляет, как это — сидеть в кабинете с девяти утра до шести вечера. Я же стоял на своем:

— Лев Иванович, ты — флаг «Динамо», его символ. Мне вообще неважно, будешь ли ты в девять утра приходить на работу. Но должен быть кабинет, на котором написано: «Лев Иванович Яшин». Динамовский народ должен знать, что Яшин — в доме.

Долго его после этого еще убеждал. Заходил даже через супругу — Валентину Тимофеевну. В итоге Лев Иванович дал согласие. Это было крайне важно в том же футболе: одно появление Яшина рядом с командой дисциплинировало всех, от тренеров и до мальчишек.

С Ириной и Тамарой Пресс было попроще: у обеих всегда были сильные характеры, административный склад ума, им нравилось руководить. Совершенно не случайно они довольно быстро нашли себя в послеспортивной жизни, при том, что и в бытность спортсменками сделали очень многое для спортивного развития страны.

Точно так же нашла себя в тренерской работе наша знаменитая баскетболистка Татьяна Овечкина, не говоря уже о том, что воспитала сына, которым в хоккее восхищается весь мир. В «Динамо» вообще было немало уникальных спортивных династий. Таких, как например отец и сын Мшвениерадзе — в водном поло, или целый клан Гришиных: Борис Гришин дважды становился призером Олимпийских игр, был чемпионом Европы, где во времена его выступлений были собраны все сильнейшие ватерпольные сборные планеты. Супруга — Валентина Растворова — обладательница золотой и двух серебряных олимпийских медалей в фехтовании, шестикратная чемпионка мира. Сын Евгений — чемпион Игр-1980 и бронзовый призер Сеула по

водному поло. Дочь участвовала в двух Олимпиадах и выиграла командное серебро мирового первенства в фехтовании, а ее собственный сын в этом виде спорта в 18 лет стал чемпионом страны, а в 22 — призером чемпионата Европы.

Помню смешной случай, когда Овечкина пришла на прием в московское «Динамо», председателем которого тогда был фехтовальщик Романов. Я тогда курировал эту организацию и в один из своих визитов вдруг слышу, что в кабинете председателя шум стоит несусветный. Спрашиваю секретаря:

— Что происходит?

— Овечкина…

Надо знать Таню. Когда ей что-то было нужно, это же отбойный молоток! И вот они в кабинете препираются: Да кто ты такой? А ты кто? Я — олимпийская чемпионка!

Таню я тогда из кабинета вывел, а Романову говорю:

— Ты что творишь? Ты понимаешь, что она пришла к тебе как к администратору, помощи просить. Ты чем с ней меряешься-то? А главное — зачем? Медали свои ты дома держи. Придет спортивный праздник, наденешь, мы всем миром тебе поаплодируем. Да и вообще не того человека ты выбрал, чтобы медалями меряться — у Овечкиной их больше!

Глава 5. Чернышев, Тарасов, Юрзинов

Стать чемпионом страны у хоккейного «Динамо» в тот период не получалось на протяжении многих лет — с 1954-го по 1990 год длилась пауза. Одним из первых матчей, который я увидел уже будучи куратором этого вида спорта по динамовской линии, был финал кубка СССР со «Спартаком» во вновь открытом хоккейном дворце в Сокольниках. Мы долго вели в счете, но проиграли. Как раз на том матче, я впервые узнал о том, что Юрий Владимирович Андропов, который тогда был председателем КГБ СССР, очень любит спорт и просто обожает хоккей, хотя сам в силу состояния здоровья никогда не посещал матчи. Узнал я об этом от его ближайшего помощника Евгения Ивановича Калгина, и когда мы в досаде вышли после игры на улицу я ему по полной обойме и влепил. Сказал:

— Если хотите, чтобы команда чего-то добивалась, так знайте: при том обеспечении, что есть на текущий момент, ничего из этой затеи не получится!

Буквально через неделю вопрос о создании в «Динамо» хоккейной команды был рассмотрен у Юрия Владимировича. То был сложный период: никакой хоккейной базы у «Динамо» на тот момент не имелось, была футбольная — в Новогорске, и ее использовали все, кто только мог: сами футболисты, волейбол, водное поло. Хоккеисты на эту базу тоже заезжали, но своего льда в Новогорске не было.

Вот с таких «нулевых» основ мы начали заниматься созданием команды. Вопрос стоял и о замене тренера: в 1974-м Чернышеву исполнялось шестьдесят лет, он уже заметно выдыхался, и сам понимал это.

Как наиболее вероятный вариант замены все называли Виктора Васильевича Тихонова. Тем более что сам Тихонов был уже состоявшимся тренером из динамовской среды — работал в Риге.

По своему профессиональному уровню Виктор Васильевич в то время уже практически подбирался под уровень национальной сборной. Поэтому мы все, в том числе и я сам, считали, что возвращение Тихонова в Москву в нашу команду — это само собой разумеющийся факт, тем более что в бытность хоккеистом он уже играл у Чернышева в московском «Динамо». Словом, ситуация была именно той, про которую говорят: «Никаких других вариантов быть не может».

Но надо было знать Аркадия Ивановича. Вывести его на какой-то сверхэмоциональный уровень дискуссии было невозможно. Помню однажды после очередного проигрыша мы были вызваны на «разбор полетов» к Дерюгину, и после часа разговора Дерюгин, который на протяжении этого часа как только нас не костерил, вспоминая о веревке, о такой-то матери и так далее, говорит Чернышеву: «Адя, ты так убедительно сейчас обо всем рассказываешь, что я вообще перестаю понимать: выиграли мы вчера, или проиграли».

Я обожал Чернышева как раз за эту ровность. Своим неизменным спокойствием он создавал уверенность у всех, с кем работал. То же самое было в хоккее — в сборной команде, где Аркадий Иванович был абсолютным антагонистом Тарасова: тот бегает по лавке, а Чернышев сидит и невозмутимо наблюдает игру.

И вот когда все мы уже вовсю обсуждали кандидатуру Тихонова, Аркадий Иванович говорит: «Нет. Я вижу в этой должности Владимира Юрзинова».

Юрзинов тогда вообще никого не тренировал. Был одно время в спортивной журналистике, а в хоккее не имел должного опыта практической работы. На вопрос «Почему Юрзинов?» Чернышев так же невозмутимо ответил:

— Дело в том, что Юрзинова я знаю лучше.

Я так до конца тогда и не понял, чем Аркадия Ивановича не устраивал Тихонов. Возможно, между ними когда-то что-то не сложилось. Возможно, дело было в том, что Виктор Васильевич в своей тренерской работе сильнее тяготел к школе Тарасова, в то время как Чернышев хотел видеть последователем человека своих взглядов и своей методики. Когда уже много лет спустя я анализировал этот сюжет, то с удивлением понял, что чернышевская школа оказалась значительно богаче тарасовской: большинство хоккейных тренеров последнего десятилетия — это люди, которые прошли через руки Юрзинова. И внедряли они в хоккей то, что сам Юрзинов записывал в свои блокноты с тех самых времен, когда начинал работать под руководством Чернышева и развивал уже сам.

Почему так получалось? Возможно потому, что Чернышев, как и Николай Семенович Эпштейн, кропотливо создавали именно школу отечественного хоккея, методику. Тарасов же, по сравнению с ними, являл собой инновационный механизм, смотрел уже в другой хоккей, канадский, мировой, постоянно привнося оттуда что-то такое, чего не было у нас. Но у Тарасова была определенная алогичность в построении учебно-тренировочного процесса. Те, кто впоследствии анализировал его

работу с игроками в подготовительном периоде, нередко приходили к тому, что одно упражнение антагонистирует с другим. И тем не менее Тарасову удавалось заряжать своих игроков на невероятные нагрузки и свершения.

Еще он был конечно же грандиозным режиссером. И прекрасно понимал, что ему все позволено.

Помню, еще до прихода в «Динамо» я однажды по каким-то своим делам приехал в Новосибирск, где играла одна из наших средмашевских команд — «Сибирь». Тарасов на тот момент был главным тренером Вооруженных сил, тоже приехал в Новосибирск и оказался на том матче.

Тренировал команду Виталий Стаин, который когда-то сам играл за «Сибирь». И с первых же минут команда начала пропускать. В перерыве Тарасов зашел в раздевалку и прямо при игроках устроил тренеру грандиозный разнос за ведение игры, за то, что он выпускает на лед не тех игроков и так далее. Напихал ему полную жилетку. «Сибирь» в итоге выровняла второй период, а в третьем выиграла матч. Тарасов снова пришел в раздевалку и, указав театральным жестом на одного из игроков, сказал Стаину: «Вот послушал меня, поставил его — так игра же совершенно по-другому пошла!».

Тут парень встает с лавки с совершенно обалдевшим видом и говорит Тарасову:

— Анатолий Владимирович, простите, но я сегодня вообще не играл.

Что делает Тарасов? Он в ту же секунду приспускает штаны, берет чью-то клюшку, протягивает ее этому парню и говорит:

— Бей по заднице старого дурака. Но вы же выиграли!!!.

Еще одну историю мне рассказывал сам Тарасов. В Москве прямо напротив ЦСКА была пельменная. А от метро вдоль Ленинградского шоссе шел широкий сквер — с лавочками. Утром Анатолий Владимирович брал газетку, садился на лавочке, делая вид, что читает, а сам наблюдал за тем, как его игроки идут на тренировку. Потом приходил следом за всеми и мог сказать тому или иному игроку: «Домой сейчас придешь — скажи, что я полтинничек с тебя снял. За пельменную». Игрок, естественно, в расстройстве: «Анатолий Владимирович, за что? Я же только молока выпил». А тот в ответ: «Я знаю, после чего молоко по утрам пьют…».

Подобных приемчиков у него было множество. Причем рождались они абсолютным экспромтом.

Еще в команде существовало такое поверье: если Анатолий Владимирович начал кого-то обнимать, как-то проявлять к игроку повышенное внимание — все! Считай, человек встал в очередь на

увольнение. Или как минимум Тарасов не включит его в состав на игру. Поэтому если тренер начинал к кому-то приближаться, все старались тут же убежать от него подальше. Вот эту интригу, позволяющую постоянно держать игроков в тонусе, он умел выстроить блистательно. Понимал, что команда, которая выходит на игру без какого-то внутреннего конфликта, она мертвая.

* * *

Первую анонимку на меня написали, как раз в связи с хоккеем, правда, случилось это не когда я работал в «Динамо», а несколько позже, после моего возвращения в Спорткомитет. Администратором сборной команды длительное время работал Анатолий Васильевич Сеглин, которого в хоккейном мире все называли Папа. В молодости Сеглин судил матчи, но настоящим его призванием была хозяйственная деятельность.

Во времена моего детства существовала оперетта «Белая акация», одним из героев которой был персонаж Яшка-Буксир. И там был эпизод, от души пронизанный таким, знаете ли, одесским фольклором. Этого Яшу спрашивают:

— А ты что не в море?

Артист в этот момент протягивал руки вперед и говорил приблизительно следующее:

— Видите эти мозолистые руки? Это те самые руки, через которые на суше проходит все: от сапог и бушлатов до сливочного масла. И я таки вас спрашиваю: на хрен мне сдалось ваше море?

В хоккее все точно так же проходило через Сеглина — от клюшек, до машин и квартир. Помимо этого он любил контактировать с представителями мира искусства, торговли, откуда было рукой подать и до криминальных сфер. В своей епархии Анатолий Васильевич был, как говорится, царь, бог и воинский начальник. Когда человек бесконтрольно занимается хозяйственной деятельностью столько лет, разумеется, начинают возникать ситуации, которые вызывают много нареканий.

И вот однажды встал вопрос о замене Сеглина. Принимать решение пришлось мне, а спустя неделю в ЦК КПСС пришла анонимка, которую оттуда переслали в КГБ. Речь шла о том, что я поставил на пост администратора команды своего «динамовского» человека, что вся квартира у меня отделана ценными породами дерева — из черенков хоккейных клюшек… Я хохотал тогда долго.

Речь шла тогда об Александре Стеблине, которого я

действительно взял из «Динамо», куда в свое время пригласил по просьбе Юрзинова как раз на должность администратора команды.

Еще одна жалоба, уже не анонимная, была написана на меня примерно тогда же. Ее автором был один из заместителей Грамова Валентин Сыч.

Исторически у нас с Валентином Лукичом сложились очень интересные отношения. Он был немножко постарше меня, но пришел в спорт совершенно иным путем — из ЦК комсомола. Познакомились мы в Свердловске на Спартакиаде народов СССР, много общались, вели какие-то общие разговоры о спорте. До моего прихода к Грамову зампредом зимние виды спорта курировал как раз Сыч. Когда эту обязанность вменили мне, видимо, у Валентина Лукича и сложилось впечатление, что я как-то его подсиживаю. Хотя решение принадлежало не мне и, как оказалось позже, не Грамову. Конечно, как любой нормальный человек, Сыч сильно переживал по этому поводу.

А лет шесть спустя, когда из Спорткомитета я снова вернулся в «Динамо», встал вопрос о переизбрании президента биатлона и одной из кандидатур на этот пост был Валентин Лукич. Ко мне тогда приехал наш олимпийский чемпион Виктор Маматов — узнать, подержит ли «Динамо» кандидатуру Сыча. Я тогда осторожненько сказал, что сам против Валентина Лукича ничего не имею, просто он и биатлон представляются мне как бы не очень сопоставимыми понятиями.

Через две недели в адрес Комитета госбезопасности пришла докладная записка, где Валентин Лукич написал: мол, Сысоев преследует меня уже не первый год, я в связи с этим теряю какую-либо уверенность, мне везде преграждают путь…

Меня пригласили на разбор, дали почитать, я пожал плечами. На этом все и закончилось.

* * *

После того, как Владимир Владимирович был официально утвержден в должности старшего тренера хоккейного «Динамо», началась, как я тогда говорил, моя внесемейная горячая любовь с хоккеем. Заниматься им приходилось по восемнадцать — двадцать часов в сутки, то есть собственную семью я тогда не видел вообще. Плотность календаря требовала почти постоянного присутствия на сборах команды, параллельно с этим нужно было отслеживать и координировать всю работу по созданию базы. Третье — работа с тренером, поскольку в профессиональном

плане Юрзинов только становился на ноги. Формирование всего, что он хочет видеть вокруг себя. Работал Юрзинов очень скрупулезно, но всегда был непростым в общении, очень закрытым. Вещь в себе.

Много лет спустя я как-то пришел на Ходынку, когда там открыли новый ледовый дворец, встретил многих своих бывших игроков, тренеров. В ложе «вип» рядом со мной сидела какая-то молодая женщина лет тридцати, она долго наблюдала за тем, как я общаюсь с хоккейной публикой, а потом спросила:

— Вы наверное тоже с ними в хоккей играли? Или тренировали их?

Я ответил тогда:

— Это не я их, а они меня всю жизнь тренировали…

Это действительно было так. Я постоянно влезал во все проблемы, пытался понять: что еще нужно для того, чтобы был результат?

Случалось у нас разное. Однажды я пришел на работу, а мне докладывают: мол, директор соседней продовольственной базы отобрал у одного из игроков офицерское удостоверение. Выяснилось, что игрок с тем директором водил давнее знакомство, а на базу после тренировок выпивать приходил. И допился до того, что расплатиться за выпивку не смог — кончились деньги. Вот тот и не придумал ничего лучшего, как взять в залог удостоверение.

Как мог я тогда своих ребят прикрывал. Понимал, что не будет ничего хорошего, если мы начнем своим грязным бельем на всех углах трясти.

* * *

Формировать команду тоже было непросто. Во-первых, у «Динамо» за редчайшими исключениями не было при призыве «права первой ночи». Приоритет в этом отношении всегда был за Вооруженными силами. Во-вторых, хоккейная школа ЦСКА была крепче нашей по многим параметрам: структуре набора, селекции, авторитету. Да и сами спортсмены больше стремились, как правило, в армейский клуб. Кроме этого Андропов был категорически против того, чтобы брать игроков в команду насильственным путем, как это практиковалось в ЦСКА. Поэтому сплошь и рядом возникали ситуации: я лечу в тот или иной город забирать человека по договоренности с его местным клубом, прилетаю с ним в Москву, привожу в «Динамо», а мне задают вопрос: «С родителями согласовали?»

Если нет, садишься в самолет и летишь обратно.

Позиция Андропова была понятна. Отношение к органам всегда было неоднозначным — в любой стране. В нашей особенно: слишком свеж был в памяти у народа 1937 год. В спорте была установка: не усиливать возможный антагонизм общества к правоохранительной системе.

Один раз мы крупно прокололись. Команде позарез был нужен защитник, и Юрзинов нашел подходящего игрока в Свердловске. За этим же хоккеистом тогда охотился ЦСКА, нам же нужно было срочно придумать какой-то вариант, чтобы получить игрока, не слишком привлекая внимание к ситуации в целом.

К тому моменту мы уже создали хоккейную команду «Динамо» в Минске — на базе пограничников. Создавалась она по личной просьбе Петра Мироновича Машерова, который в то время был первым секретарем ЦК КП Белоруссии. Поскольку отдельных денег на создание команды не было, нам в систему «Динамо» передали из местной промышленности две фабрики, деньги от которых стали идти и на содержание команды, и чуть-чуть в Центральный Совет — на общую копилку общества.

Я тогда и предложил отправить нужного нам игрока в «Динамо» (Минск). А потом, когда шум уляжется, безо всякого шума перевести его в Москву. Из одного «Динамо» — в другое.

Схему мы реализовали безо всяких проволочек, но через два дня после того, как игрок был перевезен в Минск, в «Комсомольской правде» появилась небольшая заметка, где в небольшом абзаце вся эта схема была изложена.

Мне разумеется тут же дали по мозгам — вызвали сначала на Огарева, где сидело все руководство МВД во главе с первым заместителем министра Юрием Чурбановым, потом на Лубянку — к Андропову.

Председатель ЦС «Динамо» Петр Степанович Богданов тогда ушел в отпуск, на хозяйстве остался я, как его заместитель. Мне звонит куратор: «Завтра в 10.00 к руководству МВД на Огарева. А в 11.00 — к Андропову».

Но время, когда нужно быть у Юрия Владимировича, куратор перепутал. Я, разумеется, об этом не знал, поэтому с утра занимался какими-то хозяйственными делами в клубе, потом поехал на Огарева и вижу, как навстречу бежит совершенно взмыленный помощник Чурбанова:

— Валерий Сергеич, срочно! Вас у Юрия Владимировича ждут — разыскивают уже.

Я тут же прыгаю в машину — и на Лубянку. Опоздал минут на двадцать. Вбегаю в приемную председателя, весь в мыле,

запыхавшийся, а там уже стоят заместители Андропова, четыре генерала в числе которых Владимир Александрович Матросов — начальник погранвойск, Герой Советского Союза. Меня увидел: Думал, — говорит, — по делам вызвали, а оказывается опять из-за «Динамо!

Я тогда был полковником. Попытался было пропустить Матросова вперед себя, но тот отказался наотрез:

— Ты кашу заварил, вот теперь первым туда и иди!

Кабинет у Андропова был сильно притенен — из-за тяжелой болезни ему было трудно смотреть на яркий свет. И вот из этой сумрачной глубины, с противоположного конца комнаты выходит Юрий Владимирович и говорит мне: «Да, товарищ Сысоев, заставляете ждать себя».

Тихо так говорит, спокойным голосом, от чего по спине сразу ручьями пот. Не от испуга, а от какого-то ощущения близких неприятностей. Кроме этого мне действительно было крайне неловко от того факта, что я опоздал. До сих пор ненавижу опаздывать — лучше приеду на час раньше, будь то самолет, или какая-то встреча. А тут еще и сам факт: первый раз в жизни к Андропову вызвали. Мы же всегда о Политбюро думали, что там собраны самые-самые. Боги, так сказать. Это потом, много позже я понял, насколько там все разные.

Потом я разумеется разобрался, почему все так произошло: куратор, сообщая мне о встрече, взял календарь, где был расписан весь график, и посмотрел не на ту строчку. Вот и ошибся по времени. Но я же не мог в этой ситуации подставлять человека? Начал было извиняться: «Юрий Владимирович, простите, ну, вот так уж получилось…» — «Ничего, ничего, садись».

Потом уже совсем мирно Андропов спросил:

— Чего ж вы там наделали-то?

Я начал было объяснять: мол, это не мы, это Минск. А он уже более сурово отвечает:

— Вы мне сказки-то не рассказывайте. И запомните раз и на всю жизнь две вещи. Вы человек молодой, у вас еще впереди много, надеюсь, будет работы. Никогда не ходите по коридорам власти с «троекуровскими щенками». И никогда не пытайтесь самого себя обмануть, потому что в этом случае все заранее будут знать, что вы обманули. Не надо мне сейчас ничего рассказывать — я прекрасно все понимаю. Но что мешало сделать все грамотно, без всех этих хитроумных комбинаций? Оформить, как личную просьбу всей семьи и всей спортивной общественности Свердловска? Ну а теперь, раз уж кашу заварили, летите в Свердловск и Минск, со всеми полюбовно договаривайтесь.

Я выслушал, и говорю: «Юрий Владимирович, все понял».

Когда из горьковского «Торпедо» мы приглашали в «Динамо» Михаила Варнакова с Владимиром Ковиным, я за день летал в Горький трижды. Утром туда прибыл, с игроками все уладил, вернулся в Москву, докладываю начальству. Меня спрашивают:

— С родителями встречались? Они не возражают?

— Я опять в аэропорт — к родителям. Заручился их согласием, прилетел в Москву, доложил. Мне в лоб очередной вопрос:

— С местными властями вопрос урегулирован?

Я отвечаю, что вроде бы да, все в порядке, руководители клубов договорились между собой на этот счет, но слышу:

— Вы обязаны лично побеседовать с обеими сторонами и в этом убедиться.

Вечером я в третий раз отправился в Горький.

Это к легендам о влиянии КГБ на «Динамо». Андропов не хотел, чтобы кто-то мог упрекнуть органы в том, будто они насильно забирают игроков в «Динамо» и тем самым добиваются для команды исключительных условий. К таким вещам он относился крайне щепетильно.

* * *

Андропову вообще был свойственен очень государственный подход к любым проблемам. Взять хотя бы ситуацию с Виктором Васильевичем Тихоновым. Ведь это именно Юрий Владимирович в свое время настоял на том, чтобы Тихонов вернулся из Риги в Москву и возглавил ЦСКА. Вызывал его к себе трижды, уговаривал принять клуб. Мы в «Динамо» когда узнали об этом, то даже у меня был некоторый шок. Понятно, что ЦСКА нужен тренер, но и нам вроде как хочется стать чемпионами — зачем же своими руками усиливать соперника?

Но такие вещи были как раз в духе Юрия Владимировича. Он хоть и не ездил на стадион сам, но очень много разговаривал о хоккее с Дмитрием Федоровичем Устиновым, который тогда был министром обороны. В какой-то момент они совместно и решили, что ЦСКА надо сохранить прежде всего как базовую национальную команду. А значит, тренер там должен быть экстра-класса.

Нас, людей профессионального спорта, во многом недозревших в те времена до подобного подхода в силу постоянной борьбы за результат, такие ситуации заставляли переосмысливать взгляды на спорт, совершенствовать их.

Убирали местечковость мышления, заставляли тоже по-государственному подходить к решению проблем.

Не хочу сказать, что это было легко: спортивные амбиции все-таки «играли» сильно. Но в целом я только потом, много лет спустя понял, насколько та система была гораздо человечнее и основательнее всех последующих. Допустим, когда по итогам сезона мы ставили перед руководителями вопрос каких-то материальных поощрений, выглядело это так: изложил проблему — утром тебе звонит начальник хозяйственного управления и говорит: подготовьте письма по этому, этому, и этому вопросу. Это означало, что вопрос решен. Другими словами, не было практики обещаний, не подкрепленных действием.

Когда страна развалилась, в обиход вошла принципиально иная реальность: тебе могли постоянно что-то обещать, но никакой реализации этих обещаний не было в помине.

По тем временам я не помню ни одного примера, когда со мной при назначении и увольнении на ту или иную должность не побеседовал бы руководитель. Пусть даже не первого уровня. В новой России я с этим столкнулся. Тебя могли назначить, уволить, снова назначить — и на всем протяжении процесса ты мог вообще ни разу не пересечься с руководителем. Такие моменты неизменно рождают даже в зрелом человеке ощущение, что никто вообще не интересуется его судьбой. В том социуме, в котором мы жили — при всех его перегибах — тебя всегда было, кому выслушать. Жена игрока или работника на производстве могла прийти в тот же партийный комитет и сказать: «Васька гуляет, пьет, сволочь, помогите…». Безусловно, это могло не решить проблему, а, напротив, усугубить ее, но так уж человек устроен: ему важно, чтобы его слушали. Хотя бы иногда. Сейчас же в обиход вошла страшная фраза: «Это твои проблемы». И люди замкнулись. Стали уходить внутрь себя и пытаться решить свои проблемы в одиночку. Как могут.

Глава 6. В седле

В середине 70-х в спортивном руководстве страны возникла мысль заменить Куприянова на его посту вице-президента в Международной федерации велоспорта. Мне сообщил об этом начальник Международного управления Спорткомитета Дмитрий Ионович Прохоров — отец нашего нынешнего олигарха. Спросил, как я отношусь к тому, чтобы стать преемником Алексея Андреевича. Я к тому времени уже ездил на велогонку Мира, был знаком со многими руководителями международного велоспорта, но о перспективе карьерного роста в этом направлении не думал вообще. Прохоров позвонил инструктору международного отдела ЦК КПСС Алексею Николаевичу Великанову — он тогда курировал спорт — тот попросил меня подъехать. И уже там вопрос был поставлен ребром: согласен я попробовать себя в этой должности, или нет.

Я сказал, что не могу ответить на этот вопрос, предварительно не пообщавшись как минимум с генеральным секретарем UCI Екелем.

Миша Екель был совершенно замечательным человеком, поляком по рождению. Когда евреев гнали с Западной Украины он оказался в Казахстане, встретившись на пересыльном пункте со своей будущей женой Мирой. Закончил в Союзе артиллерийское училище и вместе с Войском Польским, которое шло на Европу с нашей стороны, дошел до дня Победы в звании полковника и с орденом Красной звезды. Талантливейший был человек, знал шесть языков, в том числе, разумеется, и русский. Службу заканчивал в польском Генштабе, потом вышел на пенсию и стал заместителем председателя Комитета Польши по туризму — в этом качестве он занимался велогонкой Мира.

Вот к нему меня отправили в Варшаву, где как раз проходила гонка. Там же находился президент Международной федерации итальянец Адриано Родони, который длительное время возглавлял и UCI, и FIAC — любительскую ассоциацию велоспорта.

Но тут требуется небольшая предыстория.

В 1961 году президент МОК Эвери Брендэдж впервые поставил вопрос об исключении велоспорта из программы Олимпийских игр. Годом ранее от амфетаминов скончались два гонщика — Дик Ховард и Кнуд Йенсен, причем последний из этих двух случаев произошел на Олимпиаде-1960 в Риме. Поэтому перед велосипедистами поставили ультиматум: либо они образуют любительскую федерацию, либо пусть соревнуются вне

олимпийской программы. Такая федерация была создана в 1965-м на Международном конгрессе по велоспорту в Сан-Себастьяне и стала гораздо более многочисленной, нежели UCI. К тому же она стала главенствующей, поскольку МОК отныне работал только с ней.

Куприянов был вице-президентом и там, и там. Средний возраст членов этих двух федераций был достаточно солидным. Впоследствии я иногда в своем кругу подшучивал над своими коллегами, называя их «олимпийцами» — ровесниками олимпийского движения. Мой сосед по «парте» на всех наших заседаниях старенький швейцарец Вальтер Штамфри два года после моего избрания называл меня Алексеем — привык на протяжении двадцати пяти лет видеть рядом Алексея Андреевича. Я сначала пытался его поправлять, потом махнул рукой. И вот эту публику мне предстояло склонить на свою сторону.

* * *

Когда Миша Екель представил меня Родони и поделился с ним нашими планами, тот подумал, хмыкнул и сказал:

— А почему бы и нет?

Над Родони все привыкли подсмеиваться: он был старенький, на заседаниях порой засыпал, на те конгрессы, что приходились на майские или предновогодние праздники, привозил бесчисленное количество глянцевых коробок с итальянскими пасхальными или рождественскими кексами «Паннетоне», раздавал их в качестве подарков всем членам федерации и на этом считал свою задачу выполненной.

В общих чертах мы тогда вроде бы договорились, но когда, вернувшись, я доложил обо всем Великанову, тот недоверчиво покачал головой: «Неужели у тебя все-таки получится сохранить вице-президентство?»

Я и сам завелся — интересно же! Дело в том, что когда я работал в ЦК Профсоюзов «Средмаша», был невыездным — предприятия-то в большинстве своем закрытые. Пока работал в Спорткомитете, удалось выехать за границу всего раз — в ГДР. В Кенбауме на закрытой олимпийской базе тогда проводился какой-то совместный с немцами симпозиум, вот Колесов всех начальников отделов тула и отправил — вырабатывать концепцию развития своих видов спорта.

В этот раз все было намного серьезнее. Прохоров лично взялся как бы курировать мою международную судьбу — отвечать за нее перед ЦК. Ведь так или иначе именно он порекомендовал

меня на этот пост.

Выборный конгресс проходил в Венесуэле. Есть там такой город Сан-Кристобаль — в ста километрах от Кукуты на границе Колумбии и Венесуэлы. Лететь туда было невероятно долго и утомительно. Кому-то пришло в голову построить там трек, и меня потом еще очень долго занимал вопрос: кто вообще мог проголосовать за то, чтобы проводить в тех климатических условиях соревнования по велоспорту? Представьте себе: субтропики, ночью проливные дожди, днем дикая жара и вся влага начинает мощно испаряться, неба не видно из-за тумана, дождя вроде бы нет, но ты постоянно мокрый с ног до головы. Наши ребята выиграли там командную гонку, и я, помню, сам держал на финише Ааво Пиккууса, подпирая его под спину, чтобы тот не упал на землю. На то, чтобы дойти от линии финиша до пьедестала потребовался час.

Куприянову, который все еще был вице-президентом UCI, прислали на конгресс отдельное приглашение. Но накануне поездки вдруг пришло распоряжение из ЦК вообще не отправлять Алексея Андреевича в Сан-Кристобаль — мол, нет командировочной квоты. Однако ехать в одиночку я отказался наотрез. Пошел к Великанову и объясняю ему:

— Вы должны понимать: без Куприянова у меня нет ни одного шанса быть избранным. Если я появлюсь на конгрессе без него, реакция «старожилов» будет одна: молодой наглец вытолкал нашего старого друга пинками и теперь хочет сесть на его место.

Видимо, я был в тот момент очень красноречив — убедил. Тем более что поездка Куприянова не требовала никаких расходов с нашей стороны: билеты ему прислали из UCI, гостиница тоже была оплачена международной федерацией, она же выделяла суточные, часть которых наше государство изымало по возвращении, поскольку на этот счет имелись жестко зафиксированные нормы.

* * *

Алексей Андреевич полетел в Венесуэлу авиакомпанией КЛМ, мой же с переводчиком маршрут был достаточно экзотичен: Москва — Гавана, Гавана — Панама, Панама — Мехико, там ночевали, наутро летели в Каракас и маленьким полувоенным самолетом — в Сан-Кристобаль.

Предварительно мы провели в Вене совещание соцстран — нужно было заручиться поддержкой на конгрессе и выработать общую позицию. С президентом финской федерации велоспорта

Симой Климшевским у меня были очень хорошие личные отношения, и через него удалось наладить хорошие отношения с федерациями велоспорта Норвегии, Швеции и Дании. То есть количество голосов было достаточным, чтобы иметь основания рассчитывать на успех.

Накануне голосования организаторы конгресса устроили торжественный ужин для всех участников. Родони приехал в Венесуэлу с супругой и двумя внучками — молодыми и очень красивыми итальянками. Одну из них я пригласил на танец, когда началась музыка, и в разгар этого танца заметил, что Адриано очень пристально и как-то изучающе на меня смотрит.

Мы, помню, пошутили на эту тему, но большого значения моменту я не придал.

На следующий день выяснилось, что я, настояв на поездке в Венесуэлу Куприянова, оказался совершенно прав. Алексей Андреевич вышел на трибуну, поблагодарил всех присутствующих за двадцать пять лет очень интересной и хорошей совместной работы, извинился за то, что ему в связи с возрастом становится все тяжелее и тяжелее путешествовать, и представил меня. Прошу, мол, любить и жаловать. Аплодисменты.

Избрали меня там только в руководящий комитет FIAC. За посты вице-президентов нужно было бороться несколько месяцев спустя — в ноябре в Женеве.

* * *

Генеральным секретарем FIAC тогда был тоже итальянец Джульяно Почарелли. Сам он когда-то был прыгуном в воду, работал в Национальном олимпийском комитете Италии, и Родони, не знаю уж, почему, двинул его в велоспорт. На заседании все прошло нормально, меня избрали вице-президентом, а на следующий день начинался конгресс UCI.

Поздно вечером Почарелли пришел ко мне на переговоры.

Смысл его слов был прост: я — молодой, но несмотря на это сразу был избран на руководящую должность, Это, безусловно, замечательно, просто дело в том, что в UCI на должность вице-президента давно уже претендует испанец Луис Пуич. Поэтому мне следует снять свою кандидатуру.

С одной стороны, я прекрасно понимал позицию итальянца. В конце концов Пуич вошел в руководящий комитет намного раньше меня и имел все основания рассчитывать на то, что президент его поддержит. С другой — как я мог снять

кандидатуру, не поставив в известность того же Великанова? Потом, кстати, мы как-то обсуждали с ним ту ситуацию, и Алексей Николаевич признался, что вообще не рассчитывал, что меня изберут на оба поста — это было бы совсем уж нереально. Но в Женеве я, разумеется, об этом не знал. И тем не менее дал Почарелли согласие.

На следующий день, когда конгресс уже начался, и все мы сидели в зале, я подозвал переводчика нашей делегации Валерия Билибина и тихо сказал ему:

— Подойди к Почарелли и скажи, что твой шеф отказывается снять свою кандидатуру.

Надо было видеть лицо Почарелли. Он явно не понимал, что делать дальше: краснел, бледнел, в общем — пауза образовалась конкретная — видимо, президент успел обговорить желаемый сценарий не только со мной. Но деваться было некуда — пришлось начать голосование.

Голоса между мной и Пуичем разделились поровну. Я понимал, что это, конечно же, крах. Потому что после того, как меня «прокатят», что казалось мне совершенно очевидным, и я — в лице Почарелли, Пуича и всех, кого попытался «прокатить» сам — получу недоброжелателей на всю оставшуюся жизнь.

В этот момент слово взял Родони. Он подозвал к себе Билибина и тихонько спросил, указывая на меня:

— Как его фамилия?

Секундой позже он объявил, что свой, а в этой ситуации — решающий голос, отдает мне.

* * *

Понятно, что по тем временам мое положение вызывало бесконечные пересуды. За границу в СССР почти никто не ездил, у меня же набиралось по три — четыре поездки в год на всевозможные конгрессы и соревнования.

Когда меня избрали на те посты, которые до меня занимал Куприянов, я как-то шел на работу в «Динамо» и под трибунами стадиона заметил двух своих сотрудниц, которые, не видя меня, обсуждали ситуацию. Слышу, как одна из них говорит другой:

— Наверное, Куприянов ему вообще все передал…

Это так сильно меня рассмешило, что я не удержался: выглянул из-за угла и говорю:

— Конечно, передал. Видели бы вы, какие у меня теперь три секретарши! Одна — итальянка!

Завидовать по большому счету было нечему. По нормам,

установленным в нашем государстве, тем, кто выезжал за границу, было положено по 35 швейцарских франков в сутки. Международные федерации платили 170 — с тем, чтобы человек мог нормально питаться. В частности эти деньги позволяли после заседаний пойти вместе с коллегами в ресторан, пообедать с ними, поужинать, продолжить какие-то обсуждения в неформальной обстановке. Вместо этого я возвращался в гостиничный номер, резал привезенный с собой хлеб, колбасу, открывал селедку, а когда кто-то из коллег спрашивал, почему советские представители никогда не принимают участия ни в каких совместных посиделках, приходилось врать, ссылаться на больной желудок, необходимость соблюдать диету и, соответственно, невозможность есть нормальную пищу.

Разницу в суточных я после каждой поездки привозил в Москву и официально сдавал в кассу. На оставшиеся копейки нужно было привезти подарки домой и сувениры — на работу. Помню, в одной из командировок я спросил коллегу — достаточно высокопоставленного политического деятеля — как он вообще выкручивается с подарками. Он засмеялся:

— Очень просто. Покупаю комплект женского белья, бюстгальтер отдаю жене, а трусики — любовнице. И все довольны.

Смех — смехом, но когда мой помощник-переводчик купил себе на распродаже какой-то копеечный, но модный пиджак в клетку, я настоятельно просил его не приходить в этом пиджаке на работу. Мы не могли себе позволить провоцировать разговоры о том, что те, кто выезжает за границу, купается там в шоколаде. Хотя такие разговоры все равно были.

Как решить вопрос с выплатой суточных я все-таки придумал. Предложил Дмитрию Ионовичу Прохорову такой вариант: написать в Международную федерацию письмо, чтобы вместо выплаты части положенных денег, мне оплачивали обед и ужин в месте проживания.

Таким образом, я получил возможность гораздо более плотно общаться с людьми, мог пригласить кого-то на чашку кофе, то есть решать какие-то вопросы в менее формальной обстановке, нежели на официальных совещаниях.

* * *

Еще в бытность одним из руководителей «Динамо», у меня сложился очень хороший контакт со служителями культа. В одно время во внутренних динамовских войсках служил молодой

парень, который, будучи в армии, играл в футбол, а впоследствии стал архимандритом Тихоном, настоятелем новосибирской и алтайской православных церквей.

В то время все предметы церковного культа изготовлялись под Москвой в Софрино, где располагался свечной завод, мастерские иконописи и несколько других производств. Архимандрит Тихон, с которым по «Динамо» мы были неплохо знакомы, обратился ко мне с просьбой помочь церковнослужителям приобрести теплое белье. Многие из служителей культа работали в тяжелых условиях, в холоде, по многу часов на ногах, а нормального трикотажного нижнего белья в стране тогда не было в принципе.

Динамовские же фабрики его выпускали — для «своих». Вот Тихон и испросил разрешения заказать сто комплектов белья больших размеров — с тем, чтобы сделать жизнь своих служителей хоть немного комфортнее.

Я тогда его еще поддел. Сказал, что все, мол, сделаю, но на майках напишу «Динамо». Мы вместе посмеялись, но пару комплектов с динамовской эмблемой я все-таки ему в эту партию положил.

Потом мы часто пересекались уже по моей международной работе. Когда по линии велосипедных или динамовских международных связей к нам приезжали какие-то делегации, им всегда устраивали выезды по Золотому кольцу. Возили на службы в Загорск, в Свято-Даниловский монастырь. Однажды к нам приехали руководители итальянской федерации велоспорта, мы составили для них предельно насыщенную программу, но попало это на дни предпасхального поста. Разумеется, я предупредил гостей, что никаких особенных разносолов в силу ситуации в монастыре не будет.

Все предыдущие дни гостей всячески развлекали и ублажали, потчевали всем, чем только можно, и они решили на прием в монастырь не ездить, тем более что вечером в плане стоял еще и Большой театр. Я позвонил Тихону — предупредить, что не привезу гостей. А он мне и говорит:

— Мы всем миром к этому приему готовились, у людей — единственная возможность в пост нормально поесть и выпить, а ты везти не хочешь? С ума сошел?

Делать было нечего — поехали. Обед в монастыре послушники приготовили такой, что итальянцы потом еще долго его вспоминали, закатывая глаза. Блины, икра, заливная рыба, грибы, селедка под шубой, мед… Генсек итальянской федерации долго тогда у меня допытывался:

— Господин вице-президент, если здесь в Пост такие столы

накрывают, как же они живут, когда не пост?

В Загорске был другой интересный случай. Екель, о котором я уже рассказывал, приехал к нам по каким-то велосипедным делам, и его визит пришелся на самый разгар антиалкогольной компании. Делегацию мы традиционно повезли в Загорск, кинув на всякий случай в багажник бутылку коньяка и бутылку водки. Показали гостям семинарию, постояли на службе, сели за стол. Я батюшку осторожно спрашиваю: «А как бы нам, это, для гостей угощение организовать?»

Он понял меня с полуслова:

— Выпить, что ли?

— Ну да. У нас в машине все есть, можно послать человека.

Реакция батюшки была потрясающей. Он выдохнул и говорит с облегчением:

— Слава-те, Господи. Я-то постеснялся предложить, подумал: из Москвы люди приехали, там все строго…

И кнопочку под столом нажимает.

Дверь тут же распахнулась, заходит послушница в платочке — с подносом. Там и водка, и коньяк, и какое-то вино… Сам батюшка выбрал коньяк — со словами: «Пожалуй, он послабее водки будет».

В общем, застолье идет вовсю, а Миша Екель меж тем все вопросами батюшку донимает всевозможными. В какой-то момент тот огляделся, и говорит:

— Подожди, сын мой. Я тут, как погляжу, подотстал от всех маленько. — Наливает себе одну рюмку, за ней — другую, чем-то закусил и кивает Екелю: Вот теперь продолжай.

* * *

К концу 70-х моя международная деятельность становилась все более и более широкой. Однажды меня даже выдвинули в МОК — в комиссию филателистов. Каким образом я туда попал — не знаю до сих пор. Трижды меня включали в комиссии по обследованию городов-кандидатов на право проведения Олимпийских игр. Мне достались Манчестер и Париж, которые в итоге проиграли Барселоне за право провести Игры-1992, и Мельбурн, боровшийся за Игры-1996 г.

Те поездки дали возможность познакомиться с политиками этих двух стран, поближе узнать их спортивную историю. В Париже нас принимал Жак Ширак. Очень интересная личность, глыба, читал в подлиннике Пушкина и довольно сносно говорил по-русски. Мы вместе с ним летали на вертолете, смотрели

велосипедную трассу, и меня, на всем протяжении нашего общения, поражало его отношение к нашей стране. С политической точки зрения Ширак был абсолютно незаангажирован и действительно любил Россию.

Встречались мы и с Франсуа Миттераном. В дни нашего пребывания в Париже он как раз награждал Орденом Почетного легиона одного из ветеранов французского велоспорта, и мы были приглашены на это мероприятие.

На столетии итальянской федерации велоспорта в 1985-м уже будучи президентом Международной федерации я встречался с Папой Римским — для руководства UCI была организована отдельная встреча с ним.

По тем временам разрешение на подобную встречу в силу своего служебного положения и генеральских погон я был обязан испрашивать в ЦК партии. Во-первых, Ватикан — это отдельное государство, а визит в каждую отдельную страну нужно было обязательно согласовывать с международным отделом. Во-вторых, из советских руководителей государственного ранга я на тот момент был третьим, кто официально был удостоен приглашения появиться у Папы Римского на приеме. Поэтому первым делом я позвонил в советское посольство. И первый секретарь посольства мне сказал:

— Вы же идете на прием не как представитель страны, а как глава международной спортивной федерации? Мы считаем, что в этом случае нет никаких проблем.

Иоанн Павел Второй оказался отличным и довольно спортивным человеком — с прекрасным чувством юмора, к тому же. С его появлением в Ватикане была связана любопытная история: вскоре после своего избрания Папа распорядился построить плавательный бассейн и пустить вокруг опилочную дорожку для бега.

Когда строительство было закончено, на одной из пресс-конференций Папу спросили, не слишком ли дорогое удовольствие для католической церкви строить в Ватикане подобные сооружения? Папа ничуть не смутившись ответил: «Я тут как раз все подсчитал и пришел к заключению, что похороны Папы Римского обходятся намного дороже».

Итальянские фотографы отсняли ту нашу встречу от начала и до конца и вывесили в официальном отеле всю съемку, по которой очень детально, словно в замедленном видеопоказе было видно, как все происходило. На тех кадрах, где рядом с Папой стоял я, у него был какой-то странный, словно слегка испуганный вид. Меня тут же начали терзать вопросами: что между нами произошло?

Понтифик тогда почему-то решил, что я русский, но из Канады. Об этом он меня и спросил, причем по-русски. А я ляпнул:

— Нет, не из Канады. Я коммунист из Москвы.

Если бы не журналисты, я бы вообще не обратил внимания на ту нашу беседу. Но раз спросили, надо же что-то отвечать? Вот я им и ответил, что, мол, спросил Папу: «Вас тут никто в вашем Ватикане не обижает? А то скажите — мы приедем, поможем…»

* * *

За четыре года до этого у нас состоялся очередной конгресс UCI и FIAC в Манчестере, на котором Родони объявил о том, что уходит.

Штаб-квартира у двух велосипедных федераций была единой и располагалась в Женеве. К этому периоду времени я уже был знаком с Хуаном-Антонио Самаранчем — нас свел мой бывший заместитель по производственной части Борис Куракин, который одно время был генеральным директором Лицензинторга, а потом заместителем у Аркадия Вольского в Российском союзе промышленников. Умнейший человек, знал пять языков, много с кем общался и в 1978 году как раз он познакомил меня с главой фирмы «Адидас» Хорстом Дасслером. Тот по каким-то делам приезжал в Москву и первые контракты с нашей страной о поставке всевозможной продукции шли как раз через куракинский Лицензинторг.

Дасслер очень заинтересовался моей работой в международной федерации, а он, надо сказать, проводил в те времена очень активную работу в этом направлении. Более того, от его компании за каждой из федераций были закреплены люди, которые ездили на все конгрессы, регулировали вопросы голосов и порой даже влияли на выдвижения тех или иных президентов, поскольку все это было очень плотно завязано с бизнесом самого Дасслера.

Неудивительно, что в эту обойму интересных для Дасслера фигур попал и я.

На «Адидас» тогда работал бывший легкоатлет Джон Бультер — как раз курировал все вопросы, связанные с федерациями. Он, собственно, и сообщил мне в Манчестере накануне выборов, что я наверняка стану президентом.

Так и получилось. Я выиграл выборы, за меня, помимо представителей соцстран и скандинавов, проголосовал весь арабский блок. Это было крайне удивительно: люди всю жизнь на

верблюдах ездят, какой там велосипед? Но четырнадцать «арабских» голосов я тем не менее на том Конгрессе получил.

Глава 7. Высшее футбольное общество

Однажды когда по линии своей международной деятельности я был в Манчестере, нас пригласили посмотреть одну из игр английского футбольного чемпионата. До начала матча я подошел к кромке поля и сильно, помню, удивился, что оно не ровное. Вроде бы поверхность плоская, но если посмотреть от уровня земли, противоположную кромку поля ты не увидишь. То есть сама поверхность площадки была немного сферической — так того требовала дренажная система.

Очень хорошо помню свои ощущения в тот момент: при том, что я никогда не был футболистом, мне сильно захотелось выйти на то поле с мячом.

Еще запомнилась атмосфера того матча. Именно такой я представлял себе атмосферу послевоенных футбольных поединков у нас в стране, когда футбол был праздником, а люди собирались на стадионе не к началу матча, а намного раньше, обменивались новостями и прогнозами, пили пиво, потом смотрели игру и шли обсуждать уже ее — в ближайшую пивную или ресторан.

Уже будучи на пенсии, я как-то включил телевизор и на одном из каналов увидел анонс передачи памяти ушедшей из жизни актрисы Натальи Гундаревой. В анонсе было сказано, что она двенадцать лет была гражданской женой известного футболиста Александра Минаева, который много лет играл за «Динамо». Естественно я заинтересовался и даже порядком удивился, поскольку в моем представлении Саша и театр не сочетались вообще. Это, собственно, к вопросу о том, как мало мы знаем тех, рядом с кем работаем.

В ходе передачи ведущий вдруг сказал, рассказывая о союзе Минаева и Гундаревой, что подобных прецедентов история не знала. Вот тут я внутренне возмутился: то есть как это не было?

Помню, в одной из бесед с Николаем Николаевичем Озеровым мы стали обсуждать футбол с точки зрения его спектакулярности, так сказать. И Озеров посетовал, что игра стала заметно эту спектакулярность утрачивать. Я тогда выдвинул свою гипотезу. Дело в том, что все футболисты того периода мало того что были безумно популярны в обществе, и эта популярность многократно возросла после того, как команда съездила в Англию, но кроме этого они много и охотно ходили в театры. Артисты в свою очередь постоянно ходили на футбол. То

есть между людьми был совершенно потрясающий уровень общения, который невольно вынуждал игроков постоянно подтягивать собственный интеллект. Когда женой Константина Бескова стала Валерия Николаевна, которая была актрисой, ей точно не было стыдно вводить мужа в круг своих коллег.

Совершенно уникальной парой были братья Старостины. Сам я больше общался с Андреем Петровичем, и каждый раз восхищался, глядя со стороны, с каким потрясающим внутренним достоинством и поистине царской осанкой он шел на трибуну, как строил свою речь, как блестяще умел доносить до собеседника свои мысли! Так, наверное, мог бы выходить на сцену Художественного театра легендарный Василий Качалов.

Общаясь с такими личностями, свою профессиональную работу на поле футболисты невольно старались преподносить таким образом, чтобы им было за нее не стыдно. Перед театральной публикой — в том числе. Каждый матч превращался в грандиозный спектакль, где каждый совершенно блистательно играл свою роль. Поэтому и люди шли на футбол «адресно»: на Бескова, на Симоняна.

Те времена я застал в «Динамо» лишь краешком, но помню, был потрясен количеством выдающихся личностей, с которыми можно было с удовольствием общаться на протяжении всей жизни.

* * *

Николай Петрович Старостин, который считается основателем «Спартака», одно время работал в «Спартаке» вместе с Бесковым, когда тот оказался в «Динамо» не у дел. Как раз в то самое время «Спартак» вылетел в низшую лигу, что естественно стало сильным потрясением для футбольных кругов. Первый секретарь московского горкома компартии Виктор Васильевич Гришин тогда позвонил министру МВД Николаю Анисимовичу Щелокову и попросил: раз уж Константин Иванович оказался свободен, нельзя ли его откомандировать в «Спартак»?

По своей сути Старостин и Бесков были антиподами — примерно как Чернышев и Тарасов в хоккее: один — крайне сдержан и молчалив, другой — крайне артистичен и громогласен. Но именно их содружество на том этапе позволило за короткий промежуток времени вывести «Спартак» в высшую лигу и сделать его многократным чемпионом страны.

Одной из сильных сторон Бескова-тренера всегда было то, что он умел очень точно выбирать игроков на конкретную позицию и

под конкретную задачу. Именно так он вытащил в «Спартак» из первой лиги Георгия Ярцева. Юра Гаврилов заиграл у него в «Спартаке» уже после того, как его полностью списали в «Динамо». И играл не один год.

В каких-то ситуациях с Константином Ивановичем было тяжело, поскольку у него имелись очень жесткие жизненные принципы. Помню, например, как он отчислил из «Динамо» Омари Тетрадзе. На предматчевой установке тот заснул — разморило человека в тепле после тренировки.

Бесков его окликнул, мол, для кого он все рассказывает? А Тетрадзе, не подумав, и ляпнул:

— Да чего тут слушать? Я и так все знаю.

Бесков отреагировал чисто в своем стиле:

— Все знаешь? Тогда быстренько собрал вещи, и чтобы я тебя больше не видел ни на базе, ни в команде.

Вроде ерунда, но, думаю, Константин Иванович просто прекрасно знал, как легко можно «потерять» команду, если хоть однажды позволить кому-либо из игроков поставить свой тренерский авторитет под удар. Потому что с этой братией иначе было просто нельзя. Но и эта сторона натуры Бескова прекрасно уравновешивалась мудростью и жизненным опытом Старостина.

Не меньше я был потрясен, когда однажды стал свидетелем беседы Николая Петровича и Федора Черенкова. При том, что между ними было почти шестьдесят лет разницы в возрасте, Федор слушал Старостина не из вежливости, — такое ведь сразу становится заметно, — а с неподдельным интересом. То есть Николай Петрович в свои восемьдесят лет сохранил в себе внутреннее состояние человека, интересного для двадцатилетних. Он сам интересовался абсолютно всеми сторонами жизни игроков, принимал большое участие в решении их социальных проблем, и ребята чувствовали, что его о них забота — она совершенно бескорыстная и искренняя.

Думаю, что «Спартак» принял Бескова тоже не без участия Старостина. И это великое счастье, что два таких непростых и ярких человека нашли между собой общий язык пусть даже не на слишком большом отрезке времени. Хотя девять лет, совместно проведенные этими двумя глыбами в «Спартаке» — более чем солидный срок, когда речь идет о спорте.

В обычной жизни Бесков был интеллигентом до мозга костей. Однажды в мою бытность председателем ЦС «Динамо» мы вместе выбрались пообедать в ресторан «Пекин». Был выходной день, и я позволил себе прийти в рубашке без галстука. Константин Иванович тут же обратил на это внимание. Наклонился ко мне, когда мы уже сели за столик, и тихонечко, но совершенно

серьезно произнес:

— Вам, Валерий Сергеевич, не нужно ходить в общественные места без галстука, неправильно это.

Помню, мы как-то сидели у него дома, шел футбол, который комментировал Виктор Гусев. Бесков вдруг встал и выключил звук. Объяснил, что комментарий слишком сильно его раздражает, мешает смотреть игру.

Я тогда сначала удивился, а потом понял, что Бесков прав — задача комментатора ведь проста: донести до зрителя то, что он не видит, прокомментировать какую-то ситуацию на основании той информации, которой располагает. Навязывать зрителю собственные эмоции, определяя за него, как тот должен реагировать на тот или иной момент соревнования — сомнительная задача. Вот и Бескова Гусев отвлекал, навязывая собственную точку зрения на то, что происходит на экране.

Через Константина Ивановича я близко познакомился с его зятем Владимиром Федотовым, который потом и сам тренировал «Спартак», с торпедовцем Валентином Ивановым и его женой Лидой — олимпийской чемпионкой по спортивной гимнастике, которая, кстати, выступала за «Динамо».

Мы были неплохо знакомы с Валерием Васильевичем Лобановским. Для меня он всегда был образцом тренерской самодисциплины. Я бывал у него на базе под Киевом в Конча Заспе, наблюдал его в тренировочном процессе, много общался. Что бы ни происходило с вечера — праздники, встречи с друзьями, которые порой затягивались заполночь — в пять утра у Лобановского был подъем — на зарядку. После этого он мог даже пойти в баню попариться, но когда команда в восемь утра строилась на улице, Валерий Васильевич выглядел на порядок свежее всех остальных. Подтянутый, бодрый, всегда, красавец. Он вообще никогда не позволял себе показать окружающим, что чувствует себя недостаточно хорошо. А ведь что такое тренер? Это постоянные переживания, нервы, дикая ответственность, каждый матч, как электрический стул…

И вот этот круг общения позволял мне понять футбол совершенно с другой стороны.

* * *

Самой большой потерей футбольного московского «Динамо» я считаю историю все с тем же Бесковым, которая происходила у меня на глазах. Константина Ивановича убрали с тренерской лавки после того, как в 1970-м «Динамо», проводя с ЦСКА в

Ташкенте решающий матч, по мнению Бескова сдало игру. Он тогда достаточно резко высказался по этому поводу.

Куратором московского «Динамо» в МВД был Борис Тихонович Шумилин, фронтовик и очень приличный серьезный руководитель с огромным жизненным опытом. С Бесковым, который, оставшись без команды, в то время работал в аппарате российского «Динамо», он дружил. В это время Центральный Совет общества возглавил Петр Степанович Богданов, который пришел в спорт с партийной работы. И так получилось, что во время одной из своих командировок в Белоруссию он встретился с Петром Мироновичем Машеровым, который тогда был первым секретарем ЦК компартии республики, а тот поднял футбольную тему.

Минское футбольное «Динамо» тогда сильно хромало, и до ведома Машерова, видимо, довели, что в Москве в динамовском аппарате без дела сидит Бесков. Вот они с Богдановым и договорились, что тот пришлет Константина Ивановича в Минск.

Петр Степанович, естественно, считал вопрос решенным. В конце концов Бесков, работая в «Динамо», был аттестован, имел звание подполковника, значит, обязан был подчиниться приказу генерала. Но нужно было знать Константина Ивановича. Он выслушал Богданова и сказал ему:

— Не поеду.

— Как не поедете?

— Вот так. Не поеду — и все. Не хочу.

Через несколько лет после того, как Бесков оказался в «Спартаке», а сам я стал председателем в ЦС «Динамо», у меня случился разговор о Бескове с Шумилиным. О том, что выдающегося динамовского тренера следовало бы попробовать вернуть в родной клуб. Бориса Тихоновича я тогда попросил:

— Дайте мне согласие на то, чтобы я встретился с Бесковым и поговорил с ним на эту тему.

Такое согласие я получил и сразу поехал в Тарасовку — на сбор. Встретился с Константином Ивановичем, говорю:

— Считайте, что ваша командировка в «тыл врага» закончилась. Пора возвращаться домой…

Он тогда не дал согласия оставить «Спартак». Объяснил, что не готов идти поперек решения, принятого на уровне горкома партии, в том числе и потому что не знает, как обосновать свой уход. Но начало было положено. Мы встречались потом еще не раз, разговаривали, и в итоге Бесков решил из «Спартака» уйти, тем более что ему уже стало сложно работать со Старостиным, заставлять себя в каких-то вопросах под него подстраиваться. Это нормально: когда люди долго работают вместе, они, бывает,

сильно устают друг от друга. Но я искренне гордился тем, что хоть и под конец жизни, но сумел вернуть Константина Ивановича в «Динамо».

* * *

Еще одна знаковая встреча тех времен — Александр Александрович Севидов.

Вместе с его футбольным «Динамо» мы в 1976 году стали чемпионами СССР. Когда я в первый раз попал к Севидову в дом, то удивился, насколько человек не просто внутренне богат и интеллектуален, а как тонко он знает и понимает классическую музыку. Мы ведь, если разобраться, даже работая бок о бок, иногда совсем мало знаем друг друга. Тут — спортсмены, сборы, там — соревнования, работа, работа, работа… Севидов много ездил по миру и отовсюду привозил пластинки классической музыки.

Как тренер он замечательно вписывался в ту когорту великих педагогов, каждый из которых имел собственную методику, был знатоком психологии футбола. В Сан Саныче, как и в Николае Петровиче Старостине, никогда не чувствовалось возрастного превосходства по отношению к кому бы то ни было. Есть такие удивительные люди, общаясь с которыми ты незримо чувствуешь протянутую тебе руку, на которую всегда можно облокотиться в трудной ситуации. Севидов был именно таким.

Потом его просто «спалили». Это, конечно же, была трагедия. Я в то время уже ушел работать в Спорткомитет, а «Динамо» под руководством Севидова выезжала на какие-то коммерческие матчи в США. Руководителем команды с футболистами поехал человек «при погонах», у которого это, судя по всему, был первый выезд за границу. Поэтому он изо всех сил старался проявить, так сказать, бдительность.

После игры вся команда поехала на Брайтон-Бич по приглашению местной украинской диаспоры, с некоторыми представителями которой Севидов был знаком со времен своей работы в киевском «Динамо». То ли этому руководителю не досталось подарков, то ли случилось что еще, но он, вернувшись в страну, накатал на Севидова «телегу» — что тот постоянно встречался в Америке с антисоветскими элементами и вел с ними какие-то разговоры. И Сан Саныч стал невыездным.

Футбол того времени был невероятно красочен. В нем присутствовал не только московский колорит, но и кавказский, и азиатский. Совершенно уникальным тренером мне запомнился

Михаил Иосифович Якушин, под руководством которого московское «Динамо» ездило в ту знаменитую поездку в Англию в 1945-м. Потом Якушин работал с тбилисским «Динамо», с «Пахтакором», а сам по своей натуре был этаким Дедом Щукарем с колоссальным багажом высшего педагогического и спортивного мастерства.

* * *

Когда я стал работать в Спорткомитете заместителем председателя, то по долгу службы продолжал курировать футбол. Президентом федерации футбола тогда был Борис Николаевич Топорнин — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук. Мне тогда пересылали все письма, которые в ЦК КПСС писали болельщики. Там были толстенные труды с математическими выкладками, почему наши футболисты проигрывают, и что нужно сделать для того, чтобы они начали побеждать. Я каждый раз приносил эти письма Топорнину и говорил ему:

— Борис Николаевич, я, к сожалению, не математик, а вы — большой ученый. Вот и разбирайтесь.

Все это лишний раз давало понять, чем всегда был для страны футбол и что такое «народный вид спорта». На мой взгляд, критерий здесь крайне прост. Надо всего лишь ответить на вопрос: нужно это народу, или не нужно. Футбол понятен всем и нужен всем. Это игра, которая за последние сто лет практически ни в чем не изменила свой формат, Не изменились ни размеры поля, ни размеры мяча, ни размеры ворот. А интерес к игре продолжает оставаться столь же высоким.

В народном измерении поражение любимой команды — это всегда трагедия. Это нормально. Когда в 2016-м московское «Динамо» забалансировало на грани вылета из высшей лиги, я, помню, встречался с Владимиром Проничевым, который тогда возглавлял ЦС «Динамо», и сказал ему, что с моей точки зрения это — катастрофа. Прежде всего — для всего динамовского сообщества. Удар по системе. Она ведь устроена как: представьте себе динамовского руководителя, который сидит в каком-нибудь провинциальном городке и который пришел к государственным властям просить денег на спорт. Могу с большой вероятностью предположить, что ему скажут:

— Вы в «Динамо» даже свою главную команду не сумели сохранить. Какие вам деньги?

Проничев меня тогда не понял. Я же рассуждал, как человек,

который дважды — первый раз вместе с Петром Степановичем Богдановым — спасал московское «Динамо» от вылета из высшей лиги. Мы включали дополнительные организационные резервы, искали игроков, обеспечивали им материальную поддержку. Удержать позиции ведь всегда проще, нежели возвращать.

Много раз наблюдал и то, насколько хорошо футбол фильтрует людей. Когда в киевском «Динамо» карьеру игрока закончил Анатолий Бышовец, он ведь не остался в команде, не прижился. Валерий Васильевич Лобановский не видел в нем человека, на которого можно опереться как в футбольном, так и в человеческом плане. Возможно, все дело было в том, что на определенном этапе своей жизни Бышовец стал ставить себя выше футбола. Особенно это стало заметно после Олимпийских игр в Сеуле, когда команда под его руководством стала чемпионом.

Как у комментатора и футбольного эксперта у Бышовца есть свои сильные стороны. Но в поведении стало слишком много безапелляционного. Когда ты работаешь в кругу людей, это рано или поздно «взрывает» любые отношения, разрушает их.

Когда главным тренером российской сборной был назначен Леонид Слуцкий, мне сразу очень не понравилось, до какой степени его стали расхваливать уже на том этапе, когда человек еще ничего не сделал. А ведь Акинфеев, братья Березуцкие, Игнашевич пришли в футбол при Газзаеве. Это он в них поверил, он из них сделал игроков. А кого воспитал Слуцкий? Он, в моем понимании, хороший методист. Но когда тренер — поденщик, так его и видно сразу.

Точно так же лично мне видно, что Станислав Черчесов — в большей степени администратор, нежели педагог. Он тренер-погоняла. Недаром от него отказался Кадыров. Возможно, в сегодняшнем футболе всем этим интеллектуалам от футбола с шампанским по 250 евро за бутылку и нужен погоняла, но на этом не сделаешь серьезный результат.

Не помню, от кого из футболистов я услышал, что вратарь не может быть тренером сборной, потому что он всегда читает игру по-своему. Абсолютно верные слова. Вратарский взгляд всегда отличается от тренерского — это аксиома. Вратарь ведь — это не просто амплуа на поле. Это склад характера. То же самое — тренер. Я помню, когда Гаджи Гаджиев начинал свою работу помощником Лобановского, он не отходил от него ни на шаг, постоянно что-то записывал, как в хоккее Юрзинов записывал за Чернышевым. То есть всю ту методику люди многократно пропускали через себя. Мозговой и экспертный центры команды должен состоять как раз из таких людей. Именно они должны определять тенденции, а не случайные люди, которые пришли к

управлению в силу стечения обстоятельств. Тем более, когда речь идет о столь тонком инструменте, как футбол.

В целом же, работая в футболе, я нередко вспоминал фразу одного из героев из кинофильма «Подвиг разведчика»: «Нам назначили нового генерала, с ним мы либо прорвемся вперед, либо нас сотрут в порошок».

Ступив на стезю управления футболом, я стал очень хорошо понимать, что либо футбол сотрет меня в порошок, либо вместе с ним я пойду вперед.

Глава 8. Старт дает Москва

Московскую Олимпиаду я проводил в статусе председателя московского «Динамо» и заместителя председателя Центрального — был такой недолгий период, когда я совмещал оба поста, чтобы не была потеряна эффективность управления — поскольку в стране вовсю шла подготовка к грандиозному событию.

Организаторам любых Олимпиад всегда было свойственно стремление сделать какие-то вещи «под себя» — под своих спортсменов. Примерно таким же образом мы проектировали трассу групповой велосипедной гонки в Крылатском. И самым активным участником того проекта был наш выдающийся в прошлом гонщик, а потом и тренер Виктор Капитонов, который был нашим первым олимпийским чемпионом, а тогда возглавлял сборную СССР.

По своей структуре трасса была тяжелейшей. Понятное дело, что Виктор планировал ее, исходя из потенциальных возможностей своих гонщиков и той тактики построения борьбы, которая была присуща его собственным тренерским взглядам.

Подразумевалось, что ставка в групповой гонке будет сделана на Сергея Сухорученкова. Виктор Арсеньевич очень верил в Сергея — как бы видел в нем реализацию своей тренерской мечты. Сухорученков действительно был одним из сильнейших гонщиков в мире, поэтому важно было подобрать команду так, чтобы она, работая на лидера, могла на этой трассе выстроить свою тактику ведения борьбы.

В программе летних Олимпиад велосипедный спорт вообще занимал особенное место. Командная гонка была главным событием первого дня, одним из двух видов (вторым была пулевая стрельба), где разыгрывались первые комплекты наград. То есть, завоевывая медали, велосипедисты создавали настрой на соревнования всей советской команде. Закладывали медальную базу, а кроме того, сам факт, что команда начинала Игры с победы, многократно усиливал у людей атмосферу командного духа.

Эту гонку мы выигрывали всегда — с тех самых пор, как она появилась в программе Олимпиад. В 1972-м в Мюнхене первую из пятидесяти советских золотых медалей стране принесли Валерий Ярды, Валерий Лихачев, Борис Шухов и Геннадий Комнатов. В Монреале чемпионами стали Владимир Каминский, Анатолий Чуканов, Ааво Пиккуус и Валерий Чаплыгин — ходили королями по олимпийской деревне в белоснежных цивильных костюмах, а большинство спортсменов еще только ждали своего старта.

Понятно, что в Москве мы к этой гонке готовились особенно тщательно.

Сам я к тому времени уже не просто имел международный опыт, а был вице-президентом международной федерации и всецело отвечал за организационную сторону процесса. С точки зрения проведения соревнований трасса в Крылатском вызывала у всех большую тревогу. Связано это было прежде всего с тем, что водителей, которых можно было бы без опасений посадить за руль машин сопровождения, у нас имелось раз, два и обчелся.

В одном месте трассы был изгиб, который мог запросто сломать любую машину — его и велосипедисты-то проходили с трудом. Как-то к нам в Крылатское приехал с инспекцией Евгений Тяжельников, который был заведующим отделом пропаганды в ЦК КПСС. И наш тренер Гайнан Сайдхужин, который, как и Тяжельников, был родом из Челябинска, вызвался высокого чиновника прокатить.

Тяжельников приехал на «Чайке» с водителем, Гайнан сел в машину, и они поехали по трассе. После первого же круга водитель вылез из машины, бледный, руками машет:

— Я больше туда не поеду.

Мы долго ломали головы, что делать с машинами сопровождения. Стали готовить водителей из числа своих же механиков. И все равно это был ужас: каскад из спусков и подъемов, гонка несется, на «техничках» велосипеды висят. А если вдруг завал? Не успеешь оглянуться, как на кого-то наедешь.

Не успели мы разобраться с трассой, возникла другая проблема, связанная с режимностью олимпийских объектов. Безопасность Игр была возведена в максимальную степень, вплоть до того, что весь сомнительный контингент на время Олимпиады вывезли из Москвы за пределы сто первого километра. На каждом из объектов круглосуточно дежурили представители внутренних войск, милиции, сотрудников оргкомитета. За день до гонки я приехал на трассу, где было решено в тестовом режиме провести тренировку для всех команд, и остолбенел: вдоль всего кольца трассы с обеих ее сторон локоть в локоть стояли солдаты, образовывая сплошной коридор.

Меня аж залихорадило, когда представил, какой может быть реакция иностранцев. Побежал к старшему, он отвечает:

— У нас приказ.

Я начал объяснять:

— Вы должны понять, что такое гонка. Здесь спортсмену бачок с водой подать надо, там — колесо поменять, плюс болельщики, телевидение. Вы отдаете себе отчет в том, какую картинку телевидение на весь мир покажет? Весь мир на уши

встанет — посмотрите, как коммунистическая Москва проводит Олимпийские игры!

В общем, решили и эту проблему тоже. Правда решалась она на уровне Филиппа Денисовича Бобкова, который впоследствии стал первым заместителем Юрия Владимировича Андропова. Удивительный и замечательный человек — я с ним контактирую по сей день: просто кладезь всевозможных идей и интересных мыслей. Прошел всю войну, дослужился до генерала армии, невероятной доступности и легкости в общении, несмотря на занимаемый пост. С одной стороны, он мог быть очень прямолинеен. Его впоследствии очень сильно пытались дискредитировать, много и довольно безжалостно критиковали в связи с отношением к литературной деятельности Солженицына, которой было принято восхищаться — имелась такая тенденция в обществе. Бобков по этому поводу сказал тогда прямо: «А кто такой — Солженицын, если мы говорим о мировой литературе? И где его место — в этой литературе?».

С другой стороны, несмотря на все разговоры о том, что КГБ — организация исключительно карательная, с Филиппом Денисовичем дружили такие люди, как Майя Плисецкая, Родион Щедрин, Иосиф Кобзон, наш известнейший хирург-кардиолог Лео Бокерия, причем эта дружба продолжалась и после того, как Бобков вышел на пенсию. А это, согласитесь, достаточно сильно характеризует человека.

Вот Бобкову я тогда и сказал:

— Вы же сами знаете, что такое спорт, что такое велосипедная гонка. Будет грандиозный скандал.

Филипп Денисович тогда понял меня с полуслова. Охрану, разумеется, вдоль трассы оставили, но сделали все так, чтобы меры безопасности не бросались в глаза и главное — не мешали людям работать. Понятно, чего все боялись: мало того, что Игры бойкотируют американцы и целый ряд других капиталистических стран, не дай Бог, что-то произойдет подобно мюнхенскому теракту.

Потом мы с Бобковым даже смеялись: хорошо, мол, что тех солдатиков вдоль трассы без оружия в первый день поставили.

* * *

Сама по себе Олимпиада нужна была нашей стране, как воздух. Не беру в расчет политическую сторону дела, хотя большой спорт всегда был сильно политизирован: как только в нем образуется «флаговое» участие, оно всегда придает

мероприятию политическую окраску. Понятно, что Олимпийские игры — всего лишь сегмент мирового спорта, но этот сегмент сильно выпячен. По политическим мотивам в том числе. Поэтому так велик соблазн использовать Олимпиады, как инструмент политической борьбы. Так было в 1980-м, когда решение бойкотировать Игры в Москве приняли американцы, затем история повторилась в 1984-м уже с другой стороны, нечто похожее начало происходить по отношению к России и тридцать лет спустя — после Игр в Сочи. Надо понимать простую вещь: никого не интересует «слабый» соперник. Чем чаще мы стали получать право провести у себя те или иные соревнования, чем лучше их проводили и чем чаще побеждали, тем сильнее раздражали всех вокруг. Так происходит не только в спорте, но и в любой другой сфере человеческой жизни. Поэтому, как только в мире сложилась политическая установка об изоляции нашей страны, сразу возник вопрос: почему бы и в спорте не дернуть за соответствующие ниточки?

Ну а в 1980-м одна из глобальных задач нашего государства заключалась как раз в том, чтобы показать миру: Москва — это красивейший цивилизованный город, а не дремучая тайга с медведями, где одни убогие живут. Еще более важную роль та Олимпиада сыграла для людей. Это прежде всего была колоссальная радость — увидеть столь грандиозный спортивный праздник в своей стране. Не случайно на церемонии закрытия даже у прожженных циников стоял ком в горле, когда в небо улетал олимпийский мишка. И вот этот дух всеобщего единства, сознание, что мы способны удивлять мир не только тем, что летаем в космос, вызвали у людей потрясающие чувства.

Все строилось очень быстро. Мы долго обсуждали, где будет расположен велосипедный трек, изучали различные площадки. По нынешним временам в международных правилах, где изложены технические требования к олимпийским сооружениям, сказано, что трек должен быть 250 метров. На стадионе Юных пионеров 400-метровый трек — совсем старенький, сделанный из железобетонных конструкций. Но тогдашние требования международной федерации предписывали иметь размер 333,3 метра.

Понятно, что первой мыслью у всех было построить новый трек на месте старого. Для этого требовалось бы увеличить площадь застройки всего на сто метров, но нам не разрешили. Как мы тогда бились… Упирали на то, что после Игр такое сооружение можно использовать в самых разных целях, что само расположение объекта таково, что загрузка ему будет обеспечена. Алексей Андреевич Куприянов, которого я уже вспоминал, на тот

момент работал в должности одного из нескольких главных специалистов в Оргкомитете Олимпиады — тогда было принято решение привлечь к подготовке Игр всех «стариков», способных оказать консультативную помощь. Он сам ходил по инстанциям, пытался убеждать, но московские власти уперлись: стадион Юных пионеров — это памятник архитектуры.

До сих пор, когда проезжаю мимо и вижу на месте СЮПа тот жилой космодром, что там наворотили, вспоминаю историю с нашим многострадальным велотреком.

* * *

Трек, который к Играм-1980 был построен в Крылатском, получился уникальным — в том числе и потому, что покрытие для него было сделано из уникальной породы дерева — сибирской лиственницы. Он был очень «быстрым» — пожалуй, самым «быстрым» на тот момент треком мира. За время Игр на треке было установлено тринадцать мировых рекордов, и я сам видел, как Роберт Дилл-Бунди, который стал олимпийским чемпионом в индивидуальной гонке преследования, целовал счастливое для него полотно. Четыре года спустя в Москву — специально для того, чтобы установить мировой рекорд в часовой гонке — приезжал знаменитый итальянский гонщик Франческо Мозер. Парадоксально, но за всю историю существования трека в Крылатском, полностью заполнен он был всего два раза. Первый — во время Олимпиады, и второй — во время того самого мозеровского рекорда в январе 1984-го.

Проблема эксплуатации олимпийских объектов после Игр была достаточно злободневна уже тогда: загрузить спортивные сооружения, чтобы они не простаивали без дела и не ветшали, было достаточно сложной задачей, требующей специальной программы действий. Поэтому мы и прилагали столько усилий, чтобы построить трек в центре города, а не на его окраине. Понятно ведь было, что завлечь народ в массовом порядке в Крылатское скорее всего не удастся никогда.

Одно время я много изучал возможности спортивных сооружений, интересовался, как решают те или иные вопросы в других странах. И пришел к выводу, что очень часто мы пытаемся решить задачу как бы не с того конца. Спортивное сооружение само по себе очень редко инициирует на своей базе проведение спортивно-массовых мероприятий. Поэтому во всем мире инициаторами как спортивных, так и развлекательных мероприятий выступают как федерации по видам спорта, так и

самые разные организации. Посмотрите, что творится в Соединенных Штатах: график каждого стадиона расписан по дням: то мотоциклисты через препятствия прыгают, то машины на каких-то неимоверных колесах по песку катаются. Люди постоянно озабочены тем, чтобы загрузить спортсооружения, сократить эксплуатационные расходы, вывести свой бизнес на прибыль.

Когда я в Швейцарии первый раз в жизни увидел состязания лесорубов — в кожаных шортах, на опилках — даже подумать не мог, что это до такой степени зажигательно и по-спортивному интересно. Мы в последнее время проводим в России довольно много соревнований ранга чемпионатов мира, чемпионатов Европы, этапов «Гран-при» и Кубков мира, но почти не выдвигаем свои традиционные соревнования на международный уровень. Хотя международная практика как раз говорит о том, что подобных соревнований в мире — тьма: Лахтинские игры, Холменколенские игры.

Еще один парадокс заключается в том, что никакая другая страна за исключением разве что США не имеет такого количества олимпийских чемпионов. Мы могли бы проводить у себя великое множество турниров имени великих атлетов прошлого — и почти не проводим их, хотя давным-давно приучили мир к тому, что способны принять и провести у себя мероприятие любого масштаба.

* * *

Не успела начаться Олимпиада, мой непосредственный динамовский начальник Петр Степанович Богданов, у которого я был заместителем, слег с дичайшей ангиной — его просто подкосило. Наверное, в какой-то степени это было закономерно: все, кто был задействован в подготовке Игр, работали на пределе возможностей. Вот организм и не выдержал — как, бывает, не выдерживают пика спортивной формы и связанного с этим напряжения организмы спортсменов.

Когда Богданов выбыл из строя, все, что было так или иначе связано с выступлениями динамовских спортсменов во всех без исключения видах спорта, легло на меня. Приходилось мотаться по объектам, переживать, участвовать в решении всевозможных и постоянно возникающих проблем. По линии международной федерации я параллельно отвечал за весь велоспорт. Плюс — в сферу моей ответственности входил трек в Крылатском — как сооружение. То есть, объем работы был титанический. Но

удовлетворение от нее тоже было колоссальным — с каждым днем наши спортсмены выигрывали все больше и больше медалей.

Потом возникло множество историй о том, что во время московских Игр русские придумали кучу всевозможных хитростей, которые помогали им побеждать. Ну, примерно, как история с воротами в «Лужниках», которые открывали в нужный момент, чтобы поток воздуха, который при этом образовывался, подхватывал копье «своего» копьеметателя и нес его за рекордную отметку.

Я никогда не относился к таким рассуждениям всерьез. Человеку вообще свойственно преувеличивать многие вещи. Я, помню, как-то еще в самом начале своей управленческой карьеры написал докладную записку в ЦК, а потом, разговаривая с товарищем, который занимал достаточно большой пост, сказал ему, мол, должны же там «наверху» не только понять, что все это важно и нужно, но и решить проблему, раз уж там собраны самые умные, самые достойные и самые ответственные. Мне реально в те годы казалось, что в ЦК сидят если не боги, то полубоги точно. А товарищ засмеялся и говорит:

— Ты слишком хорошо о них думаешь. Если не можешь найти решение самостоятельно, глупо полагаться, что это сделают «там».

Так было и в спорте. Если одна страна побеждает всех, проигравшие скорее будут говорить о том, что они «что-то жрут», что что-то придумали, нежели признают собственную слабость в методиках или чем-то другом. Хотя применительно к велосипедному спорту, я сталкивался с поистине уникальными людьми. Один из них — Гена Мартынов, работавший в институте физкультуры на кафедре велоспорта, первым в мире изобрел металлический туплекс на педали. До этого был ремень, которым затягивали ботинок. У спринтеров на педалях крепилось по два ремня: взрывная сила и, соответственно, нагрузка на ремень была такова, что кожа рвалась в клочья, и никакого надежного сцепления с педалью эти ремни, конечно же, не обеспечивали.

Гена изобрел «ласточкин хвост», который вставлялся в педаль сбоку и защелкивался. Поначалу новинка казалась слишком травмоопасной, да и на самого Гену многие тогда смотрели, как на слегка чокнутого. Он круглый год ездил на велосипеде, и кроме этого его, казалось, вообще ничего не интересовало. А через какой-то период времени идею подхватил Adidas и стал массово выпускать металлические туплексы для профессионального велоспорта.

Гена первым придумал ту модификацию велосипедного руля,

которая позволяла велосипедистам ездить с выпрямленными руками. Но и тогда над ним у нас только посмеялись, а впоследствии именно такие, но слегка усовершенствованные рули стала выпускать какая-то японская фирма.

Еще был какой-то корейский умелец, который много лет жил в СССР. Он изобрел суппорт, который не позволял велосипедной цепи соскочить с шестеренки. Потом эти суппорты стала производить итальянская фирма, основной специализацией которой было производство авиационных двигателей, а детали для велосипедов они изготавливали побочно.

Свой «Сумасшедший профессор» имелся и на кафедре велоспорта в питерском институте физкультуры имени Лесгафта. Звали его Николай Иванович Петров. Он как-то пришел ко мне, когда мы проводили в Петербурге семинар тренеров — принес эллипсовидную шестеренку. Николай Иванович сильно заикался, поэтому слушать его было тяжело. Но я мучительно и терпеливо все-таки довел ту беседу до конца, пытаясь вникнуть в то, что человек мне рассказывает. Выслушал всю теорию расчета: как поставить эту самую шестеренку при нажиме, когда педаль приходит наверх, какой градус должен быть, чтобы усилие облегчалось, а давление увеличивалось. Думал, что у меня взорвется голова.

Примерно так же реагировал на Николая Ивановича и его изобретения Александр Кузнецов, работавший тогда на кафедре велоспорта. А через пять или шесть лет итальянская компания «Компаньоло», которая специализировалась на производстве навесного оборудования для шоссейных велосипедов, наладила производство эллипсовидных шестеренок, и на них стал ездить весь профессиональный мир.

Это я к тому, что умельцев в нашей стране всегда хватало. Просто не всегда хватало понимания, что людей, предлагающих те или иные «революционные» идеи, надо выслушивать, а не гонять.

* * *

Не думаю, что стоит относиться всерьез к рассказам о каких-то особенных ухищрениях, которые на той Олимпиаде помогали нашим спортсменам выигрывать. Дело было скорее в другом. Поскольку важность успешного выступления понимали на всех уровнях, мы делали все возможное, чтобы обеспечить своим спортсменам наилучшие условия для тренировок, размещения, старались абсолютно во всем предоставить им соответствующий

сервис. Закупали максимально лучшее на тот момент оборудование — те же велосипеды, раз уж у нас в стране не производилось машин требуемого качества. Подтягивали сопутствующие службы — ту же медицину, чтобы обеспечить людям максимально эффективную реабилитацию. Мне говорили потом: «А вот помните, на треке стояла кислородная палатка, в которую спортсмены заходили перед стартом и дышали кислородом?» Может быть, и стояла. Сам я эту палатку не видел, но совершенно не исключаю этого. Тем более что никаким существующим на тот момент правилам такие вещи не противоречили.

Наши гребцы — байдарочники и каноисты — готовились к той Олимпиаде под Рязанью. Великолепное место, сосны кругом — чистая Прибалтика по климату. Как-то я задал вопрос Виктору Горелову, который до сих пор эту базу возглавляет, а тогда был гребцом, входил в сборную, почему вообще возникла идея отправить команду туда, а не куда-то еще?

Горелов мне и объяснил, что их «наука» — а тогда к каждой сборной были прикреплены целые бригады всевозможных специалистов — обнаружила, изучая базу, что в этом месте совершенно другая плотность воды и другое течение. У нас ведь тогда еще не было специальных гидроканалов для гребли, поэтому приходилось искать определенные природные условия, позволяющие выполнить ту или иную работу. Гребцы приезжали туда на сбор, потом выходили на свободную воду и… Есть такой термин — «гребется» или «не гребется». Так вот после тех тренировок под Рязанью нашим спортсменам «греблось» очень здорово.

Легкоатлеты уже тогда пользовались для реабилитации барокамерами, которые потом стали использоваться во многих видах спорта. Занимался этой темой один из известнейших на тот момент физиологов Анатолий Коробков, возглавлявший в 1960-х годах научно-исследовательский институт физкультуры. Не знаю, был ли он сам легкоатлетом, но много работал с этим видом спорта, потом стал профессором, написал множество работ по физиологии спорта. В определенной степени такие вещи тоже определяли уровень Московской Олимпиады: в спортивной науке повсеместно работали люди, имеющие большой вес в ученом мире страны и признанные этим миром.

Наверное, этот факт тоже можно считать преимуществом, которое наша олимпийская команда имела перед всеми прочими.

Если перекидывать мостик из тех времен в нынешние, одна из самых больших потерь заключается в том, что ту спортивную науку мы просто потеряли. Наши институты физкультуры, к

сожалению, давно уже не готовят специалистов соответствующего уровня. Не проводится в ключе современных событий переподготовка преподавателей — ни на одной кафедре нет прикладной науки. Мы имеем абсолютный «минус» в резерве на выдвижение как руководящие, так и тренерские посты. Когда существовали спортивные общества, фактически на любую должность можно было брать специалистов оттуда, что и делалось.

Как только мы перестали готовить собственные кадры, стала шириться практика приглашения на тренерские позиции иностранцев. И этот огромный поток варягов, который наша страна за несколько последних лет пропустила через себя, породил интересное явление — повсеместное стремление пользоваться исключительно чужим умом. О чем можно говорить, если программу развития самбо мы заказываем у англичан, а программу развития зимних видов спорта — в Ванкувере?

То же самое происходит со спортивной медициной. Наши специалисты в своей массе не пользуются никакой специальной литературой, поскольку она выходит не на русском языке, не знают, как утверждается запрещенный лист Всемирного антидопингового агентства, по какой схеме туда попадают новые препараты — и так далее.

Я совершенно согласен с тем, что главная чума современного спорта — это допинг. Что можно ему противопоставить? Только одно: правильную организацию дела и современную методику подготовки и восстановления. Мы должны дать эту методику тренеру в руки и сопроводить ее грамотным медицинским обеспечением. Когда тренер не имеет ни того, ни другого, он работает, как может. При этом его зарплата, звания, премии, а следовательно — благополучие его семьи — зависит только от результата. Вот человек и стремится любой ценой этот результат получить.

* * *

Удивительно, но я совершенно не помню, чтобы на Московской Олимпиаде возникали какие-то прецеденты допингового характера или как-то особенно пристально фиксировался вопрос фармакологии, который сейчас ставится во главу угла на всех Олимпийских играх. Возможно, иными были требования. А кроме того не было столь мощной сети проверяющих органов, как та, что существует сейчас. Существовала медицинская комиссия Международного

олимпийского комитета, которую возглавлял принц Де Мерод, который даже не был медиком.

В Международной федерации велоспорта комиссия была своя. Возглавлял ее доктор Славик, чех по национальности. По своей основной специализации он был ортопедом, возглавлял клинику в Праге, очень активно работая в своей профессии, контактировал с лучшими врачами Европы, в том числе с профессором Елизаровым — знаменитым курганским ортопедом, который сумел восстановить после тяжелейших переломов легендарного Валерия Брумеля. Доктор Славик входил в состав медицинской комиссии МОК, и через него я узнавал о каких-то тенденциях.

Разумеется, допинг-пробы брали у всех победителей и не только, но тут нужно учитывать два фактора. Во-первых, никто не ставил такой задачи во чтобы то ни стало кого-то в чем-то уличить. Во-вторых, иными были механизмы контроля. Это уже потом, когда в любительский спорт допустили профессионалов и пошла активная борьба с допингом, появились суперсовременные лаборатории, и резко поднялась разрешительная способность аппаратуры. А тогда способы анализа проб были достаточно примитивны.

Когда я думаю об этом, то зачастую прихожу к заключению, что МОК, возводя всемирное олимпийское движение в превосходную степень, до сих пор не осознал степени своей ответственности за развитие системы применения допинга.

Надо понимать простую, в общем-то, вещь: допинг в спорте высших достижений возник не вчера. Вспомните, что произошло после объединения двух Германий: многие, и я в том числе, тогда были уверены, что после падения Берлинской стены немцы объединятся и на хорошо известных методах вынесут мир в одну калитку. Они же поступили иначе: заявили, что не пойдут путем ГДР и что по этой причине не стоит ждать от спортсменов скорых выдающихся результатов, но занялись технологиями: отобрали все лучшее, что было в немецкой спортивной фармакологии, передали все наработки в Кельн в знаменитую лабораторию Манфреда Донике, и все это работает на немецкий спорт по сегодняшний день. Просто работа эта ведется не в варианте ГДР, где во главе угла была схема «шприц — результат», а диаметрально противоположным образом: результат — и затем максимально эффективное восстановление.

Сам по себе спорт ведь со времен той же Московской Олимпиады сильно изменился. Как только в нем был запущен процесс коммерциализации, а произошло это после Игр в Сеуле, когда Самаранч принял решение допустить профессионалов к

участию в любительских соревнованиях, начался серьезный конфликт между клубными и национальными сборными: международные федерации стали в некотором смысле дублировать действия МОК — искать спонсоров, привлекать телевидение, это в свою очередь потребовало резкого увеличения количества соревнований. Если раньше большим количеством стартов отличались лишь единичные виды спорта типа тенниса и горных лыж, постепенно в эту обойму втянулись все.

* * *

Под занавес Московской Олимпиады случилась ситуация, позволившая мне увидеть Сергея Павловича Павлова в совершенно неожиданном ракурсе. Не думаю, кстати, что о нем знают многие из тех, кто во время тех Игр с ним работал. Павлов, как председатель Спорткомитета, возглавлял штаб советской делегации, в который входил и я в силу своей должности руководителя динамовской группы, тем более что на динамовских сооружениях проводили достаточно большое количество соревнований. В этот перечень входило стрельбище в Мытищах, игровой зал на улице Лавочкина, и так далее. По утрам приходилось вставать чуть свет, в шесть-семь часов я уже проводил совещание собственного штаба, где мне докладывали сводку по предыдущему дню, затем начинался соревновательный день, плюс — велосипедные дела. Вечером мы в обязательном порядке собирались у Павлова в Олимпийской деревне, решали какие-то текущие проблемы, подводили итоги, в общем — каждодневных забот хватало. В связи с этим я ложился спать в лучшем случае в час, а то и в два часа ночи, чтобы снова подняться в четыре или пять утра.

С одной стороны, это была крайне интересная и «плотная» жизнь. С другой, усталость уже накопилась до такой степени, что подсознательно все ждали, когда уже все закончится.

В заключительный день Игр мы с моим приятелем пятиборцем Олегом Чувилиным, который возглавлял в Спорткомитете одно из управлений, пошли на закрытие Олимпиады — в официальных парадных костюмах, все как положено. До начала церемонии оставалось, наверное, час или полтора, а возможно, что и меньше. Павлов уже находился на правительственной трибуне, наши же места располагались прямо под ней. И вдруг от Павлова прибегает человек:

— Сергей Павлович просит вас срочно к нему подняться.

Я, естественно, поднялся в ложу. Гляжу, на Павлове в

буквальном смысле нет лица. Спрашиваю его:

— Что случилось?

И слышу в ответ:

— В точку сбора нашей делегации у Малой спортивной арены не все пришли. Ребята, выручайте: делайте, что хотите: вытаскивайте с трибуны всех наших, но во чтобы то ни стало нужно скомплектовать «коробочку».

Мы с Чувилиным кинулись на Малую спортивную арену. Когда добежали, там стояло человек, наверное, уже пятнадцать. В чем дело, всем было по-человечески понятно: Олимпиаду триумфально выиграли, расслабились. Но допустить, чтобы страна-победитель появилась на стадионе в столь жалком виде, было совершенно невозможно — в этом отношении я Павлова прекрасно понимал, тем более что с минуты на минуту на трибуне должны были появиться члены Политбюро.

Мы стали хватать всех подряд, кто направлялся на трибуны в костюмах советской команды. Объясняли коротко: «Ребята, экстренно нужна ваша помощь». В итоге все-таки сколотили «коробочку» человек на сорок или пятьдесят, сами встали во главе.

Супруга моя тогда сидела на трибуне и потом рассказывала, что вообще ничего не успела понять: вроде только что рядом был, потом отошел куда-то, бац — и уже по стадиону иду. Зато конфуза удалось избежать.

Глава 9. «Большая петля»

Для того, чтобы понять Тур де Франс до конца, нужно хотя бы однажды проехать его «ногами». Но это не только спорт: по истории гонки — величайшей из всех существующих — можно до мелочей проследить начало проникновения бизнеса в спорт. Вопрос-то с самого начала стоял всего лишь о повышении тиража газеты L'Auto — прототипа нынешней французской L'Equipe.

История Тур де Франс берет начало в 1902 году. Идеологом этого мероприятия был, как известно, спортивный журналист с велосипедным прошлым, но никогда в подобных гонках не выступавший. Он просто любил велосипед. Звали его Жео Лефевр. Он и стал одним из учредителей Тур де Франс вместе со своим другом, издателем и редактором L'Auto Анри Дегранжем (ему впоследствии на одном из перевалов поставили памятник). Так появилась форма соревнования, в основе которого лежало не что иное, как принцип реализации коммерческого рекламного проекта через спорт: если до появления Тура общее число подписчиков газеты составляло 25 тысяч, то двадцать лет спустя тираж в дни гонки составлял 500 000 экземпляров в день.

По объему телевизионных трансляций нынешний Тур де Франс стоит сразу после летних и зимних Олимпийских игр и чемпионата мира по футболу. Но в отличие от этих турниров гонка имеет одну уникальную особенность: у нее 120 миллионов зрителей и только десять процентов из этого числа — люди, сидящие на трибуне.

В первых гонках было немало курьезного. Поскольку велосипеды часто ломались, гонщики везли все запасные колеса и трубки на себе. Дороги тоже оставляли желать лучшего, поэтому были туры, когда до финиша добиралось не более десятка человек, а кто-то вообще доезжал дистанцию на трамвае.

До 1914 года существовала практика, когда гонка ехала ночью, а днем гонщики отдыхали. Делалось это в связи с тем, что относительно хороших дорог во Франции в те времена имелось не так много, и все они в дневное время были прилично перегружены.

По мере хода истории Тур де Франс стал обрастать как организационным, так и коммерческим опытом. С конца 80-х годов прошлого века проводить «Большую петлю», как в просторечии стали именовать свою гонку французы, стало специально организованное «Общество Тур де Франс», которое впоследствии взялось еще и за проведение ралли Париж-Даккар и парусной регаты. Обычно почти все спортивные турниры

проводятся в относительно неизменных условиях — на стадионе, в зале. Соответственно и провести их проще. Многодневка — особенная история. Организовать соревнование, которое идет по дорогам всей страны, не упустить из вида ни единой мелочи — великое мастерство. Думаю, что невозможно найти иное спортивное мероприятие, чья история насчитывала бы сто с лишним лет и которое продолжало бы прибавлять в развитии, не меняя своей формы.

Когда я впервые соприкоснулся с Тур де Франс, у меня уже имелся достаточно большой опыт проведения велогонки Мира. И разумеется в плане организации я считал ту гонку верхом совершенства. Мы действительно воспринимали ее, как верх организационного совершенства, искренне восхищались тем, что наши гонщики могут вообще не беспокоиться об организационной стороне дела. У каждого из спортеменов имелся специальный брезентовый кофр с замками и под определенным номером, оставалось только уложить внутрь чемодан, который забирала специальная служба. Другими словами, спортсмен утром выходил из гостиничного номера в велосипедных трусах, майке и туфлях, ехал этап, приезжал в другой город, где в номере нового отеля все уже было разложено точно так же, как было в предыдущем. Врачи команд составляли рацион и в самом начале гонки все уже точно знали, что будут есть на ужин в каждый из последующих дней. Было налажено все: сервис, встречи в городах, общение с болельщиками, начиная от обычного населения и заканчивая политическим руководством, спонсорские приемы — и прочая, и прочая, и прочая.

Но когда я впервые попал на Тур де Франс, понял, что никакая другая гонка не идет ни в какое сравнение. Нет ни одной непродуманной детали, поскольку все создавалось и шлифовалось годами. Если на велогонке Мира организаторы имели возможность самостоятельно выбирать города, через которые пройдет маршрут следования, на Тур де Франс между городами, городками и деревнями всей Франции идет ожесточенная борьба за то, чтобы принять у себя тот или иной этап.

Жак Анкетиль, который выигрывал Тур де Франс пять раз, однажды сказал о нем: «Человек, хотя бы однажды надевший желтую майку лидера, открывает дверь в вечность». Я сам был свидетелем того, как с человека, выигравшего этап, перестают брать деньги в кафе и ресторанах: хозяева заведений считают честью его принять.

Ради того, чтобы победить, отдельные хитрецы брали в пункте питания на перевалах фляжки, в которые им заранее

заливали свинец — чтобы на спуске иметь большую массу. То есть поиск вариантов, способных дать гонщику преимущество перед соперниками, активно велся уже в те времена.

Азарт гонки так или иначе заражает в дни проведения соревнований всех вокруг. Однажды мы проводили одно из заседаний руководящего комитета UCI, после чего нам предложили посмотреть любопытные соревнования. Бывшие гонщики, которые уже давно закончили выступать и обзавелись семьями, детьми и животами, выбирают холм, где есть полтора десятка километров серпантинного подъема, сажают жен за руль своих машин, где вдоль борта написана фамилия гонщика, внутри машины дети и запасной велосипед.

И вот эти пятьдесят, а иногда и больше, почтенных отцов семейств стартуют по сигналу в гору. Дети орут «Папа, давай!» Машины гудят, в общем, все по-взрослому.

А наверху холма уже накрыта поляна, стоят столы, на которых разложена и какая-нибудь нехитрая закусь: сыр, хлеб, зелень, вино, прошутто, для детей — фрукты. Там же душевые кабины, чтобы можно было помыться и переодеться. Вечером все спускаются вниз и разъезжаются по домам, чтобы встретиться через год.

* * *

Мой первоначальный интерес к Тур де Франс был продиктован знакомством с генеральным директором гонки Феликсом Левитаном. Мы однажды возвращались откуда-то одним самолетом и разговорились — не столько благодаря тому, что я мог говорить по французски, сколько потому что сам Левитан очень прилично владел русским языком. По его приглашению я впервые и приехал во Францию.

Понятно, что Левитан не мог вокруг меня крутиться, поэтому я стал, что называется, смотреть по сторонам и разговаривать с людьми. Очень быстро понял, насколько «плоскими» были все наши представления о Тур де Франс. Мы ведь считали как: что это просто велосипедный бизнес. Выиграл — получил деньги, едешь дальше. А тут я начал постигать, насколько грандиозен механизм.

Если говорить только о спортивной стороне дела, увидеть Тур де Франс по-настоящему можно только по телевизору. Или если едешь внутри гонки по трассе в машине сопровождения. Я долго не мог понять: какое удовольствие получают те, кто приезжает на Тур де Франс иногда за неделю до старта — привозят в

фургончиках семьи, ставят палатки на холмах, разбивают походные кухни и ждут мгновения, когда перед их глазами промелькнет гонка. Это же реально коротенький миг. Одно дело смотреть велосипедные соревнования на треке, когда у тебя перед глазами проходит вся борьба, а здесь вжик — и все закончилось.

Понятно, что в каждой палатке стоит свой телевизор или планшет, люди следят за ходом борьбы, ведут собственные подсчеты, сопереживают любимым спортсменам — все как в любой другой гонке. И все-таки болельщики Тур де Франс — совершенно особенная категория. Для них этот мимолетный миг — прежде всего шанс прикоснуться к Великой Гонке. Шанс, о котором можно потом рассказывать детям, внукам, друзьям — всем тем, кому ни разу не посчастливилось увидеть Тур де Франс своими глазами.

Последним из президентов Франции, кого я лично видел на гонке, был Николя Саркози. Потом он даже в интервью сказал, что для него было незабываемым воспоминанием — проехать финишный этап Тур де Франс в машине сопровождения.

В один из вечеров, когда мы вместе были в Париже, Левитан предложил пойти на спектакль в «Лидо» — всемирно известное варьете на Елисейских полях. Билетов в кассе не было и мы пошли в дирекцию, причем я внутренне уже смирился с тем, что ни на какой спектакль мы конечно же не попадем. Заходим в приемную — там все стены в афишах Тур де Франс. Директор оказался неимоверным фанатом гонки. Нам же он тогда сказал:

— При любом аншлаге билеты для людей из велосипедного мира у меня есть всегда!

Сам же профессиональный велосипедный мир давно и справедливо считает, что главнее мероприятия, нежели Тур де Франс, для него не существует. Понятно, что есть Олимпийские игры, значимости которых никто не умаляет, есть чемпионаты мира. А есть «Большая петля» — и это святое.

* * *

Одним из главных спонсоров «Большой петли» является французская торговая сеть «Галери Лафайетт». Помимо нее свою собственную нишу ищет каждый потенциальный рекламодатель, поскольку Тур де Франс уже давно стал основным двигателем рекламы в стране. В эту гонку включились все — от продавцов кастрюлек, чья аудитория во время гонки сидит в палатках на холмах, до продавцов элитной техники и туристических компаний. Время, что гонка транслируется по телевидению,

позволяет впихнуть в трансляцию просто немыслимое количество рекламы. Что и стало происходить. В то время, пока спортсмены крутят педали, с экрана рассказывают и об отелях, и о местной кухне, и о всевозможных достопримечательностях, которые можно увидеть своими глазами, приехав на Тур.

Другое дело, что во время телевизионных трансляций мы видим прежде всего спортивную часть гонки. На самом деле все начинается гораздо раньше — в тот момент, когда впереди пелотона стартует нескончаемый караван рекламных машин.

Еще один не слишком заметный, но крайне важный аспект гонки — безопасность.

Когда мы начали проводить велосипедные гонки у нас в стране, помню, долго мучились: выяснилось, что у нас нет сотрудников ГАИ, способных обеспечить нормальное взаимодействие гонки с автомобильным транспортом — с одной стороны, и населением — с другой. Принцип-то был один: здесь не стоять, все огородить, никого не пускать!

На Тур де Франс это всего лишь маленький сегмент всего мероприятия при том, что езда в группе на мотоциклах и машинах в горных условиях — это великое искусство. Безопасность осуществляет подразделение, аналогичное девятому управлению нашего КГБ — служба обеспечения сопровождения президента Франции. Участвуя в Тур де Франс, транспортная полиция проходит превосходный тренинг, причем все сотрудники считают это за большую честь, не говоря уже об удовольствии — возможности контактировать с великими спортсменами, фотографироваться с ними.

У самого Тура за время его существования сложилась интересная внутренняя философия — своего рода неписанные законы. Если кто-либо из участников родился в городе, через который проходит маршрут, или же день рождения человека приходится на соревновательный день, ему дают возможность проехать по городу лидером. Если с лидером случилось какое-то несчастье в виде велосипедной поломки или чего-то еще, его конкурент должен дождаться, пока пострадавшему не окажут помощь. Несколько лет назад это правило нарушил англичанин Крис Фрум — против него восстала вся гонка, причем для этого не пришлось подавать никаких команд.

Не раз наверняка замечали: дается старт очередного этапа, несколько человек тут же объединяются и уезжают вперед. На самом деле это не они уехали. Это гонка их отпустила. Разница между этими ситуациями громадна: отпускают всегда тех, кого можно догнать. И называется это — дать заработать. Это еще один неписанный закон, изначально продиктованный

исключительно коммерческими соображениями: люди какое-то время едут лидерами, их показывают на телеэкране, о них рассказывают, причем иногда в таком отрыве спортсмены едут больше часа. Они сами прекрасно понимают, что их лидерство — временное, но экономически все завязано и выстроено идеально.

Многие принципы Тур де Франс схожи с принципами НХЛ, где самая слабая команда имеет право первой выбирать игроков на драфте. Когда разница между лидерами и аутсайдерами слишком велика, соревнования теряют привлекательность. Никто не станет ходить на хоккей, где всех побеждают одна или две команды. Соответственно и на Тур де Франс все направлено на то, чтобы гонку не покидали спонсоры. А для этого они должны видеть, что их спортсмен конкурентоспособен.

В организации менеджмента и заключался всегда главный талант генерального директора. Хотя конечно все предусмотреть невозможно — как невозможно было предусмотреть допинговый скандал, который случился в 1998 году с «Дойче Телеком», после которого главный спонсор команды отказался сотрудничать с ней, сказав, что такой имидж ему не нужен.

А вот одним из элементов конфликта Тур де Франс и команды «Катюша», которую в свое время создал Игорь Макаров, было то, что мы слишком задрали планку финансового обеспечения команды. Стали привозить с собой толпы журналистов, что тоже будоражило всех. В чужой мир, вокруг чего бы он ни строился, нельзя входить нахрапом. И нельзя требовать к себе любви только потому, что есть деньги.

* * *

На момент начала участия наших гонщиков в профессиональных велогонках у нас имелись очень неплохие спортсмены — такие, как Дмитрий Конышев, Сергей Сухорученков. В Джиро д'Италия за нашу первую профессиональную команду «Альфа Люм» гонялись Дмитрий Конышев Джамолидин Абдужапаров, Пётр Угрюмов. Беда была в том, что после сеульских игр, когда началась тенденция проникновения профессионалов в любительский спорт, мы кинулись тем же путем, толком не изучив, что представляет собой профессиональный спорт, не определив степень своей к нему готовности, не поняв, в чем принципиальная разница. Ехали с мыслью: «Мы всех победим!»

При этом «советских» достижений за всю историю Тур де Франс было всего три. Абдужапаров три раза признавался

лучшим спринтером, Денис Меньшов до 25-ти лет носил белую майку самого активного молодого гонщика, еще в эту же категорию достижений вошел Владимир Карпец.

Есть такой производитель велосипедов, фирма Кольнаго, которая принадлежит двум родным братьям-итальянцам, один из которых — Эрнесто — был одно время механиком у великого Эдди Меркса. Наши гонщики на этих велосипедах выигрывали Олимпийские игры, так что в велоспорте название фирмы звучало на весь мир. Однажды мы встретились с Эрнесто на каком-то турнире, и я спросил, что он думает о нашей команде «Альфа Люм» и ее месте в профессиональном велосипедном мире. Все-таки братья Кольнаго крутились там несоизмеримо более долгий срок, нежели я.

Эрнесто тогда мне сказал:

— Видишь ли, в чем дело: сами ребята у вас замечательные. Но им по большому счету в профессии ничего не нужно. Да и от жизни нужно немного: дом, машина, музыкальный центр и удочка.

Я даже опешил:

— Не понял.

— А что тут понимать? Все, что я перечислил — это предел мечтаний. И заработать они стремятся ровно столько, чтобы купить дом, машину, поставить туда хорошую музыку, сесть на берегу пруда и больше ничего не делать.

Я тогда долго думал над этими словами. С одной стороны даже стало обидно. С другой — подобными вещами была в те годы ограничена ментальность большинства наших профессиональных спортсменов. Западные профессионалы жили в мире совершенно иных представлений, прежде всего в том, что касалось денег. Они понимали: если ты заработал деньги, эти деньги должны начинать работать на тебя. Поскольку у нас в этом плане не было никакого опыта, а деньги начали появляться большие, вокруг успешных спортсменов немедленно появлялись агенты-сутенеры и начинали по любому поводу тянуть из человека деньги. Так происходило в велоспорте, в хоккее, в футболе.

Помню как-то во время командировки в Минск (мы тогда открывали в Белоруссии какие-то динамовские фабрики) у меня случился разговор с футболистом минского «Динамо» Сергеем Алейниковым, который одним из первых уехал играть в Италию — в «Ювентус». Говорю ему:

— Давай запустим линию кроссовок — под твоим именем? Он усмехнулся:

— Я, Валерий Сергеевич, лучше буду с собой в чулке деньги

возить, чем хоть копейку отдам в чужие руки.

Отдавать куда-то собственные деньги боялись все. Учить же спортсменов, как наиболее эффективно распорядиться заработанным, в нашей стране было некому. И получилось, что мы просто отдали своих ребят в тот мир, где они не умели жить.

* * *

— Свой первый Тур де Франс я смотрел еще и с позиции допинговых проблем, поскольку в рамках UCI мне постоянно приходилось участвовать во всех разбирательствах, связанных с запрещенной фармакологией. В том самолете, где мы познакомились с Левитаном, я ему честно сказал, что в международной федерации, после того, как она пошла на сближение с профессиональным спортом, до одури боятся допинговых скандалов. И если рано или поздно что-то с этим связанное произойдет, хотелось бы четко понимать, какая катастрофа в перспективе может подстерегать велосипедный спорт в целом. Масштаб бедствия.

Человеческий мир вообще устроен так, что при любых запретах всегда будет искаться противодействие. Придумали же механический допинг в велосипедном спорте? Первый такой случай произошел на каких-то международных соревнованиях по велокроссу, где одним из призеров стала бельгийская гонщица. И как раз в ее велосипеде обнаружили небольшой моторчик, помогавший преодолевать подъемы.

На «Тур де Франс» была своя похожая, хоть и не доказанная история: у одного из гонщиков команды «Скай» велосипед оказался при взвешивании на 450 грамм тяжелее обычного. По велосипедным понятиям это абсолютный нонсенс — переть на себе в гору лишний вес: все понимали, что что-то здесь не так, не случайно же гонщики постоянно ломают голову над тем, как свести вес до минимума. А здесь — почти полкило! Но тогда не было систем контроля, позволявших отслеживать такие вещи. Фармакология же использовалась более чем широко.

В этом плане «Большая петля» всегда стояла в UCI особняком и была в определенном смысле неприкосновенна. А та поездка позволяла встретиться с руководителями антидопинговых лабораторий, первая из которых появилась во Франции в 1972 году как раз в связи с тем, что необходимость иметь в стране собственную фармакологическую службу была продиктована развитием Тур де Франс.

Допинг в этой гонке так или иначе присутствовал всегда.

Представить Францию без вина во все времена было невозможно, и Тур де Франс не был исключением. Вино считалось наиболее обиходным напитком, им гонщики порой заправляли бачки, или как минимум, просили добавить в чай или кофе коньяк или бренди, когда останавливались во время гонки у придорожных кафе.

Это было настолько в порядке вещей, что никому вообще не приходило в голову с этим бороться. Борьба началась в 60-х, когда в Тур де Франс появились профессиональные команды, собранные из представителей разных стран.

Первый «взрыв», серьезно затронувший велоспорт, произошел, кстати, не на Тур де Франс, а на Олимпийских играх в Риме — во время групповой гонки датчанин Кнуд Йенсен упал прямо на трассе и потерял сознание от солнечного удара. Он сильно разбил голову, его увезли в больницу, где он и скончался. И уже при вскрытии в организме Йенсена нашли фенамин — препарат группы амфетаминов.

Но остановить процесс было уже невозможно: с появлением профессиональных команд, заточенных на результат и соответственно — на большие деньги, пошло совершенствование всех составляющих гонки. Фармакологии — в том числе, что было логично: где может тестироваться и использоваться фармакология? Война, космос и спорт. Эти три площадки всегда и были полигоном для фарм-индустрии.

Если говорить о воздействии на организм человека, велосипедный спорт — это всегда тяжело. Когда-то в трековой программе Олимпийских игр помимо спринта разыгрывались медали в тандемах. Для телевидения эти состязания были совершенно неинтересны, особенно когда гонщики неподвижно замирали на пять или десять минут в сюрплясе. Телевидение в итоге этот вид из олимпийской программы и выдавило — под тем предлогом, что это слишком травмоопасно. Это действительно так: падения тандемов бывает страшно даже смотреть со стороны, не говоря уже о том, чтобы угодить в них самому. Но самым интересным моментом этих соревнований для профессионалов был сюрпляс — борьба нервов, возведенная в совершенно невероятную степень.

Я видел однажды, как двадцать минут неподвижно стоял чемпион мира Омар Пхакадзе. Глыба, гора мышц. Представляете, что такое неподвижно стоять на педалях в статическом напряжении с такой мышечной массой? Какие невероятные химические процессы происходят в этих мышцах? А ведь из этого состояния нужно снова выйти на скорость, да еще и тактически правильно построить свои действия на заключительных виражах,

чтобы не проиграть. Это реально бывает за гранью понимания.

Но даже на фоне всех велосипедных дисциплин вместе взятых Тур де Франс — крайне специфическое мероприятие.

Длится он двадцать один день. Я бы сказал, что с точки зрения медицины «Большая петля» — ничуть не менее интересная вещь, чем полет в космос. Потому что столь длинная эксплуатация всех систем человеческого организма в экстремальных условиях существует далеко не в каждом виде спорта. Лэнс Армстронг во время одного из своих победных сезонов провел в седле 86 часов и пятнадцать минут. Это страшное испытание — начиная от состояния промежности и заканчивая всем остальным. Ехать приходится преимущественно в горах, где лед, холод, если случается обезвоживание организма, моментально его ничем не компенсируешь — не придумали пока таких препаратов.

В 1967-м, когда на перевале Ванту от передозировки амфетаминов погиб Том Симпсон, его провожали, как героя. Как человека, который поставил победу в гонке выше собственной жизни.

Совсем другая история — Лэнс Армстронг. Сам я относился и отношусь к Лэнсу с глубочайшим уважением — как к великому спортсмену. Тем более — пережившему рак. Помню, был потрясен, читая книгу, где Армстронг поминутно расписывает все испытания, через которые тогда прошел, рассказывает, как сильно страдал, причем делает это без какой бы то ни было плаксивости в интонациях. Вернуться практически с того света и выиграть Тур де Франс… Не хочу голословно утверждать, что фармакологией так или иначе пользуются все, но у каждого своя роль в этой гонке. У Лэнса она была такова, что требовала великого мужества и самопожертвования. И великих затрат. Он бился за победу и шел на огромный риск. Не говоря уже о том, что на кону стояли огромные деньги.

Помню Вадима Бахвалова чехвостили у нас в парткоме за то, что гонщики ездили под его руководством на соревнования в Данию, заработали денег и пустили, что называется шапку по кругу, чтобы тренеру с их призовых тоже что-то досталось. Кто-то написал, что Вадим чуть ли не обирал спортсменов в этой поездке — и понеслось, хотя речь шла о сущих копейках. В Тур де Франс общая касса — это непреложный закон, потому что ты не побеждаешь один. Кто-то тебя раскатывает, кто-то подтаскивает запасное колесо, кто-то сдерживает соперников. С учетом рекламных контрактов тот же Армстронг как-то выиграл два с половиной миллиона долларов за один год. И все его призовые всегда делились между всеми членами команды. В определенных

пропорциях, но между всеми.

Президентом UCI на момент возникновения скандала был Вербрюгген, и он конечно же знал о допинг-пробах американца: все бумаги из лабораторий первым делом направлялись в международную федерацию. Просто до поры до времени Лэнса прощали. И раскрутили дело Армстронга, прижав его в итоге к стенке, не лаборатории, а страховые компании, на контрактах с которыми Лэнс в свое время заработал кучу денег.

Много лет спустя французы выпустили художественный фильм «Допинг», посвященный тем событиям на Тур де Франс. Прообразом главного героя стал Армстронг. Фильм получился неоднозначным, но всю глубину человеческой трагедии Лэнса он передал прекрасно. Французам удалось показать взаимосвязь удивительного с одной стороны спортивного события — и того ужаса, что оно способно породить в своей «закулисной» части.

* * *

Идея привезти Тур де Франс в Москву возникла в том самом самолете, где случилось мое знакомство с Левитаном. Причем первоначально принадлежала она как раз Феликсу, который то ли в шутку, то ли всерьез спросил меня:

— А почему бы нам не привезти гонку к вам в страну?

— Я тогда долго объяснял ему, что наша страна не готова к очень многим вещам. Например — безвизовому въезду. А значит, при организации подобного мероприятия мы непременно столкнемся с чудовищными временными затратами и прочими проблемами.

Но как раз с того времени мысль о том, чтобы привезти к нам Тур де Франс, стала для меня чем-то вроде вызова. Все гонки, которые тогда у нас проводились, включая наиболее известную — Пять колец Москвы, по степени своей значимости не заслуживали даже того, чтобы ради них перекрывать город. После того, как мы блестяще справились с проведением Олимпийских игр-1980, думать о проведении Тур де Франс в Москве я стал гораздо более предметно. Даже возил в Париж на финиш гонки все руководство Национального фонда спорта во главе с Федоровым и Тарпищевым — чтобы заразить их этой идеей.

В 1983-м из Франции пришла официальная бумага с предложением провести Тур де Франс в Москве. Письмо, как водится, поступило в ЦК партии, оттуда было спущено в Спорткомитет для того, чтобы подготовить для «верхов» заключение. Я обозначил все «за» и «против», объяснил, какие

мероприятия следует провести. И механизм закрутился.

Все, что было наработано за время проведения Московской Олимпиады, оказалось колоссальным опытом. Именно тогда мы впервые реализовали схему, при которой паспортный контроль проводился бы прямо в самолете. Начальником погранвойск тогда был Владимир Александрович Матросов, который входил в президиум ЦС «Динамо», что безусловно облегчало решение многих вопросов. С руководителем таможенной службы Виталием Константиновичем Бояровым мы тоже были в хороших личных отношениях. И все равно сложности возникали на каждом шагу.

Для гонщиков это тоже был непростой вопрос: отгоняться во Франции, по сути завершить гонку, а потом ради одного дня опять куда-то лететь и снова гоняться. Французская сторона тогда пошла нам навстречу: взяла урегулирование всех интересов гонщиков на себя.

Резонанс в спортивных кругах Европы приезд Тур де Франс в Москву тогда вызвал большой. Но мероприятие оказалось разовым. С одной стороны, для Национального фонда спорта затраты оказались слишком велики и их не посчитали оправданными, с другой — идея завершать гонку в Москве шла вразрез с исторически сложившимися принципами Тур де Франс — где бы не стартовала гонка, по каким городам не пролегал бы ее маршрут, финиш должен быть в Париже на Елисейских полях. Любой иной вариант в определенном смысле девальвировал бы гонку в глазах французов. А этого организаторы не могли допустить.

Еще одна идея применительно к Тур де Франс возникла у меня в связи с Олимпийскими играми. Дело в том, что сроки проведения летних Игр очень часто накладывались на то время, когда во Франции разыгрывалась «Большая петля». Сейчас эти два соревнования немного разведены, а раньше это было серьезным препятствием для участия в Играх многих сильных иностранных гонщиков. В Международной федерации велоспорта я тогда выступил с предложением сделать Тур де Франс в годы летних Олимпиад выездным. Проводить его в рамках Олимпиады по стране, проводящей Игры, давая старт гонке на стадионе в день открытия Игр. На этом же стадионе в день закрытия сделать финиш. Понятно, что подобная гонка может быть сильно разбросана по стране, но мы же проводим олимпийские марафоны за пределами города?

Такая схема давала возможность как бы протащить олимпийскую идею сквозь всю страну, дать людям самое ценное, что вообще бывает в Олимпиадах — чувство сопричастности, соучастия в великом мероприятии. Пусть это будет только один

день — но будет же!

К сожалению реализовать эту идею не получилось.

Глава 10. Человек, который не любил спорт

В марте 1983-го меня вызвали на беседу к Марату Грамову, который как раз тогда пришел на место Сергея Павлова. Он пригласил меня к себе в кабинет и сказал: «Есть мнение, что вам нужно поработать моим заместителем».

Я, честно говоря, был уверен, что подобные словесные конструкции могут встречаться только в кино. Даже переспросил:

— Марат Владимирович, а чье мнение? Я же вроде не к кому-то иду работать, а к вам?

Он не стал уточнять — просто повторил:

— Есть такое мнение.

После той беседы я даже куратору своему позвонил в отчаянии. Спрашиваю его: «За что из «Динамо»-то меня выгоняете? Возвращаться в государственную систему управления не хотелось страшно. Но пришлось.

Отвечать я стал у Грамова за футбол, хоккей и зимние виды спорта. «Зима» была мне понятна, с футболом оказалось сложнее — я угодил в самый эпицентр скандала с Вячеславом Колосковым. У него после какой-то поездки отобрали на таможне томик Мандельштама, выпущенный издательством «Посев» и попадавший в связи с этим в перечень запрещенной в стране антисоветской литературы. Соответственно перед Вячеславом Ивановичем замаячила совершенно реальная перспектива стать невыездным.

Допустить этого было нельзя: в этом случае наша страна теряла бы своего представителя в УЕФА и ФИФА. И как раз мне пришлось утрясать ту историю в ЦК. Это удалось — Колосков отделался легким испугом.

Грамов Вячеслава Ивановича не любил — возможно, потому, что тот далеко не всегда исполнял указания, которые спускались «сверху». Эта самостоятельность безумно Марата Владимировича раздражала, к тому же он был фантастически консервативен.

Помню, вернулся из какой-то командировки и говорит мне:

— Знаешь, вчера прилетел, выхожу в аэропорту в зал для правительственных делегаций, а там Колосков сидит — в джинсах. Это вообще что такое?

Я даже вздрогнул и незаметно скосил глаза на брюки — убедиться, что сам на работу не в джинсах пришел. А тут — человек в самолете летел, с каких-то международных соревнований, причем здесь джинсы? Но вот такой штрих к

характеру.

В ЦК КПСС Грамов относился к числу так называемого «ставропольского» клана, как и главный политический идеолог тех времен Михаил Суслов. Сам по себе он был достаточно грамотным человеком, хоть и абсолютно простым по происхождению — от сохи. Но постоянно был зажат какими-то догмами. Никогда не собирался идти в спорт, не понимал его и, соответственно никаким образом не видел в своей жизни, хотя впоследствии дослужился до члена МОК.

В наших с ним отношениях постоянно чувствовался какой-то неприятный привкус — я чувствовал, что он воспринимает меня, как оперативного работника, которого к нему просто «подсадили» — в спортивной среде тех времен к представителям «Динамо» всегда был процент такого отношения. Но сколько не пытался переубедить, отношение оставалось настороженным.

То, что «стукачи» в то время были в спортивной среде, я абсолютно допускаю. Но в спорте это явление точно не было системным. Все зависело от природы собственно человека, а не спортивного общества, к которому он принадлежит.

Возможно, отношение ко мне было лишь следствием того, что на посту председателя Спорткомитета Грамова раздражал как сам спорт, так и все, что было с ним связано. Он мечтал вернуться в политическую жизнь, на худой конец — в административно-политическую и это постоянно чувствовалось всеми, кто с ним работал. Это даже не было виной Марата Владимировича: отказаться от назначения он, разумеется, не мог, поскольку решение принимали в ЦК, и сам очень страдал от того, что вынужден заниматься нелюбимым делом.

В этом он сильно отличался от главы «Динамо» Петра Степановича Богданова. Тот тоже пришел в спорт с партийной работы, и даже признался как-то, когда мы разговорились с ним на эту тему, что первое время был готов схватить все свои вещи в охапку и бежать из спорта, куда глаза глядят. Не говоря уже о том, что для любого партийного аппаратного работника перевод в спортивную сферу деятельности однозначно считался понижением. Но для «Динамо» Богданов сделал очень много — особенно в период подготовки к Олимпиаде-1980. Как и в свое время Павлов, Петр Степанович очень быстро нашел в этой работе себя. Во-первых, он обладал большим опытом партийно-хозяйственной работы. Во-вторых, имел широкий круг профессионального и человеческого общения, которое позволило сразу привлечь в «Динамо» большую группу самых разных специалистов. Богданов был не просто вхож в высшие этажи власти, но имел там множество друзей. Интересно, что сам он

всю свою жизнь болел за «Спартак».

У меня с ним по-разному складывались отношения. Знаю, что многие говорили Богданову, что в моем лице он имеет внутреннего врага, человека, который стремится сесть на его место. Потом эти же люди написали на Петра Степановича коллективный пасквиль — о том, как они от него страдали. Когда я вернулся в «Динамо» в 1985-м и фактически сел на место Богданова, мне даже пришлось проводить президиум по итогам всех тех «расследований», где я, не выбирая выражений, высказал все, что думаю и о ситуации в целом, и о конкретных людях. А Петру Степановичу сказал, что его главная вина в том, что каждого из тех, кто подписал то письмо, рекомендовал и назначал на должность он сам. И раз уж случается, что мы приводим с собой таких людей, значит должны отвечать и за то, что в них ошиблись.

* * *

В помощниках у Грамова был тогда Слава Гаврилин, когда-то начинавший карьеру журналистом «Красной Звезды». Удивительная личность: постоянно перед всеми лебезил, на всех доносил и делал прочие мелкие гадости. Гаврилин хорошо знал испанский язык, часто ездил переводчиком с разными командами, заведовал одно время «Советским спортом» в должности главного редактора, потом где-то познакомился с Грамовым, каким-то образом вошел в круг его близких советников, стал замом. И постоянно точил у Грамова мысль о возвращении в политические круги.

Руководителем олимпийской делегации на зимних Олимпийских играх в Сараево в 1984-м был я. В олимпийской деревне у нас с Грамовым были две смежных квартиры, одна его, одна моя. Я там жил постоянно, а для Марата Владимировича был снят еще и номер в гостинице в центре города. Утром и вечером каждого дня мы собирались в деревне: подводили итоги, определяли ближайшие задачи, анализировали ситуацию — и так далее.

Когда половина Олимпиады была уже позади, в Москве умер Андропов. С того самого дня я стал замечать, как дистанция в отношениях между мной и Маратом Владимировичем начинает стремительно увеличиваться.

Наша команда выступала в Сараево не так успешно, как мы рассчитывали, и Гаврилин начал исподволь капать Грамову на мозги, убеждая его в том, что если летом советская сборная

поедет в Лос-Анджелес и там проиграет американцам, о какой бы то ни было политической карьере можно будет забыть уже навсегда. Видимо, это подействовало. И там же, в Сараево Грамов и Гаврилин начали составлять докладную записку в ЦК относительно того, что участвовать в летних Играх советской команде нецелесообразно.

Я, конечно же, своим присутствием очень им мешал. Более того, прекрасно понимал, что происходит, поэтому напряжение между нами просто висело в воздухе.

Докладная записка о том, что нужно бойкотировать Лос-Анджелес, ушла после Сараево через партийную клановость Грамова на самый верх, потом, возможно, включились какие-то еще механизмы, опасности якобы грозящей нашим олимпийцам в США стали придавать все большую и большую политическую окраску, хотя на самом деле все это было всего лишь вопросом устройства дальнейшей судьбы и карьеры отдельных людей.

* * *

В апреле в Москву с официальным визитом приехал глава Международной ассоциации национальных олимпийских комитетов мексиканский медиамагнат Марио Васкес Ранья — с тем, чтобы уговорить советское правительство участвовать в Играх. Он был не только одним из богатейших людей мира, но и одним из самых влиятельных. Близко дружил с Фиделем Кастро, ему доверял Самаранч. О визите в Советский Союз Васкес Ранья договаривался еще с Павловым и был уверен, что сложившуюся вокруг лос-анджелесских Игр ситуацию можно с помощью того визита как-то изменить.

По этому поводу у Грамова было собрано экстренное закрытое совещание. Марат Владимирович реально не знал, что с этим мексиканцем делать и в итоге сказал:

— Оставлять в Москве его конечно же нельзя: он будет каждый день приходить ко мне в кабинет и просить, чтобы я его отвел в ЦК. Значит, его нужно как-то изолировать. Давайте отправим его в Грузию?

В Грузии в те дни шла подготовка к проведению Большого приза Тбилиси в велогонках на треке, поэтому после недолгих обсуждений было решено отправить с Марио Васкесом Ранья меня.

До этого я с Марио не встречался ни разу, но мы очень быстро сдружились. Группа сопровождения была у мексиканца немаленькой — в ней насчитывалось человек двенадцать обслуги.

Личный секретарь — увешанная золотыми украшениями молодая девица, переводчик, личный массажист, охранники, старшим из которых был маленький щуплый китаец. В Москву Васкес Ранья прилетел на собственном самолете, но в Тбилиси было решено лететь на обычном рейсовом. Нас встретили и сразу повезли на загородную дачу тогдашнего первого секретаря ЦК компартии Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Официальный прием, ужин, вино — всё, как полагается.

Поскольку из-за разницы во времени спать Васкес Ранья не мог, из-за стола мы не вставали всю ночь. Уже под утро, когда гости стали разъезжаться, выяснилось, что один из них — председатель грузинского Спорткомитета Рамаз Гоглидзе — попал в автомобильную аварию, что-то себе повредил в шейном отделе позвоночника, и его отправили в больницу.

Наутро я Марио и говорю:

— Первый этап мы с тобой решили — министра спорта уконтрапупили. Но ты же видишь, куда попали — надо быть осторожнее.

Второй и третий дни в плане грузинского гостеприимства ничем не отличались от первого. Но Васкес Ранья удар держал: четко помнил, зачем приехал. Меня он постоянно доставал вопросами:

— Мы же уже встречались с Шеварднадзе, разговаривали с ним. Он — член Политбюро, почему не может мне помочь? С ним обязательно нужно встретиться еще раз!

Еще через день нам сообщили, что Шеварднадзе уехал из города в горы — на праздник то ли уборки урожая, то ли молодого вина. Мы поехали следом: я, Марио и секретарша с китайцем.

Никогда раньше я не мог подумать, что в Грузии, которую я еще в велосипедные времена изъездил вдоль и поперек, есть места, где реально не ступала нога человека. В одно из таких мест мы и поехали на специально выделенной для Марио представительской «Чайке». Ехали долго, по дороге мексиканца укачало, он стал серо-зеленого цвета, но держался из последних сил. Только причитал вслух:

— Самаранч сейчас сидит в Лозанне в тепле и комфорте. А я езжу по этим буграм и буеракам, и уговариваю русских участвовать в Олимпиаде. Почему? За что?

Праздник в горах был организован с размахом — грузины это умеют. На небольшой площадке каждый из винодельческих совхозов республики разбил свою временную саклю, между ними соорудили помост, где, сменяя друг друга, выступали фольклорные ансамбли, а вокруг установили громадные лавки,

человек на сто каждая. Народ сидит, веселится, вино пьет. Мы тоже подсели.

Не прошло и пятнадцати минут, как Шеварднадзе внезапно встал из-за стола, попрощался со всеми, сел в вертолет сопровождения и улетел.

Возвращаться в Тбилисе на машине Васкес Ранья отказался наотрез.

— Валерий, я отсюда вообще никуда не поеду, пока не скажешь, что вы будете участвовать в Играх.

И просит воды, поскольку жарища стоит невозможная.

Я в одну саклю — воды нет, только вино. В другую — та же история. Во время этих поисков неожиданно встретил двукратного олимпийского чемпиона по вольной борьбе Левана Тедиашвили. После окончания спортивной карьеры он был направлен руководством республики в один из винодельческих совхозов — директором, тогда в Грузии такое практиковалось. Я кинулся к нему:

— Леванчик, выручай!

Леван привел нас с Марио в саклю своего совхоза — там никакой воды тоже не оказалось. Наливает вина, протягивает его Васкесу Ранья:

— Вот холодное вино, хорошее очень. Прошу, выпейте.

И Марио берет у него стакан.

В том нашем состоянии главным было лишь начать. Дальше пошло-поехало. Я представил Левана, у Марио глаза на лоб полезли:

— Врешь! Не может быть такого! В этой глуши — и олимпийский чемпион, да еще двукратный?

Пока мы сидели за столом и выпивали, я начал обсуждать с Леваном, что делать дальше. Везти на машине гостя нельзя — не доедет. Другого транспорта нет. Оставаться тоже нельзя.

В это самое время над нашими палатками вдруг завис милицейский вертолет — тот, что сопровождал Шеварднадзе до трассы.

Тедиашвили оживился:

— О! Мы ребятам барашка обещали — освежевали уже. Они за ним и вернулись. Сейчас насчет вас договоримся.

Действительно договорились. Нас с Васкесом Ранья, его охранником, секретаршей и громадным грузином — одним из заместителей Гоглидзе — посадили в вертолет, он затрясся, взлетел, стал набирать высоту, и в этот самый момент прямо между нами откуда-то сверху падает увесистая туша, завернутая в окровавленный белый халат — наш барашек.

Как ни у кого не случилось тогда сердечного приступа, до сих

пор не понимаю.

* * *

Все последующие дни были похожи один на другой, как братья-близнецы. На одном из винодельческих производств нас принимал директор завода. Вышел, накинул на плечи Васкесу-Ранье белую меховую бурку, протянул громадный рог полный красного вина. Я уже начал подыгрывать, шепчу:

— Марио, отказаться невозможно. Кинжал видишь? Нас с тобой прямо здесь могут зарезать, если пить откажемся…

Всю ночь перед отлетом из Тбилиси в Москву Марио играл в бильярд — сказал, что по-прежнему не может спать из-за разницы во времени. Наутро я объявил ему программу нашего заключительного дня, которая на первый взгляд выглядела абсолютно безопасной: стадион «Динамо», где как раз тогда проводилась масштабная реконструкция, женский шахматный клуб, к председателю Спорткомитета в больницу — попрощаться и напоследок — аудиенция у председателя Совета министров республики. Надо же людей уважить?

Приехали на стадион — там стол в вип-ложе на сто персон уже накрыт, руководство встречает. И понеслось: «Этот виноград мы посадили в тот год, когда вы родились. Мы всю жизнь ждали вашего приезда…» Ну и так далее.

Сильнее всего в той поездке меня удивлял китаец: за столом сидит — видно, что человек в «хлам», выпивать-то на равных со всеми приходится. Куда-то на пять минут вышел, шатаясь — возвращается трезвый, как стекло. Подготовленный парень оказался, я его зауважал даже.

В шахматном клубе как-то обошлось без возлияний, и я увидел, что Марио перевел дух и внутренне расслабился: почувствовал, видимо, что главная угроза миновала. Подъезжаем к больнице. На крыльцо выходит главврач в белом халате, с ним, как положено, свита. И мы все вместе пошли в палату к Гоглидзе.

«Раненый» грузин — это трагедия мирового масштаба. Поэтому картину мы застали — живописнее некуда: Лежит наш умирающий «витязь в тигровой шкуре», словно на смертном одре, рядом жена сидит скорбно. Марио расчувствовался, присел к Ревазу на кровать. Тот достает какой-то кинжал, потом пояс какой-то старинный, дарит все это гостю.

В это время главврач распахивает холодильник и начинает доставать из него водку, закуску, какие-то местные яства, а медсестры все это быстренько начинают ставить на стол.

Такого взгляда у мужчины, как был в тот момент у Васкеса Ранья, я не видел никогда в жизни. Потом он мне признался:

— Понимаешь, я в своей жизни полмира проехал, если не больше. Но чтобы главный врач больницы прямо в палате больного доставал водку и предлагал ему выпить…

Главный сюжет того дня развернулся у председателя Совета министров. Одну из достопримечательностей республики тогда составляли знаменитые на всю страну «Воды Лагидзе». Некоторое количество бутылок с этим напитком в обязательном порядке стояло в кабинете каждого руководителя. Крышечки у бутылок были такими же, как те, которыми закрывали бутылки с водкой — из фольги.

Нас встретила секретарша, провела через приемную, распахнула дверь в кабинет, и тут Марио внезапно падает в дверном проеме на колени и кричит: «Не пойду!»

Я обалдел. Смотрю на Марио и вижу, что его взгляд направлен на приставной столик, где бутылки кучкой стоят. Ему, как выяснилось, и в голову не пришло, что в них может быть вода. Вот и испугался, что сейчас снова заставят пить.

Мы премьер-министру минут пятнадцать объясняли потом, в чем дело. Хохотали — до невозможности.

Когда вернулись в Москву, я прямо у трапа сдал Васкеса Ранья на руки одному из заместителей Грамова Виктору Андреевичу Ивонину, сам поехал домой, а Марио повезли в гостиницу «Спорт», где для него был снят номер.

В это время и в этой же самой гостинице в Москве находился Хорст Дасслер, с которым мы два или три дня спустя вместе должны были лететь на международный конгресс по велосипедному спорту. Летели одним рейсом — в бизнес-классе. Хорст меня невзначай так спрашивает:

— Валерий, не знаешь, кто с Марио летал в Тбилиси?

— Понятия не имею. А в чем дело?

— Да встретил его позавчера в гостинице, поздоровался. Мы ведь давно дружим. А тут он прошел мимо, даже головы в мою сторону не повернул. Не узнал, что ли? Никогда его таким не видел…

По приглашению Марио Васкеса Ранья я потом летал к нему в гости в Акапулько и был, честно говоря, потрясен его неформальным авторитетом в той среде, где он вращался. Он был очень популярен в деловых кругах Америки, да и во всем мире его знали прежде всего как человека слова и достаточно жестких принципов. В силу конъюнктурных интересов в наших кругах о нем порой говорили не самым лестным образом, но я помню, каким для всех стало шоком, когда Васкес Ранья после очень

многих лет работы в руководстве Международного олимпийского комитета, в его Исполкоме, уже на финише жизненного пути принял решение не просто выйти из этой организации, но сделал это открыто и я бы даже сказал, демонстративно. Он заявил тогда, что не желает иметь ничего общего с дельцами от спорта, фактически обвинив членов МОК в коррупции. А первая его открытая стычка с Самаранчем произошла, когда Международный олимпийский комитет пошел по пути коммерциализации спорта, допустив к участию в Олимпийских играх профессионалов. Он тогда даже где-то выступил по этому поводу, сказав, что если бы Пьер де Кубертен восстал из гроба и увидел, во что превращается дело всей его жизни, он в тот же самый момент вновь упал бы замертво.

* * *

После того, как 5 мая 1984 года было принято решение Политбюро о неучастии СССР в Олимпийских играх, пытаться кого-либо в чем-либо переубеждать было уже бесполезно. Это можно было делать только на том этапе, когда Грамов инициировал первую докладную записку. Далее включились уже совершенно другие политические амбиции и другие механизмы.

Мне было непонятно другое: почему ни Виталий Смирнов, который был членом Международного олимпийского комитета, ни второй наш член МОК Константин Андрианов не взяли на себя миссию хотя бы попытаться обосновать нецелесообразность того бойкота. Возможно, там тоже имелись свои политические или конъюнктурные расстановки — не знаю.

Смирнов потом несколько раз упоминал в своих интервью о том, что в Москву в связи с бойкотом приезжал Самаранч, но никто из высших руководителей его так и не принял. Но Самаранча в Политбюро и не могли принять, учитывая его франкистское политическое прошлое. Позиция партийных органов в СССР в этом вопросе была достаточно жесткой и автоматически становилась позицией партийных органов большинства социалистических стран.

Жизнь в ЦК вообще текла исключительно по своим, порой очень циничным законам. Вот лишь один пример: когда Сергей Павлович Павлов был первым секретарем ЦК ВЛКСМ, Эдуард Шеварднадзе занимал такой же пост в ЦК комсомола в Грузии. Понятно, что они много общались и были в дружеских отношениях. После работы в Спорткомитете Павлова отправили послом в Монголию, затем — в Бирму, а Шеварднадзе стал

министром иностранных дел. И когда Сергей Павлович вернулся, тот даже не захотел с ним встречаться — не принял. Почему — понятно: по понятиям Политбюро, Павлов был уже изгоем, битой политической картой. Встретишься с таким — а вдруг попросит о чем-то? Придется обещать. Ну и зачем?

Сам я сохранил в себе больше позитивных встреч с властью, нежели негативных. Негативные старался сразу вычеркнуть из памяти, хотя их было достаточно. Например — знакомство с Юрием Чурбановым.

Я тогда еще был замом у Богданова в «Динамо», Петр Степанович и попросил меня однажды научить Чурбанова играть в теннис. Деваться было некуда, я же офицер. Как-то мы сидели с Юрием Михайловичем на теннисном корте, разговорились, и он вдруг говорит: мол, так давно у матери не был…

Я спросил:

— А она где живет-то?

— Да здесь недалеко, — отвечает, — на «Соколе».

Меня это убило, честно. Просто вот растоптало. Я был страшно удивлен этим, думаю: ну, мало ли, может, какие-то отношения не сложились, или вето какое в связи с женитьбой на Галине Брежневой на человека наложено. Так бывает, конечно, что ребенок, переехавший в город и чего-то там добившийся, начинает стыдиться своих сельских родителей. Просто у меня никогда не было этого комплекса, напротив, я всегда подчеркивал и старался сохранить в себе то, что мне дала мама. А тут — такое…

Вторая наша встреча с Чурбановым могла обернуться для меня и вовсе плачевно. В МВД заместителем министра тогда был Борис Тихонович Шумилин. Участник войны, белорус, уже достаточно пожилой человек удивительно тонкой душевной организации — из породы людей, с кем хочется быть рядом, хочется их слушать и самое главное — у них учиться. На стадионе шла реконструкция, я был за руководителя, поскольку Богданов уехал в отпуск, и вип-ложу мы переместили в обычное помещение, сделали там отдельную выгородку. Вместо стульев поставили самые обыкновенные солдатские табуретки — тяжеленные, с дыркой посередине, чтобы было удобнее рукой брать, накрыли их чем-то мягким, чтобы гостям сидеть удобнее было.

В общем, идет матч, команда «Динамо» проигрывает 0:1. В этот момент в ложе появляется со всей своей свитой Чурбанов и начинает с порога, при всем народе крыть Бориса Тихоновича в этой выгородке последними словами. Тот стоит, ничего не отвечает — только желваки ходят.

У меня, честно скажу, в глазах в тот момент помутилось. Рядом стоял Николай Александрович Шашков — контр-адмирал, председатель спорткомитета Министерства обороны, и я чувствую, он меня за руку как клещами схватил и шепчет:

— Валера, ты одурел совсем? Брось немедленно!

А я, оказывается, уже в табуретку вцепился и от пола ее отрывать начал, чтобы в Чурбанова запустить.

Так что Шашков меня тогда реально спас.

* * *

На Игры в Лос-Анджелес советская делегация все же поехала. В эту команду входили все наши представители в международных спортивных объединениях: президенты и вице-президенты федераций, судьи, члены всевозможных комиссий, переводчики. В том числе, Смирнов. Руководителем делегации решением ЦК назначили меня. Хотя ехать на те Игры я и без этого должен был по любому — как президент Международной федерации велоспорта.

В один из дней Игр ко мне обратились Самаранч и Хорст Дасслер. Была исключительно частная встреча — совместный ужин в ресторане, на котором присутствовал еще один крайне интересный для меня персонаж — глава оргкомитета предстоящих Олимпийских игр в Сеуле корейский генерал Ро Дэ У. Впоследствии — перед самыми Играми-1988 — он стал президентом республики Корея, преемником бывшего военного президента страны генерала Чон Ду Хвана.

В ходе этого ужина Самаранч спросил:

— Как считаете, СССР будет участвовать в Олимпийских играх в Сеуле?

Сейчас уже известно, сколь серьезное влияние на Самаранча оказывал Дасслер. Игры в Сеуле открывали дверь на Олимпиады для представителей профессионального спорта, а значит — и для спортивного бизнеса. Животрепещущий интерес Хорста, как и Ро Дэ У, к этому вопросу был мне абсолютно понятен, но Самаранч своим вопросом сильно поставил меня в тупик: я же не мог отвечать за возможные решения Политбюро? Все это я постарался тогда объяснить, добавив, что мой ответ в этой ситуации был бы скорее положительным, нежели отрицательным.

С собой мне Самаранч дал тогда письмо с просьбой донести его до нашей власти. Вскоре после возвращения в Москву мне предстояло вылететь в Барселону, где после Олимпиады традиционно проводился чемпионат мира по велосипедному

спорту по видам, не входящим в олимпийскую программу. То, что Самаранч с Дасслером там меня из-под земли достанут, было для меня совершенно очевидно. Поэтому я постарался не откладывать просибу Самаранча в долгий ящик, пришел к своему куратору Филиппу Денисовичу Бобкову — бывшему первому заместителю Юрия Андропова, в ведении которого были вопросы культуры и спорта — и спросил, как мне себя в этой ситуации вести. Бобков и посоветовал:

— Не говорите «да», но дайте понять, что вопрос рассматривается в позитивном ключе.

Телефон зазвонил у меня в номере минут через 15 после того, как я зашел туда с чемоданом. Звонил Дасслер. Сказал, что находится в загородном доме Хуана-Антонио, поинтересовался судьбой письма. Выслушал мой ответ, сказал «спасибо» и повесил трубку.

Глава 11. Футбол и бизнес

Когда в стране началась экономическая перестройка, мы в руководстве прекрасно понимали, что «Динамо» может просто не уцелеть в своей прежней экономической форме. Поэтому и собирали всевозможные наработки — с тем, чтобы найти оптимальный вариант реорганизации общества, если такая необходимость возникнет.

Самой экономически бедной в обществе «Динамо» была Россия. Политики любили говорить о том, что Россия всех кормит, но в «динамовской» реальности дело обстояло совершенно иначе. На российской территории находилось три — четыре достаточно убогих предприятия, в то время как основные производства базировались на Украине и в Белоруссии, поставляя продукцию во все республики и Россию в том числе. Можно просто перечислить: львовская лыжная фабрика, ворошиловградский металлообрабатывающий комбинат, который производил коньки, всевозможные полозья, оружие для фехтования, под Киевом имелось пластиковое производство, одесская фабрика изготавливала спортивный трикотаж — и так далее. Понятно, что когда пошел развал и дележ страны, республики первым делом ухватились за свои производства и приватизировали их.

Примерно в то время у нас возникла идея создать динамовский холдинг, который отчислял бы в «Центр» только те средства, которые необходимы для содержания аппарата и разработки всевозможных программ. Обширная международная деятельность позволяла мне более объемно увидеть, какие вообще существуют схемы создания подобных объединений — тех же акционерных клубов, первый из которых в нашей стране был создан как раз в «Динамо».

Не могу сказать, что мы рассматривали этот шаг, как бизнес. Скорее, как жизненную необходимость — другим путем мы просто не сумели бы спасти динамовский футбол. Акции раздали всем, кто так или иначе имел отношение к московскому «Динамо» — уборщицам, служащим, рабочим стадиона — хотя бы по одной штуке получил каждый. Все, что было можно в плане территории, тогда нарезали клубу. Но сразу поставил условие: направлять часть денег на хоккей, у которого нет таких собственных площадей.

В игровой олимпийский зал на улице Лавочкина мы направили свои волейбольный и баскетбольный клубы, и я лично убедил нашего фехтовальщика Романова в том, что он должен их

возглавить. Брыкался он тогда сильно: не было ведь никакого понимания, чем все это может закончиться. Миша Воронин, который тогда же получил в свое распоряжение гимнастический зал, только через два или три года признался мне, что тогда, слушая меня, вообще не понимал, о чем идет речь и зачем все это нужно. Все ведь десятилетиями привыкали к совершенно иной схеме: дайте зал, дайте деньги, а я буду готовить спортсмена. Думать о том, чтобы зарабатывать деньги самостоятельно, не хотел никто.

* * *

В самом конце 80-х мы в «Динамо» начали пробивать идею благотворительного фонда имени Льва Яшина. Более громкого имени в обществе не существовало, поэтому по названию ни у кого не возникло никаких возражений, а нужен нам был такой фонд в прямом смысле для спасения: только через такую структуру можно было получить налоговые льготы и уже из этого фонда помогать своим подведомственным организациям в развитии.

Уже когда все бумаги были готовы для регистрации, все вдруг застопорилось. Когда я по своим внутренним каналам стал узнавать, в чем загвоздка, мне ответили, что вопрос здесь чисто технический: первым на регистрацию стоял благотворительный фонд Раисы Максимовны Горбачевой. Понятно было, что пока его утвердят, никакой другой аналогичный фонд не мог быть зарегистрирован в принципе. Зато, как только Раиса Максимовна оформила все лицензии, нам открылась зеленая улица.

Деятельность в связи с этим мы развили активную: премьер-министром у нас в стране тогда был Валентин Сергеевич Павлов, я пришел к нему на прием и с порога сказал, что нам для фонда Яшина нужен не просто президент, но государственник, который будет приходить к инвесторам и спонсорам не просителем, а распорядителем. То есть не будет обивать пороги различных государственных организаций с протянутой рукой, а стукнет кулаком по столу и скажет: «Надо!..»

Вот таким образом первым президентом фонда был назначен первый заместитель председателя правительства России Алексей Михайлович Величко.

Тогда я еще я не знал, что над идеей создания именно такого фонда уже давно параллельно со мной работали Иосиф Кобзон и хорошо известный в околоспортивных кругах Отари Квантришвили. Узнал об этом случайно: однажды мы с Кобзоном

разговорились, и он обмолвился, что даже устроил Квантришвили выволочку — со словами:

— Пока ты телился, Сысоев уже все создал!

Идея у моих оппонентов была чисто комерческая: открыть фонд, взять в свои руки стадион и Петровский парк и по согласованию с тогдашним мэром Москвы Юрием Лужковым устроить там рынок — по той же самой схеме, что была реализована в Лужниках после того, как стадион приватизировали.

Лужков потом не раз пытался меня продавить насчет рынка. Но я уперся: вернисаж какой организовать — пожалуйста. А рынок не получится — талантом не вышел…

А вот в лице Квантришвили я тогда получил врага.

Первый раз наши с Отари пути пересеклись еще до Московской Олимпиады. Как-то ко мне пришел один из наших динамовских тренеров по борьбе Айдын Ибрагимов. Сам он был в свое время чемпионом Европы, потом осел в Баку, стал тренировать. А тогда и говорит: мол, среди судей есть один, который нам очень бы на Олимпиаде пригодился. Но его наверняка не допустят, поскольку у человека судимость.

И назвал имя Квантришвили.

Я пошел с этим вопросом к Богданову. Тогда между «Динамо» и ЦСКА шла постоянная негласная борьба — чьих представителей в олимпийской команде будет больше. Вот мы и решили закрыть глаза на не совсем безупречное прошлое Отари и его связи с криминальным миром, о которых тогда уже шла молва: в конце концов, не за границу человек работать едет.

Через год после тех Игр я уехал в отпуск в Ялту. И в один из дней встречаю в гостинице Квантришвили — в окружении достаточно большой компании кавказцев. Он тогда мне чуть ли не в ноги кинулся — благодарить.

Во второй раз мы встретились только десять лет спустя, когда в «Динамо» был создан первый в стране профессиональный футбольный клуб, а я стал его первым президентом.

* * *

Меня тогда часто спрашивали — мог ли я забрать клуб себе, приватизировать его на свое имя. Такой мыслью, честно говоря, я тогда вообще не задавался: прекрасно понимал, что если даже захочу это сделать, биться за клуб мне придется сразу с двумя могущественнейшими структурами — МВД и КГБ. Это было равнозначно тому, чтобы просто лечь под каток. Ну и зачем? Хотя

молва все равно ходила, что клуб я создал исключительно для себя. То есть украл.

Одна из основных проблем, с которой мы столкнулись при регистрации, заключалась в том, что в стране не было прецедентов создания профессиональных команд в принципе. Многие вообще не понимали, как это делать, с чего начинать. На регистрации, помню, меня спросили: что входит в уставной капитал? Я тогда первым вмонтировал в органы государственной регистрации совершенно новое для нашей страны понятие, сказав:

— Уставной капитал — это наша интеллектуальная собственность. Тренеры и игроки команды.

Для меня во всей этой истории была еще одна сложная внутренняя составляющая. Футбол, как многие другие игровые виды спорта, это каста, которая отрицает приход в свою среду людей со стороны. Футболистам, если вы не говорите на одном с ними языке, невозможно ничего объяснить, с ними невозможно спорить, вам столько наговорят в ответ, что убедят что они работают больше всех и тяжелее всех. В этой сфере, безусловно, были и прогрессивные люди — во всяком случае, мне повезло работать с истинными корифеями. Такими, как Михаил Якушин, Гавриил Качалин, Бесков — с Константином Ивановичем мы вообще общались семьями до последних дней его жизни. Эти люди знали о футболе все, но не чурались привлекать специалистов из других видов спорта. Помню, например, как из легкой атлетики взяли Леню Бартеньева, и он заставлял команду бегать с барьерами в теннисном корте — чтобы поставить игрокам правильный вынос бедра. Футболисты ведь почти все бегают неправильно — в этом отношении мало у кого поставлена техника. Просто те тренеры, с которыми начиналось мое общение в «Динамо», были на такой вершине своего профессионального мастерства в иных футбольных аспектах, что умение максимально быстро бегать не было главным.

Когда я стал президентом клуба, первым делом сказал себе: «Ты — велосипедист. Даже если будешь сидеть с ними в одной лодке, все равно останешься чужим. Потому что для них ты из другого мира. И не питай иллюзий, что когда либо сумеешь стать «своим».

Если бы я был человеком бизнеса и имел какой-то капитал, возможно мне было бы проще развивать клуб, как бизнес. Просто в тот период я не понимал, что мыслить нужно именно так. С учетом моего накопившегося к тому времени управленческого опыта можно было бы продолжать совершенствоваться уже не в управленческих, а в бизнес-сферах. Но я в гораздо большей

степени был увлечен тем направлением, которое знал досконально. То есть организационно-административным. Мне все это нравилось. А после того как случился путч, «Динамо» расформировали, и я в 49 лет в одночасье стал никому не нужен, и вовсе погрузился в работу клуба с головой.

Потом, когда меня назначили председателем Спорткомитета, разом объявились все прежние друзья: «Куда ты пропал? Мы звонили, пытались найти…» Классная формула — я проходил ее на собственной шкуре. Прекрасно знаю, что такое, когда домашний телефон не то, чтобы начинает реже звонить, а умолкает в принципе.

В общем, не хватило у меня решимости тогда совсем уж круто изменить собственную жизнь.

* * *

Уйти с поста президента футбольного «Динамо» мне пришлось в самом конце 1992-го — почти сразу после того, как завершились Олимпийские игры в Барселоне и меня назначили первым председателем нового российского Спорткомитета. Я собрал совет директоров, а перед этим переговорил с Валерием Газзаевым — просил его взять клуб. Он не решился — как и многие другие наши тренеры просто не понимал, что это такое.

Лично мне казалось, что была еще одна причина. Когда Газзаев закончил карьеру игрока, он на некоторое время исчез из спорта, поддавшись уговорам друзей и земляков попробовать себя в коммерции. Возможно как раз тогда он до такой степени «наелся» контактами с российским бизнесом, что не хотел иметь с ним никаких дел. И не захотел рисковать. И президентом клуба стал Николай Толстых.

Глава 12. Падение империи

Прошло уже несколько лет, что я пребывал в должности президента FIAC и одновременно с этим был вице-президентом UCI. Вторую из этих федераций возглавлял тогда Пуич, но в 1990-м он умер. По тогдашним правилам я, как старший по сроку пребывания в UCI вице-президент, должен был занять его место и оставаться в этой должности вплоть до выборов, которые были назначены на 1991 год.

С Вербрюггеном, который тогда возглавлял профессиональную федерацию велосипедного спорта (FICP), мы тогда встречались и разговаривали по этому поводу. Хейн прощупывал почву — хотел понять, в какой степени я претендую на пост главы UCI и насколько серьезным конкурентом могу для него оказаться. Я же откровенно сказал, что он совершенно спокойно может выдвигать свою кандидатуру, поскольку сам я делать этого не намерен.

Руководствовался я следующим: для того, чтобы быть президентом UCI, надо было постоянно жить в Европе. Не просто знать два-три языка, но свободно ими владеть, знать экономику и юриспруденцию, поскольку профессиональный спорт — это большой бизнес со всеми вытекающими отсюда последствиями, а дураков бизнес не терпит.

Прежде всего, у меня было «Динамо». Просто все это происходило до того, как случился путч.

* * *

В августе 1991-го я находился в Штутгарте — проводил там чемпионат мира по велоспорту. Чемпионат необычайно тяжелый, поскольку все мероприятие продолжалось более двадцати дней. Начиналось оно тремя Конгрессами — любительской федерации велосипедного спорта, затем — профессиональной, затем — общий.

Как президент UCI — Международной федерации велоспорта — я входил во все три руководящих комитета, кроме этого мы должны были провести по-сути два чемпионата — трековый и шоссейный.

Связаться с Москвой после того, как случился путч, мне удалось лишь на третьи сутки. В голове была полная неразбериха. Уехать с чемпионата я не мог, поскольку по уставу UCI нес ответственность за проведение этого мероприятия, а с другой

стороны, я — председатель всесоюзного общества «Динамо», в стране творится непонятно что, и логично быть в это время на посту.

Дозвонился я до своего зама Митрофанова, попросил его связаться с вышестоящим руководством — объяснить ситуацию и получить дальнейшие распоряжения. Он мне сообщил, что никакой катастрофы пока не наблюдается, и что я могу спокойно продолжать работать на чемпионате мира.

Все государственные организации, которые на тот период существовали в стране, были обязаны каким-то образом обозначить свое отношение к происходящему. Для нас все было несколько жестче в связи с тем, что «Динамо» было ведомственной организацией. Другими словами, мы были обязаны в той ситуации просто взять под козырек. И Митрофанов, не сказав мне ни слова, ни пока я был в Штутгарте, ни потом после возвращения, отправил во все региональные отделения коротенькое — в шесть строчек — письмо, где выражалась полная поддержка ГКЧП и Временному правительству.

Узнал я обо всем этом много позже — из книги Шамиля Тарпищева. А тогда вернулся в первых числах сентября в Москву и уже на следующий день ко мне приехали представители французского политического журнала L'Expresse. Вместе с пишущим журналистом в Москву приехал фотограф-югослав, которого я неплохо знал и который говорил по-русски. У него я и поинтересовался, что происходит: L'Expresse, насколько мне было известно, вообще никогда не печатал материалов на спортивную тематику. Фотограф меня и предупредил: «Не ждите ничего хорошего».

Заказ на этот материал шел из нашей же страны — я в этом уверен. Уже через неделю после визита французов в Москву в журнале вышла огромная статья, в которой было расписано, что такое для СССР «Динамо», упоминался, как водится, Феликс Эдмундович Дзержинский, были опубликованы снимки, сделанные в моем рабочем кабинете — в том числе инкрустированный ценными породами дерева портрет Ленина, когда-то подаренный обществу одним из деревообрабатывающих предприятий, в общем, в наличии был весь антураж, принятый по тем временам.

Французы очень хотели сфотографировать меня на фоне стадиона, но я отказался, сказав, что прекрасно понимаю замысел: сделать фотографию на фоне пустых трибун, показав тем самым, что в России — разруха и запустение.

* * *

В статье в числе прочего были такие пассажи:

«…После того, как ликовавшие москвичи снесли памятник Дзержинскому, стоявший напротив знания КГБ, динамовцы дрожат за свое будущее, потому что знаменитый Феликс — не кто иной, как создатель клуба.

Для народа, населения, «Динамо» таким образом является синонимом команды «шпиков». Изображения позорного персонажа все еще повсюду присутствует на спортивном комплексе в Петровском парке. Барельеф, представляющий человека с острой бородкой, украшает вход в административное здание. Внутри главного холла нет ни одного почетного стенда без его образа. На руководящих этапах управления все высшие функционеры имеют погоны. Ясно, что это офицеры КГБ и милиции.

… В самой Москве началась новая эра. Охота за долларами открыта и в «Динамо». Закрытые теннисные корты уступили позиции приватному клубу «Петровский парк». Годовой взнос составляет от шестидесяти до семидесяти тысяч рублей, при том, что средняя зарплата советского гражданина -400 рублей в месяц. Там несколько лет назад играл в теннис и парился Юрий Чурбанов, зять Брежнева, который сейчас находится в заключении. Сейчас там играют и парятся нувориши Москвы. Охотничьи угодья «Динамо» тоже стали доступны для имущих клиентов, оплачивающих счета валютой.

… «Ни у кого нет интереса, чтобы «Динамо» исчезло», — заявляет Валерий Сысоев. Сидя в пластмассовых креслах гигантского стадиона, где легендарный Яшин заставлял публику ликовать, он смотрит плохую игру мужчин, которые составляют посредственную украинскую команду. Жалкая ничейная партия не дает ему забыть свои заботы. Член КПСС, народный депутат, генерал КГБ не имеет никакого желания стать членом оргкомитета по ликвидации общества. Лично он должен многое потерять…»

* * *

Сразу после выхода журнала мне позвонила из Рима генеральный секретарь UCI Карла Джулиани и сказала: «Господин президент, а мы, оказывается, многого о вас не знали…»

Потом в репликах, которые пошли в спортивной прессе, были даже вопросы, адресованные главе МОК Хуану-Антонио Самаранчу: как вообще могло получиться, что столько лет у него под боком — в высшем руководстве международной спортивной

федерации — находился генерал КГБ?

Тема, безусловно, была щекотливой, а для того периода времени — так просто взрывной. Никто же не знал предыстории. В частности того, что я никогда в жизни не занимался оперативной работой, а получил генеральские погоны, поскольку «генеральской» была сама должность председателя «Динамо». Но я по-прежнему до конца не понимал, что вокруг меня происходит. Почему так стремительно вокруг образуется совершенно осязаемый вакуум? И главное — что со всем этим делать?

В конце сентября я почувствовал себя совсем плохо — не было физических сил. Продолжал чем-то заниматься, куда-то ходил, но в буквальном смысле еле передвигал ноги. В таком состоянии дотянул до двадцать седьмого декабря и все-таки решил обратиться к врачу.

Врач, который дежурил в поликлинике в тот день, был не моим участковым, поэтому на все жалобы, что очень сильно болит спина и отдает куда-то под лопатку, просто распорядился дать мне каких-то таблеток, не сделав даже кардиограмму. Из поликлиники, понимая, что никуда просто не доеду, я зашел на работу к приятелю, чей офис располагался поблизости, выпил у него литра два воды, поскольку во рту постоянно сохло, отсиделся до вечера, немного пришел в себя и все-таки добрался домой. Поскольку лучше мне не становилось, наутро я все-таки вызвал врача, и лишь тогда мне сделали кардиограмму. И немедленно отправили на скорой в госпиталь — в реанимацию.

Пока в госпитале оформляли все бумаги, я упорно отказывался признавать, что чувствую себя совсем паршиво, пытался шутить на тему, что под Новый год ни в одном госпитале не найдешь приличного врача, а значит, и ложиться в больницу нет никакого смысла, но начальник медицинского отдела, с которым я был в хороших отношениях, принес мне лист бумаги и ручку, чтобы я написал расписку об отказе от госпитализации, и вполголоса произнес: «Валерий Сергеевич, ваше право поступать как угодно, но я бы категорически не советовал…»

В реанимации я провел тогда четырнадцать дней. При первом же обследовании на сердце обнаружился довольно большой рубец от перенесенного на ногах инфаркта средней тяжести и еще два рубца поменьше.

Эти четырнадцать дней стали для меня очень непростым испытанием. Когда лежишь практически без движения, опутанный проводами, а из палаты через день кого-то увозят на погост, сразу начинаешь как-то переосмысливать собственную жизнь, смотреть на нее под иным углом. Тем не менее, я выкарабкался. 15 января меня перевели в общую палату, а уже на

следующий день меня навестил Шамиль Тарпищев, который привел с собой Бориса Федорова, ставшего впоследствии вице-президентом Национального фонда спорта. Тогда я, собственно, впервые этого человека и увидел.

Еще до путча у меня набралось довольно много наработок по теме всевозможных спортивных фондов. В том числе по Национальному спортивному фонду США, с деятельностью которого меня познакомили во время какой-то командировки в Колорадо-Спрингс. И я, понимая, что с моим состоянием здоровья выбраться из больницы смогу еще нескоро, сказал Тарпищеву:

— Ты ведь очень близок к Борису Ельцину, считай, у самой «кровати» стоишь, возьми эти бумаги — вдруг пригодятся?

На самом деле все эти наработки я хотел реализовать сам — в «Динамо». Но уже не думал, что общество вообще сохранится в каком-либо виде, если уж перестал существовать Советский Союз.

* * *

Пленум по роспуску Центрального совета «Динамо» был назначен на 18 января, и мое участие там не предполагалось в принципе. Я же приехал, уговорив врача отпустить меня из больницы хотя бы на несколько часов. В одиночку меня, разумеется, не отпустили, поэтому врач поехал вместе со мной — сидел в зале.

Решение поехать на Пленум оказалось совершенно правильным даже с той точки зрения, что лежать в палате и пассивно ждать, чем все закончится, могло бы оказаться для меня непосильным испытанием — вполне мог вообще не дожить до вечера. Драка между организациями, которые входили в ЦС «Динамо», оказалось остервенелой. Особенно неистовствали украинцы. По сути уже тогда я на практике увидел все то, что будет происходить в отношениях между нашими странами спустя десять с лишним лет. Но мне, тем не менее, удалось добиться решения не распустить общество, а создать рабочую комиссию, чтобы потом уже на новых условиях сотрудничества и взаимодействия найти новую форму организации.

На тот момент я полагал, что это было бы правильно.

Точно так же в бытность заместителем Марата Грамова в Спорткомитете, я спорил с ним, когда процесс разрушения стал затрагивать олимпийское движение — даже сделал проект нового устава ОКР, где предусматривалось автономное, но не раздельное существование России и всех республик, включая прибалтийские. Грамов, помню, сказал мне тогда в сердцах: «Вот и езжай в свою

любимую Прибалтику, раз тебя там так любят!». Я же упорно продолжал гнуть свою линию, считая, что в любом сотрудничестве все строится точно таким образом, как в браке: даже расставаясь, нужно стараться сохранить максимально хорошие отношения.

* * *

С возрастом я понял одну очень простую и очень важную вещь: что бы ты ни сделал в своей жизни, все это обязательно к тебе вернется. Свои проступки ты несешь с собой всю жизнь и рано или поздно будешь обязан за них заплатить. Я очень сильно переживал свой первый развод, считал себя виноватым и перед женой, и перед сыном. Из дома ушел тогда с чемоданом, оставив квартиру своей уже бывшей семье.

Много лет спустя сын спросил меня о причинах, по которым я ушел. Я не ответил, считая, что это — слишком личный вопрос, который может касаться только меня и его матери. Но спросил Бориса:

— Ты хоть раз слышал, чтобы я сказал на тему наших отношений хоть одно плохое слово? Нет? Вот и хорошо. Давай пока поставим здесь точку.

Другой вопрос, что сыну я конечно многое недодал. В нашей семье тогда жила мать жены, которая, естественно, всецело была не на моей стороне, поэтому и поток негатива в мою сторону шел такой, что я счел разумным никак не форсировать после развода свои отношения с сыном, чтобы не наносить ему дополнительных моральных травм. Хотел дождаться, когда он повзрослеет, а там уж — как получится: почувствует потребность в общении — придет. Борис пришел — спустя семь или восемь лет.

Вину же я чувствовал в том, что сам рос без отца и прекрасно знал, что это такое. Понимал, что какие-то стороны характера сына, которые порой вызывают у меня раздражение, — это следствие, в том числе, и моего отсутствия в его жизни на этапе взросления. Но так уж сложилась жизнь.

Под жизненными проступками я понимал и гораздо менее значимые вещи: где-то кого-то обидел, не так отнесся к человеку, не то ему сказал. Человек, которого ты этим задел, возможно, ничего и не ответит, промолчит, но внутри тебя все это остается навсегда. Как внутренний долг. И очень важно на пороге ухода из жизни не оставлять за собой этих внутренних долгов, отплатить их. Пусть не впрямую, опосредованно — через помощь нуждающимся людям, детским домам.

Наверное, это называется отмолить грехи. Не могу сказать, что я человек сильно верующий, хотя тайно крещеный, но в вере конечно же неграмотный, неприученный к пониманию обрядов. Людям моего поколения это свойственно — общество никак не поощряло движения к вере, напротив, препятствовало этому. Просто в моем понимании «отмолить грехи» не значит, сделать что-то такое, что оценят окружающие. Гораздо важнее внутренне понимать: не нужно совершать поступков, которые в глубине души считаешь неправильными ты сам.

* * *

В тот период я много размышлял как о роли «Динамо» в жизни страны, так и о роли спортивных обществ в целом. В каждой многоконфессиональной стране есть ведь своя история развития спорта. В 30-х годах прошлого века — как раз те годы, когда страна боролась с басмачами в Азии, в нашей стране было обилие спортивных обществ. Люди в тогдашнем правительстве сидели неглупые, понимали, что спорт, помимо того, что дает здоровое поколение, может еще играть роль наднационального единения. Его можно сделать либо инструментом объединения страны, либо средством национального конфликта. Ведь когда в соревнованиях выступает команда «Динамо» или сборная профсоюзов, никто не кричит в ней: «Мочи мордву!» или «Татарин, бей узбека?» Как только мы загоняем спорт в национальные окраины, мы тут же начинаем провоцировать национальную рознь.

На базе всех обществ у нас существовали экспериментальные группы спортсменов, и это было крайне важно уже для большого спорта. Прежде чем внедрять какие-то инновации в национальные сборные команды, все это проходило опробование в обществах. Такие эксперименты прежде всего носили методический характер, и каждый тренер, предлагающий в методическом плане что-то новое, первым делом был обязан свою методику защитить и обосновать. Это сильно поднимало и тренерскую конкуренцию — мы получали очень хорошо подготовленный кадровый резерв.

Система обществ обеспечивала очень четкие вертикали: армия, внутренние войска, «Локомотив» со всеми железными дорогами страны, транспорт, «Урожай», объединяющий сельский и деревенский спорт, студенческий «Буревестник» — все они были меж-территориалыными. Как только вертикали исключили, система потеряла устойчивость. По мере того, как спортивные общества в нашей стране прекращали свое существование, никто

не озаботился тем, чтобы создать альтернативную структуру. Спортивные федерации начали жить своей собственной и крайне обособленной жизнью. Если раньше в Спорткомитете существовали всевозможные управления — прикладных видов спорта, единоборств и так далее — они создавались не просто так, а с учетом того, что между теми же единоборствами есть очень много общего в методике. Как только вид спорта уходит в свой узкий коридор — он неизменно начинает гибнуть.

Именно это начало происходить в России, как только федерации стали обособляться.

Общества — это еще и вопрос болельщицкой преданности. Никто и никогда не ответит: как и когда в человека проникает тот «микроб», который заставляет его болеть за «Динамо», «Спартак» или «Торпедо». Помню, уже будучи генералом, я ехал по Москве за рулем, и меня остановил гаишник. Я ему говорю: мол, я — свой, динамовский, что ж ты меня тормозишь? А он отвечает: «Я вообще-то за «Спартак» болею». Ну, я пожал плечами: «Бывает…»

Я видел, как болеет за «Спартак» министр промышленности и строительства Алексей Иванович Яшин. Если бы кто увидел его в момент матча «Спартака» на трибуне, то, пожалуй, вообще усомнился бы в том, что он нормален. Столь же отчаянно болел за «Спартак» заместитель председателя Гостелерадио Владимир Иванович Попов.

* * *

Определенную роль в перестройке спортивного будущего всей России сыграл тогда Шамиль Тарпищев. Он вообще был сторонником того, чтобы перевести «Динамо» на клубную систему. Мы много раз с ним это обсуждали, и в целом я выступал «за». Просто я понимал, что переводя общество на клубную систему, нужно было в обязательном порядке сохранить весь динамовский потенциал, чтобы система не рухнула, а оставалась жизнеспособной. Те спортивные федерации, что существовали тогда, экономически были не слишком дееспособны, как и нынешние. Поэтому сам по себе эксперимент по разрушению обществ казался мне достаточно рискованным. И уж точно это не было тем вопросом, с решением которого следовало спешить.

Если рассуждать глобально, в клубной системе очень много плюсов. Просто применительно к нашей стране она до сих пор имеет слабые стороны, а значит — не решает всех проблем, особенно с учетом того, что ее вовремя не оформили ни

законодательно, ни нормативно. Экономически эта система базируется у нас, как правило, на государственных деньгах, а в этом случае система неизбежно превращается в механизм использования бюджета для личного бизнеса с «отщеплением» части средств на развитие собственно спорта. Вся эта зараза началась с футбола и очень быстро стала распространяться во все стороны. Оттуда же пошел конфликт между клубными и национальными сборными: тех, кто вставал во главе клубов, интересы страны начинали интересовать лишь во вторую очередь.

В чем была уникальность «Динамо»? За период своего существования и развития оно достигло той структуры, к которой сегодня путем бизнес-эволюции пришел футбольный «Манчестер» — клуб, имеющий свои сооружения, свои предприятия, свою индустрию, акции, «играющие» на сингапурской бирже, то есть «Манчестер» — это огромная самодостаточная корпорация, витрина которой — футбольный клуб.

У «Динамо» имелось семьдесят шесть различных предприятий, четырнадцать отраслей промышленности от деревообработки до полиграфии, за счет этих доходов общество и жило, имея индульгенцию от государства в виде освобождения от налога с товарооборота, который по тем временам составлял порядка двухсот миллионов рублей в год. Эти деньги шли в Центральный совет и распределялись по региональным динамовским организациям. В отличие от того же ЦСКА, все наши сборные команды содержались за счет средств общества, а не госбюджета.

«Динамо» имело свое управление по строительству и эксплуатации спортивных сооружений, финансово-плановое управление, всевозможные медицинские подразделения, управление международных связей, промышленные управленческие структуры. Когда после Московской Олимпиады я принимал аппарат у Петра Степановича Богданова, численность этого аппарата составляла шестьсот человек. То есть это однозначно была самая большая спортивная инфраструктура Советского Союза. Промышленная база Спорткомитета была значительно ниже.

* * *

Когда после того совещания я направлялся в свой кабинет, позади меня шел заместитель министра внутренних дел по кадрам — он входил в Президиум. Я тогда остановился прямо в коридоре и в лоб спросил его:

— Что же вы творите?

Когда человека ошарашиваешь прямым вопросом, он обычно говорит правду — просто не успевает просчитать другие варианты. Вот он мне и ответил:

— Вы, Валерий Сергеевич, слишком сильно контрастируете с другими руководителями, занимая этот пост.

Вот тут-то я и вспомнил: когда мы вступали в Европейский союз полицейских, и я привез в Москву президента этой организации — испанца, проблема была в чем: «Динамо» олицетворяло и КГБ, и МВД и могло войти в этот Союз только своим «милицейским» сегментом. Но присутствие в международной организации КГБ иностранцев сильно смущало — что было абсолютно понятно. И тогда я уговорил министра внутренних дел Вадима Бакатина этого испанца принять. Он согласился, благодаря чему мы в этот Союз полицейских все же вступили.

До этого Бакатин как-то обращался ко мне с просьбой дать ему возможность посмотреть своими глазами, что такое московское «Динамо». Сам он когда-то играл в русский хоккей, был довольно спортивным. И когда мы с ним поехали по всем спортсооружениям, проехались по спортивным базам, когда он увидел витрины с призами, кубками и понял, какая за всем этим стоит история, то сказал:

— Да… «Динамо» — это не клуб. Это — империя.

Ну а любая империя, как известно, имеет свое время для того, чтобы упасть. Я вернулся в госпиталь, долечивался там вплоть до самого лета, и все это время в «Динамо» велась работа по моему уничтожению. Оппоненты оказались жестокими. Я старался понять их — и не мог. Ну ладно, уничтожить меня. Но зачем было уничтожать «Динамо»?

Когда «выходишь в тираж» — становится очень заметно, как вокруг тебя меняется мир. Заходит, допустим, в зал на каком-нибудь мероприятии человек, в судьбе которого ты принял достаточно большое участие, проходит кружным путем мимо, а потом так тихонько и вроде как невзначай подбирается поближе — поздороваться, но так, чтобы окружающие обратили на это как можно меньше внимания. Вот это самое неприятное — понимать, что люди отворачиваются от тебя лишь потому, что ты не при должности. Привыкнуть к этому невозможно — я пытался. Потом понял, что просто не нужно обращать на это внимания.

К моему великому счастью таких людей вокруг меня оказалось не так много. Но именно в тот период своей жизни я понял, что главное заключается не в том, чтобы подняться после того, как судьба швырнула тебя вниз, а в том, чтобы не затаить

внутри себя обиду, переходящую в ненависть по отношению ко всему вокруг. А ведь я был очень близок к этому, когда распустил «Динамо» и в жизни началась полоса, на протяжении которой я в основном скитался по больницам.

Откуда идут все мои рабочие неприятности, я к тому времени понимал очень хорошо. И чувствовал, что у меня внутри по отношению к этому человеку растет какая-то черная, звериная ненависть. Готов был его удушить своими руками, уничтожить. Причем это состояние было не аффектом, как тот миг, когда я чуть не швырнул табуретку в голову Чурбанова, а длилось несколько месяцев и не становилось слабее.

Переживать это было очень тяжело. Но в один прекрасный день я совершенно неожиданно для себя вдруг даже не произнес, а ощутил в себе фразу: «Бог ему судья». С того самого дня вся обида на внешний мир и ненависть на отдельных людей просто ушли. Более того, с этими же людьми я стал совершенно спокойно общаться, если того требовала ситуация: эмоционально они перестали вызывать у меня какую бы то ни было реакцию.

Глава 13. Игры патриотов

Очередной этап моей государственной службы начался в день моего пятидесятилетия. Я как обычно был в клубе под трибунами, занимался разгребанием каких-то очередных проблем, и тут вдруг безо всякого предупреждения начали съезжаться с цветами и подарками мои бывшие динамовские коллеги — из Молдавии, Эстонии, Армении, Грузии. Мы быстренько организовали столы, чтобы хоть как-то угостить людей, отметить праздничное событие, так сказать, в разгар застолья к нам присоединился Шамиль Тарпищев. Поздравил, посидел немного, потом вдруг встает и говорит:

— Не расходитесь. Я сейчас вернусь.

Часа, наверное, три, если не больше, мы его ждали. Вернулся Шамиль с подарком — указом Ельцина: «Назначить Валерия Сысоева председателем Координационного совета по физической культуре и спорту при Правительстве России».

Должность в высшей мере странная — без штатного расписания, без всего. Но — указ Президента.

Оказывается, прецедент был не первым. В свое время Борис Николаевич точно таким же образом назначал на какую-то правительственную должность Владимира Маслаченко. По тем временам сборная ветеранов футбола периодически играла товарищеские матчи со сборной Правительства России. Однажды в «правительственные» ворота поставили Маслаченко. Ребята из команды ветеранов по этому поводу вслух возмутились: какое отношение Маслаченко имеет к Правительству России?

Борис Николаевич тут же подозвал секретаря:

— Дай лист бумаги.

И собственноручно написал Указ: «Назначить…»

Как только матч был закончен, он ту бумажку собственноручно же и разорвал.

Все это страшно напоминало первоапрельскую шутку. Тем не менее, Шамиля я тогда совершенно искренне поблагодарил — в тот момент мне была ценна не должность, а моральная поддержка. Но потом вновь наступил странный для меня период. После развала страны была создана координационная комиссия, которую возглавлял Геннадий Бурбулис, а одним из главных идеологов этой комиссии был Борис Федоров. Он откровенно фильтровал, что ему подойдет в его деятельности в Национальном фонде, какие и кому оставить фабрики, спортивные сооружения. Это же читаемо потом стало. И пока не пристроили в бизнес все то, что раньше принадлежало

Спорткомитету СССР, никаких штатных перестановок не совершали. Периодически кто-то поднимал вопрос о том, что надо создавать руководящий спортивный орган, оформлять штатное расписание, то есть начинать работать. И когда на одном из совещаний Бурбулис попросил присутствующих высказать предложения по кандидатуре председателя Спорткомитета, Петр Виноградов ему сказал:

— Что тут думать? Вот, готовый председатель.

И на меня показывает.

* * *

Зачем я тогда был нужен Тарпищеву? Возможно, это просто была своего рода благодарность в мой адрес: когда-то, придя в «Динамо», я взял к себе Шамиля, когда того уволили из Спорткомитета. Не исключаю и того, что в тот период я был нужен Тарпищеву, как противовес Смирнову. В свое время Виталий Георгиевич продвинул Тарпищева в Международный олимпийский комитет, но потом возникла ситуация, когда позиции Шамиля в МОК пошатнулись. Сватали в МОК Бориса Березовского.

Тогда даже была заметка в «Коммерсанте» о том, что Хуан-Антонио Самаранч приезжал в Москву, но не захотел встречаться с Тарпищевым. А когда Шамиль обратился к Смирнову, чтобы тот объяснил ему, что происходит, Виталий Георгиевич сказал: мол, Самаранч приезжал по личной просьбе Черномырдина, и на то, чтобы встречаться с кем-то еще у него просто не нашлось времени.

После того разговора со Смирновым Шамиль приехал ко мне. Надо отдать должное, на тот период он считался с моим авторитетом, иногда приезжал советоваться по каким-то вопросам. Я ему сказал:

У тебя единственный выход из этого положения — встретиться с Самаранчем лично. Иначе тебя затопчут и уничтожат.

Подобный прецедент в Международном олимпийском комитете уже имел место: примерно по этой же схеме в свое время пытались убрать Ивана Славкова — был такой представитель Болгарии в МОК, зять Тодора Живкова. Когда в Болгарии случился переворот и Живкова убрали, Славкова тоже стали душить. Спас его как раз Самаранч — «прикрыл» олимпийской Хартией и дал свою личную защиту. Вот и Тарпищеву я тогда посоветовал:

— Раз уж ввязался в политические игры — ищи защиту.

С Самаранчем Шамиль в итоге встретился и в итоге свое место в МОК сохранил. А спустя какое-то время в стране появилась теннисная Академия. Имени Самаранча.

* * *

Решение перевести Спорткомитет с Лужнецкой набережной на улицу Казакова принадлежало тоже мне. Когда Борис Николаевич Ельцин с подачи Тарпищева отписал здание на Лужнецкой российскому Олимпийскому комитету, я уже был председателем Спорткомитета. Однажды пришел к Смирнову и предложил ему сделать на третьем — «начальственном» — этаже два кабинета с одной приемной: один его, один мой. Сказал даже, что готов на общественных началах стать у Смирнова одним из заместителей, чтобы совсем уж никак не ущемлять его собственный авторитет.

Его авторитет в российском и международном спортивном движении был настолько велик, да и сделано для страны было многое, чтобы эти позиции пошатнуть. Но Смирнов отказался наотрез. С моей точки зрения, я вообще не представлял для него никакой угрозы, но постоянно ощущал очень большую настороженность.

Особенно заметным это стало после всех динамовских событий связанных с ликвидацией общества. Поскольку исторический вклад общества в спортивную жизнь страны был достаточно большим, я собрал тогда пленум о роли «Динамо» в олимпийском движении. Виталий Георгиевич тогда оказался в непростой для себя ситуации: НОК СССР, который он возглавлял много лет, существовать уже перестал, первым президентом НОК России был Владимир Васин, я сам был свидетелем того, как разрабатывалась целая операция: как уговорить Васина, чтобы он отказался участвовать в выборах — снял свою кандидатуру.

Когда мы со Смирновым стали работать параллельно — я в качестве председателя Спорткомитета, а он — президентом НОК, что бы я ни делал, все подвергалось заочной критике.

Виталий Георгиевич однажды спросил меня:

— Не понимаю, почему к тебе так хорошо относится Самаранч.

Вся суть его тогдашнего ко мне отношения собственно и проявилась в этой фразе.

Что касается отношения ко мне Самаранча, один случай был анекдотичным. Как-то мне позвонил Смирнов и сказал, что Хуан

Антонио просил передать мне его поздравления с новым назначением и сказать, что он очень за меня рад.

Я тогда сломал себе всю голову, пытаясь понять, в чем дело. А потом прочел в газетах, что состоялось назначение Олега Сысуева вице-премьером России. Самаранч тогда просто не понял, услышав схожую по звучанию фамилию, что речь идет не обо мне, а совсем о другом человеке. История, впрочем, на этом не закончилась. Когда несколько лет спустя я стал директором комиссии по игорному бизнесу, как-то я присутствовал у Сысуева на совещании. И когда оно было закончено, и люди стали расходиться, Олег Николаевич, которого я тогда, кстати, увидел впервые в жизни, вдруг мне и говорит:

— Не представляете даже, как я из-за вас страдал, пока жил в Самаре: каждый раз, когда вас куда-то назначали по спортивной линии, мой сосед меня с этим поздравлял…

Я отвечаю:

— Это все ерунда. Вот как я из-за вас пострадал! — и рассказал историю с Самаранчем.

* * *

Когда стало понятно, что в Олимпийском комитете нет места ни для меня, ни для моих сотрудников я и стал думать, куда деваться. На базе бывшего института физкультуры тогда располагался научно-исследовательский институт, и мы приехали к ним — в их графские развалины на улицу Казакова.

Отремонтировать кабинет мне помогли друзья, но общее положение было плачевным: денег нет, зарплаты копеечные. В аппарате остались только те специалисты, кто дожил до пенсионного возраста и кому по большому счету уже было некуда деваться. Часть людей взял к себе в московскую профсоюзную организацию Лев Борисович Кофман — тем поступком он просто помог людям выжить.

В один из дней мне вдруг позвонил Квантришвили:

— Мы тут решили Партию спорта создать, даже Ельцин поддержал инициативу. Завтра в Колонном зале учредительный съезд. Вы не могли бы приехать, как председатель государственного органа?

Я разозлился.

— Ты меня, вообще, за дурака, что ли, держишь? Понимаешь, что создаешь японскую якудзу, только в еще более худшем варианте на территории России? И ты хочешь, чтобы я вас поддержал?

— Да вы не выступайте. Просто будете сидеть в зале — и все.

Я отказался. Понимал, что если появлюсь на этом сборище, аудитории будет понятно, что я тоже «за».

В Кремле тогда собрались многие известные люди: Смирнов, Тарпищев, Федоров, представлявший Национальный фонд спорта, Александр Гомельский… С Квантришвили же у меня тогда пошло открытое противодействие. Отари при каждом удобном случае приезжал на телевидение, брал с собой известных спортсменов — Николая Балбошина, Тихонова. И постоянно гнул одну и ту же линию: «Генерал Сысоев? Да это вообще человек в нашем деле случайный, сторонний от спорта».

Я же все отчетливее понимал, что либо что-то должно случиться уже совсем неприятное, либо надо тоже начинать открыто воевать.

Некоторое время спустя я должен был выступать на Олимпийском собрании, и меня спросили:

— Как считаете, есть в спорте мафия или нет?

Ну, я и отвечаю:

— Не знаю, есть в спорте мафия или нет, но давайте я вам расскажу, как создавалась Партия спорта, а дальше вы уже решайте сами…

* * *

Опасность этого формирования я тогда видел в том, что образовав Партию спорта, можно было легко войти в конфликт с другими политическими структурами страны. То, что предлагал создать Квантришвили, могло оказаться гораздо более опасным, нежели японская «якудза» — хотя бы в силу того, что масштабы российского государства не идут ни в какое сравнение с японскими. К спортсменам тогда в стране относились как к лицам с огромным авторитетом. Но в то же самое время спорт представлялся многим повышенным источником опасности — история с Александром Тихоновым и губернатором Тулеевым показала это более чем наглядно.

Был и другой момент. Это только в песнях красиво поется о том, как выходят в мастера. На деле большой спорт оставляет за бортом огромное количество тех, кому не удалось стать чемпионами, сделать себе имя и тем самым как-то обеспечить дальнейшее будущее.

Подготовленный стрелок или боец — очень опасное явление, с которым очень осторожно нужно обращаться. А ведь при той спортивной системе, что долгие годы существовала в СССР, в

стране было налажено воспроизводство и даже перепроизводство высококлассных спортсменов. Но страна развалилась, и всем им стало некуда деваться. Хорошо, когда такой человек твой друг, а если враг?

Квантришвили прекрасно знал, что я о нем думаю, и постоянно стремился так или иначе продемонстрировать собственное превосходство. Чашу моего терпения переполнило достаточно трагическое событие — смерть Сергея Павловича Павлова в 1993-м. Как председатель Спорткомитета, я вел траурный митинг в ЦКБ.

Мероприятие было тяжелым. Я прекрасно понимал, что этот человек сыграл в моей судьбе колоссальную роль. Я восхищался им, в чем-то наверняка подражал. Уход такого человека из жизни, пусть и после тяжелейшей болезни, был уходом великой личности, великой эпохи.

Траурный митинг был почти закончен, когда внезапно открылась задняя дверь и оттуда — как всегда в сопровождении свиты и с громадной охапкой роз — вышел Квантришвили. Он по-хозяйски подошел прямо к микрофону, взял его и с надрывом начал вещать:

— Отец… учитель… как он мог…

Одернуть его прилюдно я, разумеется, не мог. Но как только мы вышли на улицу и мимо нас пронесли гроб, я встал прямо перед Отари и при всех сказал ему:

— Ты что творишь? Вообще, понимаешь, что ты делаешь? Куда лезешь? Я мешаю тебе? Что ты можешь сделать? Убить? Расстрелять? Да, моя семья останется несчастной. Но дальше-то что? На что ты вообще способен?

Думаю, такого он просто не ожидал, да и я, пожалуй, впервые позволил себе заговорить с человеком в такой тональности. Все, кто стоял с Квантришвили рядом, сразу же отпрыснули. А я уже более спокойно добавил:

— Где мой кабинет, ты знаешь. Есть вопросы — приходи, разберемся.

* * *

В самом начале апреля 1994-го ко мне через моего хорошего знакомого обратился человек, который выпускал журнал под названием «Паспорт» и хотел сделать в нем вкладку, посвященную спорту. Звали его Виктор Бондаренко, причем мне его представили, как собирателя древних икон, живописи и прочих предметов старины. В молодости Бондаренко был

обычным харьковским блатным, за что-то сидел и знал Квантришвили по своей «прежней» жизни. Но на тот момент, когда мы познакомились, он уже от той жизни отошел, несколько раз выступал по телевизору как известный коллекционер, а мне сказал: мол, есть один замечательный человек, который может помочь с финансированием журнала. А меня он очень просит такую встречу организовать.

И назвал имя Квантришвили.

Я сначала отказался наотрез. Бондаренко привлек для переговоров со мной моего старого приятеля, академика Юру Антипова, который у него в журнале выпускал какую-то свою вкладку по технике военных времен — танки разные, самолеты. Ему я тоже пытался объяснять, что любые контакты с Квартришвили мне просто по-человечески противны. Но они меня все-таки уговорили позвонить Отари.

Он, как мне показалось, даже обрадовался, хотя на тот момент я уже перестал быть председателем Спорткомитета:

— Куда же вы пропали? Все спрашивают, интересуются, где вы, что с вами. Вы же — наш!

Я прервал этот поток красноречия, изложил просьбу и слышу:

— Ради вас я готов с кем угодно встретиться. Но давайте сделаем так: завтра у нас с ребятами банный день, я буду на Красной Пресне, в банях. Приходите, там все свои — борцы, все хорошо вас знают.

От похода в баню я, понятное дело, отказался, сказав, что разговор у меня чисто деловой, а баня — дело личное и даже интимное. Поэтому мы договорились встретиться в тот же самый день, но раньше.

Он подъехал. Как всегда, на шестой разбитой модели «Жигулей»: любил лишний раз показать, как непросто ему живется.

Антипов под каким-то предлогом с той нашей встречи соскочил. После того, как я представил Квантришвили Бондаренко, начался форменный спектакль. Отари начал чехвостить этого Бондаренко матом. «Вот ему, — показывает на меня, — деньги дам, а ты прямо сейчас пойдешь к такой-то матери. Ты думаешь, я не знаю, кто ты такой?».

Продолжалось это все больше часа. Потом Отари уехал. Но осадок остался тяжелый.

Домой я вернулся в тот день ближе к вечеру, сел на кухне перекусить, включаю телевизор. «Сегодня в Краснопресненских банях застрелен известный криминальный авторитет…»

Я как сидел, чуть не упал со стула. Думаю: «Ё-моё. Меня же как раз в ту баню приглашали…».

Как бы я не относился к Отари, понимать, что я лишь несколько часов назад видел человека живым, а сейчас его больше нет, было страшно. Интересно, что Квантришвили был продуктом спорта: знал его, любил, да и сам относился к числу незаурядных людей. Он много помогал тем, кто оказывался в сложной жизненной ситуации. Просто ветер политических перемен всколыхнул в нем желание стать одним из лидеров. Вот Отари и пытался по-своему этого добиться.

* * *

Мой уход с поста председателя Спорткомитета состоялся несколькими месяцами ранее. Я в общем-то понимал, что мое противостояние со Смирновым, как и выступление по поводу Партии спорта на олимпийском собрании наверняка каким-то образом мне еще аукнется. В тот период времени Ельцин постоянно менял структуры своих министерств и прочих образований. Координационный совет по физической культуре и спорту при Председателе Правительства РФ, главой которого я был назначен президентским указом в день своего пятидесятилетия 1 июня 1992 года, три месяца спустя был преобразован в Комитет РФ по физическому воспитанию и массовому спорту, а в самом конце ноября — в Комитет по физической культуре.

В декабре 1993-го Борис Федоров как-то вскользь сказал мне, что, мол, каждое такое переназначение — оно же чего-то стоит. Я немедленно сделал на эти слова стойку:

— Не понял: за меня что, кто-то платит?

Федоров тут же дал задний ход:

— Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Просто в январе будет уже новая структура — вроде бы Ельцин намерен создать комитет по делам молодежи, спорта и туризма.

Вот к такому повороту я был не совсем готов. Сказал Федорову, что спорт и молодежь имеют, конечно, много общего, но организационно это две совершенно разные вещи, браться за которые я просто не готов. Во-первых, мне это не интересно. Во-вторых, не вижу смысла себя тиражировать, зная, что на «выходе» результата не получится ни там, ни там.

Федоров попытался меня успокоить, мол, совершенно не стоит начинать по какому бы то ни было поводу волноваться, но я интуитивно чувствовал, что ничего хорошего для меня в этой ситуации нет. И что рано или поздно я могу просто стать в этой структуре лишним.

На тот момент у меня были нормальные отношения с первым помощником Ельцина Виктором Илюшиным. Его я и спросил, возможно ли подписать мое заявление у Ельцина, минуя Тарпищева? Виктор Васильевич вызвался мне в этом посодействовать и уже на следующий день, когда Тарпищев пришел на работу, у него на столе лежало мое заявление: «Прошу освободить меня от занимаемой должности, в связи с ухудшением состояния здоровья».

И резолюция Ельцина: «Согласиться».

Составляя то заявление, я преследовал чисто корыстные цели: после того, как в 1991-м я перенес на ногах несколько инфарктов, у меня периодически начинали возникать проблемы со здоровьем. Если бы меня уволили, я автоматически лишался медицинского обеспечения. А так за мной оставались все соответствующие льготы. Хотя я прекрасно понимал: как только заявление будет подписано, никто моей дальнейшей судьбой заниматься уже не будет.

Шамиль на меня, конечно, взъелся. В глубине души он наверняка прекрасно понимал, что заявление — мой открытый протест против всего, что происходит вокруг. Но мне он тогда сказал, пытаясь давить на эмоции:

— Меня, получается, вы бросили?

На это я уже не повелся, Ответил:

— «Бросили», «подставили», «подвели» — это, Шама, уже не ко мне. Если вы предпочитаете играть в собственные игры, организовывать партии и все прочее, обрамлять ваши телодвижения собственной должностью и персоной я не собираюсь. Так что прошу тебя, не надо…

Глава 14. Русская рулетка

В 1995-м я в очередной раз лежал в больнице, на обследовании. В один из дней ко мне приехал Лев Борисович Кофман. Поинтересовался самочувствием, планами. И между делом говорит:

— Знаю, что у вас сейчас непростые времена, но может быть какой-нибудь совместный проектик сделаем?

Так был сделан первый шаг к созданию группы «Вело-98 Плюс». К тому времени мы уже успели провести в Москве Тур де Франс и я мечтал о том, чтобы создать в стране собственную профессиональную команду, которая могла бы принимать участие в крупнейших велогонках под флагом нашей страны.

Кофман дал помещение, которое располагалось на набережной возле Лужников. Небольшое, но уютное, а главное — с телефоном. Мы организовали группу (как раз тогда я познакомился с Александром Полинским, а впоследствии сдружился с ним) и начали работать. Нашим спонсором стал Национальный фонд спорта.

Я не случайно в свое время вывозил на Тур де Франс Борю Федорова, Тарпищева и кого-то еще из их компании, чтобы они своими глазами увидели на Елисейских полях финиш гонки, увидели, какой политический народ там собирается. Был абсолютно уверен, что заразил их своей идеей насчет профессиональной команды. Во всяком случае Федоров, как президент НФС дал согласие на то, что фонд будет эту команду финансировать, и даже предложил, чтобы президентом команды стал я. Но я отказался. И президентом стал Полинский — я уже тогда ощущал в нем очень контактного и одновременно с этим очень делового человека, способного решать задачи любой сложности. Что, собственно, и подтвердила вся дальнейшая работа Полинского, когда он возглавил Дирекцию по проведению спортивно-зрелищных мероприятий.

Думаю, что толчком к созданию такой организации в том числе стал наш с Полинским совместный выезд на Тур де Франс, когда Александр увидел, какую махину являет собой организационный комитет гонки. ДСЗМ в его нынешнем виде — ярчайший пример равнозначности сторон в треугольнике «Спортсмен — Тренер — Администратор». Полинский не был великим спортсменом, но досконально знает спорт, любит его и готов часами напролет о нем говорить. А кроме того, его концепция организации спорта полностью совпадала с моей собственной — наверное поэтому нам всегда было легко работать

вместе.

Когда мы вникали в то, как устроен Тур де Франс, то смотрели и на другие схожие примеры: изучали организационную сторону итальянской Джиро Д'Италия, испанской «Вуэльты», я рассказывал про велогонку Мира. И оба сходились в том, до какой степени не хватает нашей стране механизма, способного «запустить» спорт на новую орбиту. Заниматься с ним не с позиции «Провели турнир, подписали бухгалтерскую ведомость и разошлись по домам», а разрабатывать стратегию, придумывать новые формы, поднимать организацию турниров на международный уровень, понимая, что это уже не только бизнес, но и имидж страны.

Точно таким же имиджевым проектом нам представлялось в те годы создание собственной профессиональной велосипедной команды.

* * *

Пока шло обсуждение идеи ее создания, Боря упорно уговаривал меня возглавить лотерейный бизнес в стране. Я знал, что Смирнов на протяжении нескольких лет везде, где только мог, и Федорову — в том числе, твердил о том, что Олимпийский комитет Италии имеет свою лотерею, за счет которой итальянский спорт, собственно, и живет. И что достаточно сделать то же самое у нас в стране, как жизнь заиграет совершенно иными красками.

На позицию руководителя Федорову нужен был, во-первых, тот, кого он знает, а, во-вторых, он полагал, что раз я — человек динамовской системы, значит, правоохранительные органы не начнут ставить нам палки в колеса. По сути это конечно же была сделка: я давал согласие, взамен получал гарантию финансирования команды.

Не сказать, что я был готов к тому, чтобы возглавить лотерейный бизнес, скорее, в общих чертах понимал, о чем идет речь. У нас в стране на тот момент было «Спортлото», да и по велосипедной линии тема была не нова: в Тур де Франс гонялась бельгийская команда «Лотто», австрийский велоспорт тоже базировался на игорном бизнесе.

Собственного игорного опыта было у меня немного. Весь он начинался и заканчивался единственным посещением казино в Манчестере, когда я был там в составе инспекционной комиссии. Попал я туда с целью посмотреть, что же такое игровые автоматы и рулетка — до этого только в кино все это видел. Вот мы и

поехали на экскурсию.

Как новичка, меня, разумеется, немедленно стали провоцировать на то, чтобы сделать ставку. Я сначала отнекивался: мол, не охотник и не игрок — даже в карты, не говоря уже о более азартных играх. Но соблазн же! В общем, поставил пятьдесят фунтов на какое-то число, и совершенно неожиданно выиграл 100. Забрал их, с большим, надо сказать, удовольствием, в бумажник спрятал, на этом с рулеткой и закончил.

О своем официальном назначении я узнал достаточно курьезным образом. Одно из совещаний по линии Международной федерации велоспорта проводилось в Швейцарии, куда к тому времени переехала штаб-квартира UCI. В тот год российское посольство готовилось отметить двухсотлетний юбилей перехода Суворова через Альпы и наш посол Андрей Иванович Степанов попросил меня помочь: передать Ельцину записку с просьбой выделить посольству хоть какие-то деньги — чтобы была возможность привести в порядок суворовский мемориал на перевале Андерматт. Тех денег, что были заложены на эти цели в посольском бюджете, хватало лишь на то, чтобы покупать цветы и раз в год возлагать их к выдолбленному в скале обелиску.

Мы составили записку, которую подписали Тарпищев, министр обороны Павел Грачев, министр иностранных дел Андрей Козырев. Я даже успел организовать Степанову группу строителей-гранитчиков во главе со своим другом Юрием Павловичем Рахманиновым. Сам должен был улетать в Москву, но рано утром мне позвонил Степанов.

— Слушай, нам тут из Москвы шифровка пришла. Тебя назначили директором комиссии лотерейного и игорного бизнеса.

Потом, когда я уже вернулся в Москву, выяснились подробности: после того, как все бумаги на мое назначение были поданы на подпись президенту, кто-то из юристов или советников Ельцина сказал:

— А почему речь идет только о лотерейном бизнесе? Завтра ведь наверняка придете комиссию по игорному бизнесу создавать? Давайте уже сразу, одним ударом вопрос решим. Надо же наводить в стране порядок?

* * *

Сейчас, оглядываясь на тот период, я понимаю, что нам

просто повезло, что комиссию закрыли через год. По тем временам, игорный бизнес постоянно сопровождался стрельбой: одни приходят играть, другие у них выигранные деньги отбирают, и так далее. Профессиональных специалистов по игорному делу, которые знали бы, что такое крупье, как их готовить, как работать с клиентами, в стране не было. Новые игровые автоматы никто не покупал — завозили купленных за бесценок «однооруких бандитов», давно выработавших свой ресурс. Химичили с рулетками, обвешивая их магнитами. Если крупье уличали в нарушениях в одном городе, он тут же переезжал куда-то еще. Не было ни учета, ни контроля, ни аттестации.

Одним из моих хороших приятелей был тот самый Юрий Павлович Рахманинов, к сожалению уже ушедший из жизни, который помогал реставрировать суворовский мемориал на перевале Андерматт. Он был внучатым племянником композитора Рахманинова, но сам не имел к музыке никакого отношения — всю жизнь работал в строительстве, получил звание Героя Соцтруда, как метростроевец-тоннельщик. У него имелась любимая присказка на все случаи жизни. Каждый раз, когда возникала какая-то сложная проблема и к нему обращались за помощью, он отвечал: «Надо сесть за стол, как следует надраться, и сразу же на трезвую голову принять решение»

Мы в те годы много общались, вместе выезжали в Ивановку на «Рахманиновские вечера», причем саму усадьбу, в которой располагался рахманиновский музей, Юра восстановил за свой счет. В Москве за кинотеатром «Россия» он поставил своему знаменитому деду памятник. В силу режимности своего предприятия выехать за границу он в те годы не мог, поэтому когда узнал, что я по каким-то делам собираюсь в Нью-Йорк, попросил найти возможность выбраться на могилу Сергея Васильевича в Валгаллу. Я съездил, это где-то два с лишним часа от Нью-Йорка, нашел могилу, сфотографировал ее.

Тогда Юра сильно помог мне тем, что пролоббировал для нашей комиссии режимное помещение, куда было невозможно просто так зайти с улицы. Как-то мне из кадрового аппарата Белого дома прислали заместителя — совсем молодого парня. Он приходит утром на работу, хвастается: вчера, мол, так классно с ребятами погуляли…

Я напрягся:

— Где погуляли?

— Да тут рядом, после работы в «Метелицу» зашли, я представился, удостоверение показал. Нас и приняли как надо, и накормили бесплатно.

Я аж зарычал:

— Ты понимаешь, идиот, что нас в любой момент могут прийти и всех расстрелять? Ты, может быть, и денег у них взаймы попросил? Чтобы в два часа твоей ноги здесь больше не было!

Лотерейного реестра в стране тоже не существовало. При этом свои лотереи имелись у кого ни попадя. Одна из таких лотерей была валютной, причем разрешение на нее было получено абсолютно официально. Распоряжались всем этим два человека: один сидел в Нью-Йорке, второй в Москве. Когда я попытался в этом разобраться, мне было сказано:

— Вы можете с нами судиться, молодой человек, но только в Стокгольмском суде. У вас есть деньги на судопроизводство?

Была лотерея Союза полярников, Я как-то позвонил Чилингарову:

— Артур Николаевич, на Кольском полуострове не нашли города, где зарегистрирована ваша лотерея. Разберитесь, ради Бога.

Был еще более скандальный случай. В Нижнем Новгороде зарегистрировали лотерею Союза пионерских организаций России. Однажды ко мне в Москву приехал ее представитель, записался на прием. Я вызвал секретаря, понимая, что сам могу сейчас просто сорваться, прошу ее:

— Лилия Яковлевна, вы взрослый человек, сами подумайте: нам нужны эти неприятности? Я же сейчас мало того, что матом кричать буду, вообще могу убить этого ходока ненароком. Вы ему передайте: когда пионерскую организацию восстановят, тогда пусть и приезжает…

Самое смешное, что с этим человеком много лет спустя мы совершенно случайно встретились на отдыхе. Он уже стал к тому времени большим политиком, даже медалью меня как-то награждал в связи с юбилеем Минатома. Но то было в официальной обстановке, а тут сели вместе чайку попить, пообщаться. Я ему и говорю: спасибо, мол, еще раз за медаль, а кроме этого извиниться хотел. Я вас, оказывается, не принял, когда за лотереи в стране отвечал…

Ну, посмеялись вместе, на этом все закончилось. Хотя я тогда много думал о превратностях жизни: политический потенциал у человека был громадным, а жизнь заставила лотереями заниматься, чтобы банально выживать. Тем более, Нижний Новгород — не Москва. Ну, какие там могли быть махинации?

* * *

В чем заключается принципиальное различие между

лотерейным и игорным бизнесом, я понял достаточно быстро: в лотереи играют бедные, а игорный бизнес — исключительно для богатых. Соответственно и схемы там совершенно разные. Попытка механически перенести лотерейную философию на игорный бизнес не просто не имела шансов прижиться, но была утопической. Государство может распоряжаться лотереями, но ни при каких обстоятельствах не должно впрямую брать деньги с игорного стола. Для этого существует другой сегмент: аттестация крупье, причем крупье за свое обучение и лицензию платит сам, сертификация оборудования, чтобы в те же казино завозились не давно списанные рулетки и столы, а те, что соответствуют профессиональным требованиям.

Я тогда поднял много литературы, изучил все, что только сумел найти: всю историю лотерей в мире, где, когда, как и с чего все это начиналось. Встречался с Чаком Норрисом, когда тот приезжал в Москву. Чак уже в те годы активно занимался игорным бизнесом в Америке, так что применительно к нашей стране с ним тоже было, что обсудить.

На основании всего опыта, что мне удалось тогда набрать, я составил докладную записку и направил ее Ельцину — «О состоянии игорного бизнеса в стране». Изложил там все свои предложения по созданию общероссийского Лас-Вегаса: внутри одна правоохранительная система, снаружи — другая система, и так далее. На мой взгляд, казино и игровые автоматы, которыми были набиты едва ли не все московские подвалы, давно уже следовало начать убирать из города.

Резолюция была положительной, и моя записка ушла по инстанциям — в различные Министерства, в правоохранительные органы. Аппаратом Президента тогда руководил Анатолий Чубайс, он, собственно, этот процесс и контролировал.

Пока записка ходила по инстанциям, Борис Николаевич назначил Чубайса вице-премьером. Но мой вопрос по казино все не решался и не решался. В принципе я и сам прекрасно понимал: раз противостояние до такой степени велико, значит, существуют достаточно влиятельные люди в интересы которых совершенно не входит наводить в этой сфере порядок. Я же своими действиями невольно влезаю в чужие деньги и в связи с этим пора, наверное, уносить из этой сферы ноги, если не хочу, чтобы вперед ногами вынесли меня самого.

В это самое время Борис Федоров распорядился прекратить финансирование велосипедной команды «Рослотто».

* * *

Когда мы брались за создание команды, я исходил из того, что свою профессиональную команду такой стране, как наша, конечно же нужно иметь. Просто прежде чем ее создавать, нужно было четко разобраться с задачами: ты видишь через нее исключительно собственный бизнес или имиджевую политику и подтягивание российского бизнеса через спорт на международный уровень? У нас, если разобраться, производится не так много спортивных товаров, которые способны заинтересовать Запад. Хотя современными технологиями в этом отношении наша страна обладает. Много лет назад, когда на рынке появились дисковые колеса, наши умельцы их делали. У нас есть металл. Тот же «Металлинвест» Алишера Усманова вполне мог бы производить полозья для бобслея и санного спорта, для коньков всех мастей — от хоккея до фигурного катания, фехтовальное оружие. То, что «Металлинвест» всем этим не занимается — другой вопрос. Но в мировом бизнесе неоднократно опробована схема, когда через какой-то один продукт компания выходит на рынок мировой спортивной индустрии и столбит за собой определенную нишу.

Вот в такой вариации велокоманды — это классика рекламного бизнеса. Тем более что на тот период времени Тур де Франс стоял на третьих-четвертых позициях в мировом телевизионном рейтинге. Кто в мире мог найти на карте Астану, до того, как у казахов не появилась одноименная профессиональная велосипедная команда? Это ведь был гениальный политический ход — дать такое название. А тогда еще у «Астаны» пошли успехи, выигрыши, и прочее.

Когда Абрамович купил «Челси», его у нас в стране не критиковал только ленивый. Он, кстати говоря, на том этапе очень много занимался развитием футбола и в России, постоянно давал деньги на детский футбол. Просто об этом не писали. С покупкой «Чесли» он всем продемонстрировал, что профессиональный спорт — это бизнес. Кто бы пустил Абрамовича в деловые круги Великобритании, если бы он не открыл эту форточку, купив клуб? Благодаря этому он вошел в английские футбольные круги, его приняли в деловом мире. При этом в первые пять лет Абрамович тратил на клуб огромные суммы, свыше 150-ти миллионов фунтов ежегодно. А в прошлому году доход «Челси» за счет трансферной политики составил 450 миллионов.

По большому счету Абрамович с той своей сделкой стал первым, кто показал всем нашим олигархам, как можно организовывать работу в спорте с точки зрения бизнеса. Усманов, приобретя акции «Арсенала», стал вторым. Тем же путем сейчас

идут китайцы, развивая у себя футбол. Но тогда это был классический пример, когда человек пришел с деньгами и не пожадничал в стремлении как можно быстрее получить прибыль, а сознательно вложился в достаточно затратный проект.

Федоров был из того же поколения бизнесменов, что Абрамович, Борис Березовский, но относился к собственному бизнесу совершенно с других позиций. Может быть, ему не хватило провидения в этом вопросе, может, не ощущал достаточной поддержки. Но скорее всего сама ситуация с очень быстрым и легким заработком за счет льготного ввоза в страну водки и сигарет, заслонила все остальное. Когда пошли такие деньги, стало уже не до спорта.

* * *

Если говорить о «Рослотто», это была, конечно же, трагическая история. Я ведь не случайно стремился заручиться гарантиями, когда мы только начинали все это создавать. Когда брался за лотерейный бизнес в том числе.

Энтузиазм при создании команды у всех был большим. В качестве генерального менеджера мы привлекли Морено Аржентина, лучшего из итальянских гонщиков того времени. Среди спортсменов были достаточно сильные иностранцы, плюс — наши гонщики. Тренировал команду Николай Горелов. В общем, все начиналось просто замечательно. Но очень быстро в федоровском кругу начались разговоры, что велосипедная команда только и делает, что расходует деньги, ничего не давая взамен. Я, как мог, тогда объяснял, как устроен мировой велосипедный бизнес. Что в первые три-четыре года ни одна команда не может стать прибыльной. Сначала она должна занять определенное место в рейтинге, чем выше это место окажется, тем активнее начнут подтягиваться спонсоры, и можно будет начинать вести речь о компенсировании затрат.

Федорову я говорил напрямую: «Боря, если ты ставишь вопрос о немедленной доходности команды — это не для меня. Если же речь идет о стабилизации наших позиций на международной арене, значит нужно просто потерпеть — не такие уж большие деньги поставлены на кон».

Проблема была и в том, что вокруг Национального фонда спорта безостановочно паслись и крутились многие, кто хотел получить деньги на какие-то свои проекты. Знаю, что и к Тарпищеву, и к Федорову постоянно обращался Александр Гомельский. В каждый свой визит он постоянно заводил одну и ту

же тему: «Дайте денег на баскетбол, на велосипед ведь даете?».

С профессиональной точки зрения вся эта ситуация была для меня достаточно оскорбительна — все моральные обязательства перед гонщиками, перед UCI я тогда взял на себя. Соответственно, когда все начало рушиться, под удар попал и мой международный авторитет. Затевать подобный проект, чтобы потом вот так позорить собственную страну, не стоило точно. Но деваться уже было некуда.

Когда команду закрыли и начались судебные процессы по поводу невыплат гонщикам и персоналу, газета «Коммерсант» посвятила команде целую статью. В ней было написано:

«Финансовый крах, постигший в 1997 году российскую профессиональную велокоманду «Рослотто» по вине ее учредителя Национального фонда спорта, по мнению многих спортивных специалистов, нанес больший вред российскому спорту, нежели неучастие в Лос-анджелесской Олимпиаде-84. Шлейф той, в целом позорной для отечественного спорта истории, тянется до сих пор, грозя перерасти в новый грандиозный скандал и привести к отлучению российских велосипедистов от Сиднейской Олимпиады.

Свою кампанию против российского велоспорта в целом Международный союз велосипедистов (UCI) начал в августе, в ультимативной форме поставив участие сборной России в двух октябрьских чемпионатах мира (шоссейном и трековом) в прямую зависимость от того, будет ли к октябрю российской стороной выплачен оставшийся долг гонщикам «Рослотто». А это ни много ни мало $250 тыс. Учредители «Рослотто» — НФС, которому принадлежала команда, а также контролируемая им компания «Российские лотереи», чье название носила велогруппа, фактически перестали существовать и полностью отстранились от разрешения данного кризиса. Поэтому крайней в сложившейся ситуации оказалась Федерация велоспорта России (ФВСР)…»

* * *

В попытках погасить скандал я тогда обращался за помощью к Смирнову, к Васину, который занимал в Национальном фонде спорта не последнюю должность. У Федорова в приемной я ежедневно просиживал по два-три часа, в ожидании, когда у него найдется на меня время. Уговаривал, просил: «Спасите!» Для того, чтобы погасить все долги, нужно было всего три миллиона долларов.

Потом что-то выплатили людям по судебным издержкам, что-

то компенсировала итальянская сторона. Аржентину вся та история полностью отравила как тренерскую, так и менеджерскую дальнейшую жизнь в велоспорте. Меня тоже тряхануло прилично: я попал в больницу, лежал там, наверное, дней десять. Ребята приезжали навещать, и было очень горько понимать, что я старался сделать для них все, что мог, но ничего по большому счету сделать не сумел.

Глава 15. Крутой вираж

В самом конце 1970-х, работая в Спорткомитете СССР в отделе велосипедного спорта, я довольно близко познакомился с Леонидом Васильевичем Тягачевым. Он тогда только-только закончил горнолыжную карьеру, привез из-за границы призовой «Ситроен», расписанный в цвета всех возможных рекламных брендов и просил содействия Сергея Павловича Павлова в оформлении машины в ГАИ, поскольку по тем временам это была та еще кутерьма.

Когда в 2001-м Виталий Георгиевич Смирнов передавал Тягачеву бразды правления в Олимпийском комитете России, ему в узком, разумеется, кругу был задан вопрос: «Почему Тягачев?»

Смирнов тогда сказал замечательную фразу: мол, время сейчас сами знаете какое, а Леонид Васильевич кроме всего прочего гораздо лучше меня ходит по кабинетам власти.

Это действительно было так и остается по нынешнюю пору. Леонид Васильевич всегда был феноменально контактным человеком, умел мгновенно завязывать и выстраивать отношения на любом из этажей власти, одновременно вовлекая в свой вид спорта самых различных людей вплоть, как известно, до президента нашей страны.

У нас с Тягачевым был один общий друг Алексей Алексеевич Лихачев, начальником которого в Московском обкоме партии был управляющий делами Вадим Григорьевич Чубаров. С ним в свою очередь дружил Петр Степанович Богданов. Леня сумел всех их активно вовлечь в горнолыжный спорт: вытаскивал к себе в Деденево, откуда он родом, и где впоследствии создал свою горнолыжную школу, экипировал, ставил на склон, учил кататься, в общем, в любой компании все крутилось вокруг него.

В 1983-м, когда Тягачев занимал пост главного тренера советской горнолыжной сборной и был настолько успешен, что признавался лучшим тренером мира, с ним как-то случилась большая неприятность. После одной из поездок команды за рубеж в Спорткомитет пришла официальная бумага о том, что Тягачев нарушил таможенный режим.

Что именно там на таможне произошло, я, честно признаться, не знаю по сей день. Подозреваю, что была какая-то ерунда типа лишней пары джинсов или чего-то еще. Но по всем тогдашним понятиям Тягачева конечно же должны были достаточно сурово наказать — вплоть до того, что снять со всех занимаемых постов и сделать невыездным. Председателем Спорткомитета тогда уже был Марат Владимирович Грамов, у которого я работал

заместителем, он пригласил меня в свой кабинет и спросил:

— Что будем делать с Тягачевым?

В то время у нас только-только сменилась спортивная власть в Узбекистане, к руководству тамошним Спорткомитетом пришел хороший специалист и совершенно замечательный человек — Мирзаолим Ибрагимов. Как раз в то время он приехал в командировку в Москву по каким-то своим делам, мы встретились, обсудили в числе прочего ситуацию с Тягачевым. Заодно выяснилось, что второй секретарь ЦК компартии Узбекистана Леонид Иванович Греков прекрасно Тягачева знал — катался одно время у него на горных лыжах. Желание вытащить Леню из той истории было у нас очень сильным: все понимали, что дело не стоит выеденного яйца, но жизнь человеку эта ерунда может сломать навсегда.

Грамову я тогда сказал:

— Давайте отправим Тягачева в Узбекистан? Выделим ставку, пусть поработает тренером годик-другой. А в Москве за это время все утихнет.

Грамов вытаращил глаза:

— Тягачева? В Узбекистан? Там же горных лыж нет. Какие вообще там могут быть лыжи?

Я же продолжал гнуть свою линию:

— Вот и замечательно, что нет. Отправим Тягачева — горные лыжи появятся. Снег он где-нибудь в предгорьях найдет, подъемники поставит. Чтобы Леня — да не сделал?

Так оно кстати потом и получилось. Я вызвал к себе Тягачева, объяснил ему ситуацию, и он поехал в Узбекистан.

Потом эта вынужденная «ссылка» сослужила ему немалую службу. Благодаря горным лыжам, он попал в тот самый мир Востока, куда очень неохотно во все времена впускали чужих: сначала стал тренером узбекской сборной, потом параллельно с этой работой занял пост советника по спорту, туризму и отдыху, а в 1985-м вернулся в Москву и сразу возглавил федерацию горнолыжного спорта. Он действительно был человеком горнолыжного полета — находился в гигантском слаломе и скоростном спуске одновременно.

Особенно я зауважал Тягачева тогда, когда после проигранной в Ванкувере зимней Олимпиады Леонид Васильевич подал в отставку.

В ноябре 2009-го, когда уже вовсю шла подготовка к перевыборам президента ОКР, я, понимая, что переназначение на подобный пост должно быть согласовано на самых «верхах» российской власти, спросил Леню, получил ли он «добро». Он тогда сказал, что «добро» получил, но если результат Игр в

Ванкувере окажется неудовлетворительным, тогда скорее всего пост придется оставить.

Ванкувер мы, как известно, проиграли, после чего Тягачев сложил с себя полномочия президента ОКР, не дожидаясь, пока решение примет кто-то сверху и не рассчитывая на то, что может быть удастся уцелеть.

Еще одним очень ценным качеством Леонида Васильевича было то, что находясь много лет на высшем руководящем посту в олимпийском комитете, он постоянно искал способы как-то продвинуть спорт, окружить его полезными для дела влиятельными людьми, при этом всегда помогал людям, когда имел такую возможность. И никогда не сделал никому ничего плохого.

* * *

Общаясь в те годы с Тягачевым, я очень часто думал о том, что настоящая ценность товарищества заключается в умении протянуть человеку руку в тяжелый для него момент. Когда нужно всего лишь чуть-чуть поддержать, подставить плечо, не оставлять человека наедине с его проблемами. У меня в жизни было немало ситуаций, когда плечо подставлял я, возможно поэтому, когда поддержка понадобилась мне самому, рядом оказались люди, искренне готовые помочь.

Себя я всегда считал достаточно устойчивым к жизненным невзгодам человеком. Возможно этому в немалой степени способствовало мое велосипедное прошлое. Много раз замечал: люди, которые выполняют большой объем физической работы, вкладывают в достижение результата больше труда, нежели остальные, более стойки внутренне, их не так просто выбить из жизненной колеи даже тогда, когда бьют с особой жестокостью. Я переживал такие ситуации трижды. Первый раз в 1992-м, когда разогнали «Динамо», а сам я в одночасье стал никем. Второй раз почву из под ног у меня вышиб уход из Спорткомитета в 1994-м и разрыв отношений со Смирновым и Тарпищевым. Третьим ударом стала история с «Рослотто».

Никаких накоплений у меня не имелось. Была семья, которую я как-то должен был кормить. И я пошел по кругу своих знакомых — авторитетных деловых людей, с которыми по жизни у меня установились хорошие контакты, причем не по спортивной линии. По спортивной я мог разве что пойти обивать пороги олимпийского комитета, а учитывая наши отношения с Виталием Георгиевичем Смирновым понимал, что никакой взаимной

«любви» у нас не получится, в каком бы качестве я под его началом ни работал.

Как раз тогда я получил совершенно неожиданное предложение — поработать в представительстве фирмы «Мерседес», которое базировалось на месте тренировочного хоккейного катка в ЦСКА. Предыдущий кандидат на эту вакансию по каким-то своим соображениям от нее отказался и тут подвернулся я.

Mercedes-Benz стал первой иностранной автомобильной компанией, кому удалось открыть представительство в России. Произошло это не без участия бывшего министра обороны Павла Грачева, оттуда же пошло известное на всю страну прозвище «Паша-мерседес»: когда из Германии выводили наши войска, то личный «Мерседес» Грачева фирма перевезла в Россию своим самолетом. И как бы в благодарность «Мерседесу» разрешили открыть в Москве свое представительство.

Мне же было предложено возглавить отдел по связям с общественностью.

Для меня эта область деятельности была не совсем знакома, хотя в общих чертах суть работы я себе представлял.

По тем временам в автомобильном бизнесе с российской стороны опосредованно участвовали очень серьезные люди, соответственно имелось большое количество негласных договоренностей и взаимных обязательств как с одной стороны, так и с другой. Я пришел на фирму в тот период, когда у немецкой стороны назрела необходимость попросить наших российских «товарищей» от этого бизнеса так сказать отойти. Ну а на момент первого моего визита в представительство мне было сказано: мол, в общих чертах вы нам подходите, но окончательное решение по поводу вашего трудоустройства будет принято после того, как вы пройдете собеседование в Германии.

Условия, которые компания готова была мне предложить, меня устраивали. Определяющим фактором были не только деньги, но и то, что в «социальный пакет» помимо всего прочего входила хорошая медицинская страховка. И я полетел на встречу с генеральным директором фирмы Стором Йоханом.

Была пятница. В аэропорту меня встретила переводчица, проводила к машине, села впереди рядом с водителем — мужчиной солидного возраста лет на пять меня старше, который был одет во что-то спортивное. По дороге он спрашивает:

— Кем бы вы хотели у нас поработать?

Я помню сильно удивился. Думаю: ему-то какое дело до этого? Настроения с кем-то разговаривать без особой на то нужды у меня вообще не было. Чувствовал только колоссальное

напряжение от всей этой поездки. Возьмут? Не возьмут? Если не подойду, опять придется по знакомым мыкаться — работу искать.

А мужику тому говорю:

— Честно говоря, я вообще хотел бы ничего не делать. Но при этом много получать и желательно — в кассе.

Вижу — водитель удивился. И снова задает вопрос.

— А какое отношение вы вообще имеете к автомобильному бизнесу?

Я продолжаю — в том же тоне:

— Да я и сам не пойму, какое отношение имею. Наверное, никакого. Но поскольку мой отец погиб в Великой Отечественной войне, вы, немцы, по контрибуции обязаны кормить меня, поить и всячески обо мне заботиться.

Смотрю, переводчица как то странно себя ведет. Моргает, страшные глаза делает. Но ничего не говорит при этом. Когда мы подъехали к гостинице, где по программе, как мне сообщили заранее, был запланирован ужин с руководителем фирмы, водитель выгрузил мой багаж и спрашивает:

— Вы, кстати, на ужин что предпочитаете? Рыбу, или мясо?

А я по-прежнему не могу понять, что ему за дело. Говорю с усмешкой:

— Раз уж за мой ужин платит приглашающая сторона, выбирать, видимо, нужно то, что подороже?

Короче, разместился, принял душ, переоделся, спускаюсь в ресторан — там за столиком вместе с переводчицей все тот же мужик сидит — только в костюме и галстуке. Переводчица представляет: «Знакомьтесь…»

Я чуть было вслух не сказал, что о ней думаю: не могла сразу предупредить, что ли? Понимаю, что кранты мне — после всего, что я немцу по дороге из аэропорта наговорил. Не успел приехать — всю биографию себе испортил…

В плане поездки, который мне прислали накануне, было написано, что ужин в день приезда — мероприятие не протокольное. Официальное собеседование было назначено на утро следующего дня, а еще через день я должен был возвращаться в Москву. Когда ужин был закончен, нам принесли кофе, потом Стор Йохан отправился в курительную комнату — выкурить сигару, еще через некоторое время ко мне подошла переводчица и говорит:

— Завтра утром вы можете возвращаться домой — билет вам уже поменяли.

Я постарался, естественно, ничем не выдать расстройства, сказал только:

— Что ж, было приятно познакомиться. Жаль, что я не

понравился вашему боссу.

Она смотрит на меня, смеется:

— Ну что вы, все совсем наоборот, вы ему очень понравились. Просто босс сказал, что ему совершенно не нужно еще раз с вами встречаться — можете возвращаться в Москву и с понедельника приступать к работе.

Я потом долго прокручивал в голове ту нашу встречу. Возможно, в мою пользу сыграл один момент беседы, который случился за ужином, когда я уже понял, с кем имею дело, и разговор пошел более серьезный. Стор Йохан спросил меня, чем я, с моей точки зрения, могу помочь его фирме в Москве. Ну я и ответил:

— Вы же читали мою биографию и в общих чертах наверняка понимаете, с кем имеете дело. Поэтому давайте сделаем так: вы скажете мне, чего бы хотели от человека на этой позиции, а я откровенно отвечу, способен ли это обеспечить.

Вот так у нас отношения и сложились. Не исключено, что Стора Йохана, как человека с достаточно большим жизненным опытом, подкупило то, что я не пытаюсь как-то с ним играть, набивать себе цену, пытаться что-то выторговать в свою пользу. Потом мы довольно часто встречались в Москве. За все время моей работы случилась лишь одна ситуация, которую Стор Йохан рассчитывал решить с моей помощью, но я не взялся. Он тогда был в Москве, встречался с какими-то российскими партнерами, а после той встречи сказал мне:

— Сделайте что-нибудь, чтобы эти люди оставили меня в покое.

Я ответил:

— Не могу. Если вы хотите, чтобы я занимался решением подобных вопросов, мне как минимум следует присутствовать вместе с вами на деловых встречах. Не потому, что мне хочется там бывать, а потому, что если я приду к вашим партнерам один, то никогда не буду точно знать, в чем на самом деле заключались те или иные договоренности и не смогу понять, говорят ли мне правду. Поэтому своей просьбой вы ставите меня в очень сложное положение.

Стор меня понял.

* * *

В представительстве за мной даже закрепили небольшую разъездную машину. В один из дней по дороге на работу я встретил Виктора Васильевича Тихонова. Он меня увидел, замер:

— Валерий Сергеевич, какими судьбами здесь?

— Вот видите, — отвечаю, — жизнь иногда вот такими сторонами поворачивается. Если ради выживания семьи нужно будет мести улицы, значит, возьму в руки метлу.

Тихонов был не единственным человеком из моей «прошлой» жизни, с которым мне тогда доводилось сталкиваться. На той позиции, что в компании занял я, до меня был тоже бывший велосипедист, заслуженный мастер спорта Анатолий Старков. Юра Романов, который был в представительстве начальником отдела продаж, до этого работал судьей международной категории по конному спорту. Но в целом народ был достаточно разношерстный и принял меня не сразу.

Я же порой чувствовал себя так, словно у меня на спине написано: «Генерал КГБ». Одно дело, когда карьерный рост происходит в одной и той же среде, где люди знают тебя годами и не раз имели возможность понять, что ты за человек, и совсем другое — прийти туда, где тебя знают лишь по анкетным данным. Порой бывало сложно. Но изменить это отношение я мог только одним — работой.

Поскольку располагалось представительство «Мерседес» на территории ЦСКА, многие армейцы считали его «своим». Миша Мамиашвили, который тогда возглавил клуб, так борцам порой и говорил: «Пойди на нашу станцию сходи?»

На территории представительства был свой сертифицированный автосервис, и я часто наблюдал, как люди начинали качать права или чего-то требовать, размахивая спортивными или депутатскими удостоверениями. Приходилось приглашать в кабинет, разговаривать за жизнь, «приземлять» людей слегка. С «братвой» было несколько сложнее. Но это тоже стало колоссальным опытом, я бы сказал — большой жизненной школой. Сюда входили контакты с районными и городскими властями, с правоохранительными органами, с бандитами.

Перед Днем милиции мне как-то передали записку начальника районного отдела МВД: «Просим перечислить деньги для награждения личного состава». Я набрал номер этого начальника, спрашиваю:

— Мальчик, ты часом не опупел? «Мерседес» — немецкая фирма. Какой личный состав? Ты хоть мозги включи — напиши, что деньги на детей просите — для подведомственного детского сада или чего-то в этом же роде.

Многие знакомые стали было обращаться ко мне в надежде получить таким образом скидку на покупку машины. Таких ситуаций я старался избегать: понимал, что я, безусловно, могу пойти к начальству, походатайствовать за кого-то. Не исключено,

что действительно добился бы какой-то скидки. Но где гарантия, что тот, кто обращается с просьбой, сочтет эту скидку достаточно хорошей? А если не сочтет — значит я тут же оказывался бы меж двух огней: с одной стороны, в фирме подставился, с другой — дружеские отношения под удар поставил. Ну и зачем?

Помню, директор попросил меня пригласить на фирму кого-нибудь из государственных чиновников, если это возможно. Просто в представительских целях — познакомиться. Я пригласил. В десять утра приехал человек: Напыщенный, волосы тщательно уложены, в костюме от Кардена, в светлых ботинках ручной работы из крокодиловой кожи…

Мне директор потом и говорит:

— Это точно государственный человек? По-моему, вы кого-то не того к нам привезли.

Я усмехнулся:

— Того, того, не расстраивайся.

Еще приходилось постоянно контролировать отношения с налоговой полицией: столь крупной иностранной компании, как наша, могли запросто в любой момент устроить «маски-шоу», причем как по поводу, так и без. «Мерседес» же!

В налоговой тогда работал один бывший сотрудник милиции, офицер в достаточно высоком звании, который ездил на «Фольксвагене». Как же он меня доставал! Однажды приехал на машине, глаза мутные, речь невнятная — явно «после вчерашнего», и говорит мне, обращаясь на «ты»:

— Вчера где-то колпаки потерял. Не знаешь, где можно взять?

Я вежливо начинаю объяснять:

— У нас здесь «Мерседес», а вам нужен «Фольксваген».

— И чего теперь? Купить что ли нельзя?

— Здесь — нельзя. У нас в салоне вообще нет такой продукции.

— Ну так пошлите кого-нибудь, пусть купят! И там у вас это, бутерброды с икрой внизу. Можешь принести — к чаю?

Другой приехал на прилично помятой машине. Спрашиваю его:

— Где так угораздило-то?

— Да вчера в гараж въезжал после ужина с друзьями, немного не вписался, пришлось проехать сквозь стенку.

В общем, тогда я очень быстро почувствовал: когда спускаешься на подобный уровень после многих лет, проведенных на «верхнем» этаже, это отрезвляет очень сильно.

* * *

Автомобильный бизнес проходил в России все те же самые стадии, как и любой другой. Со всеми сопутствующими особенностями, так сказать. Помню, нам долго не удавалось собрать всю необходимую документацию на то, чтобы начать строительство нового здания, куда планировали перевести представительство. Устно такое разрешение давно уже было получено, но на каждом этапе оформления бумаг возникала какая-то закавыка. Когда строительство здания подходило к концу, я уже не работал в компании, но периодически меня по-прежнему просили помочь с решением тех или иных вопросов.

Не хочу сказать, кстати, что все было так уж плохо: многие вопросы удавалось решать без какого бы то ни было ущерба для самолюбия. Например, когда на фирме в какой-то момент возникли проблемы с питанием, я попросил смету, чтобы получить представление, какие суммы фирма затрачивает на обеспечение сотрудников едой и нашел прекрасного шеф-повара. Как раз в то время в Россию вернулся мой хороший знакомый, который много лет работал шеф-поваром в российском посольстве в Женеве. Мало того, что человек прекрасно готовил, он был из числа умельцев, которые могут организовать поистине царский пир из «трех копеек». Продолжать серьезно работать в России он не собирался, поскольку уже вышел на пенсию, но к нам пойти согласился с радостью, чтобы совсем не «закиснуть», сидя дома. Тем более что жил по-соседству. Счастливы были все.

В целом же я тогда часто вспоминал об известном постулате, что человека на протяжении его жизни надо периодически опускать на дно, для того чтобы выбираясь наверх, он был способен лучше понимать, что такое счастье, и ценить его. Наверное, это мудрость — понимать, что все люди разные. Что самое бессмысленное — пытаться кого-то переломить «под себя». Но точно так же нельзя позволять, чтобы ломали тебя самого.

Чем дольше я работал в автомобильном бизнесе, тем отчетливее понимал, что занимаюсь совершенно не своим делом — несмотря на то, что в целом справлялся со своими обязанностями неплохо. Класть на это остаток жизни, честно признаюсь, не хотелось. Все-таки мир, в котором я прожил много лет и в котором остались друзья, был несколько иным. Да и потенциал был накоплен иной. Продолжать делать вид, что в моей жизни все нормально, я тоже больше не мог. Видимо, наступил какой-то внутренний предел и нужно было просто выбирать: либо окончательно опускаться на уровень «подай — принеси», либо послать всю эту публику по известному адресу.

Поэтому, когда мне предложили войти в руководство ассоциации летних видов спорта России, я согласился сразу.

Глава 16. Кто заказывает музыку

Единственным местом, где в «лихих девяностых» водились деньги, был Национальный фонд спорта — своего рода спортивная олигархия, созданная на предмете дефицита экономики страны. Фонд по сути занимался той продукцией, которая в цивилизованных странах образует государственный бюджет — сигаретами и алкоголем. В его деятельности вообще отсутствовали те сегменты, на которых строилась работа аналогичного американского фонда спорта: рекламой НФС не занимался, каких бы то ни было пожертвований извне тем более не было. Вместо этого шло непрерывное отщипывание от государственного бюджета по принципу: откройте нам на недельку два метра границы, и больше ничего не нужно.

Плюс — НФС постоянно лоббировал и другие олигархические круги, создавал вокруг себя консорциум. Соответственно первым олигархом в нашей стране стал как раз Боря Федоров. Именно он первым начал деятельность, которая всем понравилась. Сам по себе Боря был человек ниоткуда: не имел отношения ни к спорту, ни к управлению, ни к тренерской деятельности. Он просто правильно уловил ситуацию в стране. Про таких говорят: «Вовремя подсуетился».

В нашей стране так повелось, что определенные представители спорта всегда были близки к первым лицам государства. Когда в российской политике началась эпоха Бориса Ельцина, рядом с ним оказался Шамиль Тарпищев. О какой большей близости к власти и государственной поддержке можно мечтать, выстраивая схемы управления и экономического обеспечения спорта?

Начинать следует с того, что спорт, и в особенности профессиональный, это зеркальное отражение экономики. В 90-х годах, когда на фоне перехода из одной политической системы и экономики в другую начал зарождаться наш российский олигархизм, когда ближе всех к президенту оказался человек из спорта, и все поняли, что власти это нравится, многие сделали для себя вывод, что самый короткий путь взаимодействия с этой властью может пролегать именно по такой схеме — через спорт.

Схема стала работать безотказно: когда спорту требовались деньги, а денег не было, тут же рядом с первыми лицами государства появлялся тот или иной олигарх, который давал понять: «Я здесь. Готов помочь. Только квоту увеличьте, пожалуйста — на прокачку газа или добычу нефти».

Потом этот олигарх собирал своих акционеров и говорил им:

— Ребята, денег нам дали. Но немножко придется отстегнуть на спорт.

В спортивных кругах человек бил себя в грудь: мол, свои кровные деньги на спортсменов трачу, ничего для спорта не жалко. Но давал-то он не свои. И разумеется не афишировал тот факт, что «государь» дал право безо всякого напряжения и вложения каких бы то ни было собственных усилий дополнительно неплохо заработать — стать чуть богаче.

Все это совпало с тем периодом, когда в структуре управления из названия руководящего спортивного органа исчезло слово «спорт». Как я уже упоминал, сначала Спорткомитет был преобразован в Комитет РФ по физическому воспитанию и массовому спорту, а в самом конце ноября 1992-го — в Комитет по физической культуре.

Это в числе прочего означало, что никакого финансирования на спорт высших достижений государственная система страны не предусматривает в принципе. На тот момент, когда Борис Ельцин через Тарпищева отписал Смирнову бывшее здание Спорткомитета на Лужнецкой набережной, позиция руководства российского национального комитета была довольно кичливой: мол, отдайте нам здание, а денег мы сами заработаем. На самом деле денег не было ни в федерациях, ни в олимпийском комитете — образовался абсолютный финансовый вакуум.

Кадровый состав по тем временам оставлял желать лучшего просто в силу того, что большинство специалистов были уже в пенсионном или предпенсионном возрасте. Среди них, тем не менее, были совершенно выдающиеся тренеры: в баскетболе — Евгений Гомельский, в художественной гимнастике — Ирина Винер, которая тогда только-только приехала в Москву из Узбекистана. Лев Борисович Кофман тогда как чувствовал, что ситуация становится малопредсказуемой, поэтому создал самостоятельную спортивную структуру, которая называлась «Московское физкультурно-спортивное объединение», чем в профессиональном плане спас очень многих хороших специалистов.

А люди, оставшиеся в федерациях без копейки денег, были вынуждены самостоятельно искать, где эти деньги можно взять.

Первым был Сыч, который, к сожалению, поплатился за это жизнью. В 1993-м Валентин Лукич возглавил Ассоциацию хоккея России, три года спустя добился создания Российской хоккейной лиги. Он тогда сумел пробить в Национальном фонде спорта право сегментарного использования функций фонда, стал самостоятельно заниматься коммерческой деятельностью и тем самым поднимать российский хоккей. Или точнее сказать, не

давать ему окончательно умереть. Просто по тем временам заниматься коммерцией было равнозначно тому, чтобы ходить по городу с гранатой, у которой выдернута чека. Любая ошибка могла стоить жизни — что в итоге с Сычом и произошло.

* * *

Слова «олигарх» тогда не существовало вообще. Были «новые русские», которые стали появляться во всех сферах жизни и спорте в том числе. Обидно было даже не то, что они захватили рычаги управления, а то, что мы сами добровольно эти рычаги им отдали. Ну а потом, когда к власти в стране пришел Владимир Владимирович Путин, и все поняли, что его любовь к спорту ничуть не уступает ельцинской, оказаться рядом к спорту в том или ином качестве стало трендом. Чтобы показать: «Я тоже здесь. Я тоже развиваю спорт».

Деньги же были нужны постоянно, причем большие. Они шли прежде всего на так называемое внебюджетное финансирование федераций, сборных команд. Потом пошла подготовка к выдвижению Сочи на право проведения Олимпийских игр-2014, России — на право проведения чемпионата мира-2018 по футболу. Средства исправно поступали в кассу, и мало кто в те времена вообще задумывался о том, что бизнес никогда не пришел бы в спорт, если бы не видел в нем своих интересов.

Ну, а придя к руководству спортивными федерациями и закрепившись в них, олигархи начали диктовать свои условия.

Поначалу этому вообще не придавали большого значения: всем нравилось, что стали появляться деньги, оплачиваться всевозможные поездки, закупалось оборудование, экипировка. О том, что деньги расходуются крайне неэффективно, никто до поры до времени не думал вообще.

Приведу простой пример: Игорь Макаров за пять последних лет перед Олимпийскими играми в Рио-де-Жанейро вложил в велосипедную команду «Катюша» порядка трехсот миллионов долларов. Вклад этой команды в олимпийскую медальную «копилку» России составил 11 процентов. Все остальное принес велотрек, который все эти годы развивался за счет бюджета Министерства спорта.

Или взять команду Олега Тинькова. Что она дала российскому велоспорту за все время своего существования? Тиньков, создавая и раскручивая команду, использовал имидж России, имидж российской федерации велосипедного спорта, повысил имидж собственного банка — на этом все и закончилось.

Он не открыл ни одной школы, не создал ни одного велосипедного центра. А ведь привлечение в спорт олигархов имело своей первоначальной целью именно развитие спорта в стране.

Тот же Михаил Прохоров за время своего царствования в биатлоне купил баскетбольный клуб в США, и я вынужден рассуждать таким образом, что через биатлон он просто построил для себя своего рода переходный мостик, позволяющий войти в деловые круги в США подобно тому, как в английские бизнес-круги вошел Роман Абрамович, купив «Челси».

Просто прошло слишком много лет, прежде чем стало очевидно, до какой степени мала эффективность использования в спорте российского бизнеса. Пожалуй, единственным кто всегда выделялся из общего ряда, был Алишер Усманов, который достаточно жестко контролировал финансовую сторону дела в тех видах спорта, которым оказывал поддержку, но никогда, несмотря на то, что в юности сам был неплохим фехтовальщиком, не пытался подменить собой в фехтовании весь административно-тренерский состав.

Важно было вовремя понять: как только нарушается баланс между профессиональным ядром и теми, кто приходит со стороны, управление очень быстро становится непрофессиональным. Вот и в России в силу олигархического нашествия стали выстраиваться достаточно уродливые механизмы взаимодействия. Когда вместо того, чтобы заниматься кадрами и методиками, люди стали считать своей главной задачей освоение денег. Взяв на себя финансовые обязательства по обеспечению спорта, олигархи к тому же получили некую моральную индульгенцию. Искренне решили, что все те средства, что были ими запущены в спортивный оборот, они имеют право расходовать исключительно по собственному усмотрению.

* * *

В Ассоциации летних видов спорта, в которую я пришел в конце 90-х, мы как-то проводили совещание — о роли экономики в спорте, о клубной системе. В качестве одного из докладчиков я пригласил Кущенко. И понял, что он был абсолютно уверен, что в биатлоне можно руководить процессом по тем же самым схемам, что и в баскетболе. Но дело в том, что в баскетболе, если у тебя есть деньги, ты купишь нужного игрока. Или судью. Или результат в целом. В биатлоне это не работает.

Сам по себе мир биатлона достаточно специфичен — сам я

понял это почти сразу, как пришел в «Динамо» — по тем временам среди динамовцев было немало сильных биатлонистов. Большинство людей этого мира пришли в большой спорт не с петербургских и не с московских улиц. Это люди с окраин нашей большой родины, люди с определенными жизненными устоями и философией, большие труженики, но интеллект у них скорее прагматично-житейский, нежели руководящий. Это своего рода охотники на лыжах. Ни Прохоров, ни Кущенко, никто другой из этого «глянцевого» мира, по определению не могли стать для них авторитетами. Но деньги на тот момент решали очень многое. Поэтому все встали «во фрунт».

Прохоров же стал пытаться руководить всеми процессами сразу. Сначала подтянул в федерацию большую группу управленцев из «Онексим-банка», имеющих о спорте довольно отдаленное представление, Потом рядом с ним в руководстве появился Сергей Кущенко, и биатлон в одночасье получил двух абсолютных непрофессионалов во главе вида спорта. При этом Кущенко вскоре был выдвинут в вице-президенты Международного союза биатлонистов, то есть формально получил еще больше оснований для того, чтобы продолжать рулить спортивным процессом внутри страны.

Главная беда тогдашнего спорта заключалась даже не в отсутствии финансов, а в отсутствии кадров. Если бы в том же биатлоне Прохоров и Кущенко начали всерьез заниматься кадрами, а для этого у них имелось абсолютно все, уже сейчас картина в этом виде спорта могла бы быть иной. Но они явно приходили не на длительный срок. Поэтому в том, чтобы затевать долгоиграющие проекты, не было никакой необходимости.

Дефицит кадров — это вообще было самое злободневное из всех тогдашних спортивных проблем, и не только в биатлоне. В Советском Союзе, на той площадке, где существовал «Союз нерушимый» из пятнадцати республик, национальные богатства и много-много всего прочего, этой проблемы не было вообще. Во всех республиках во главе спорта стояли очень хорошие и грамотные организаторы с колоссальным управленческим опытом. Среди местных председателей спорткомитетов, министров и прочей спортивной публики встречались интереснейшие люди. Таким был Михаил Макарович Бака, который возглавлял Спорткомитет Украины, Аманча Акпаев, который занимал аналогичный пост в Казахстане, Владимир Сергеевич Пантелеев в Московской области, Виктор Ильич Ливенцев в Белоруссии, Николай Русак и другие.

Такая же картина была и в спортивных обществах. Сильным руководителем был Виктор Владимирович Марущак в ЦСКА — он

был председателем Спорткомитета Министерства обороны, Борис Николаевич Рогатин — в ВС ДСО Профсоюзов. Когда все это рухнуло или было разогнано, а все, кто мог, ушли в бизнес или уехали за границу, на спортивные должности пришел совсем другой народ. Не сказать, что недостаточно умный или не слишком образованный, просто люди никогда не работали в таком режиме. Их никто не подтягивал на такой уровень мышления. К центральным спортивным, да и не только спортивным властям они относились с позиции: «Вот приедет барин — барин нас рассудит». То есть рассуждали люди просто: наверху есть руководитель, он за нас все решает. Если с должностей не снимает, значит, все идет, как надо. Все остальное — не наше дело.

Очень хорошо помню, как после моего назначения на пост председателя спорткомитета России мы в первый раз собрали всех этих руководителей вместе. В президиуме вместе со мной сидели Шамиль Тарпищев, Борис Федоров, вице-премьер Правительства Шумейко, кто-то еще. Федоров пришел в бордовом пиджаке, как известный персонаж из анекдотов того времени, и на него народ смотрел с большим интересом. Разве что пальцем не показывали.

Когда объявили перерыв и мы все вместе ушли в отведенную для Президиума комнату отдыха, Боря на меня набросился:

— Вы куда нас привели? Кого собрали? Что это за деревня?

Вот тогда я ему и сказал:

— Это, Боря, и есть Россия. Эти окающие, акающие, не совсем гладко говорящие люди, большинство из которых, возможно, никогда не сталкивалось с необходимостью формулировать свои мысли так, чтобы высказывать их с трибуны, — это тот самый контингент, с которым всем нам придется теперь работать. Независимо от того, хотим мы этого, или нет. А главное, Боря, не вздумай свои мысли на этот счет людям в аудитории озвучить. Ты и сам-то не всегла умеешь мысль сформулировать и до конца довести, хотя в высоких кругах вращаешься. А люди из глубинки приехали, понятное дело — подзажаты. И наша задача — суметь доходчиво объяснить, чего мы от них хотим — вот в этой новой России. Тем более, что не так много можем им предложить.

* * *

Вся та ситуация конечно же сильно контрастировала с тем, к чему я привык, работая в советское время. Тогда ведь тоже существовала практика, когда на управление спортом приходили

люди не только из профессиональной сферы, но и с комсомольской работы, с партийной. Все это обогащало спорт — точно так же, как авторскую песню в свое время обогатил приход в нее из медицины Александра Розенбаума, а из науки — Сергея Никитина. Я сам, работая в спорте уже на руководящих должностях, не раз убеждался в том, как бывают полезны контакты с людьми из других профессий, стоящими в этих профессиях выше, чем ты — в своей.

В Юрмале как-то, помню, я познакомился с интереснейшим человеком — Александром Борисовичем Чаковским. Он был писателем, лауреатом Сталинской и Ленинской премий, Героем Соцтруда, много лет возглавлял «Литературную газету» и сделал ее одним из популярнейших изданий в стране. С ним было интересно даже просто говорить о спорте. Несмотря на то, что Чаковский на момент нашего знакомства был человеком в очень солидном возрасте, он отличался минимальной степенью консерватизма в оценках.

Столь же интересной личностью был заместитель министра иностранных дел Анатолий Адамишин. Он прекрасно играл в теннис, приезжал на динамовские корты вместе с супругой, которая тоже была хорошей теннисисткой, а по жизни оказался не только выдающимся дипломатом, но и большой умницей — я нередко с ним советовался по каким-то вопросам, когда хотелось дополнительно услышать точку зрения умного человека.

Мне вообще повезло в жизни в плане общения с выдающимися людьми — никогда не устану это повторять. Однажды как-то мы проводили какое-то из динамовских мероприятий на своей футбольной базе в Новогорске, и один из моих заместителей привез к нам в баню Владимира Высоцкого. Вот тогда я впервые увидел живьем кумира всей страны — завернутого в банное полотенце. Я, как и многие другие, в те годы взахлеб слушал все его песни и часто думал, как же Бог одарил человека, дав ему умение столь точно выражать суть вещей. Взять знаменитую фразу Высоцкого в одной из его песен: «Корабль посадил я, как собственный зад». Ну вот скажите, как можно было точнее передать всю человеческую бережливость к собственной заднице?

Я часто возил с собой за рубеж кассеты с записями песен Высоцкого и однажды даже дал их послушать техническому секретарю Международной федерации велоспорта — француженке лет сорока. Почему-то было интересно увидеть реакцию именно француженки: интересно ж было, что такого в Высоцком нашла Марина Влади.

Женщина надела наушники, послушала, а потом мне и

говорит:

— Я, конечно, не понимаю слов, но это гений! Такого внутреннего страдания и вложенной в песню души мне не приходилось встречать у эстрадных певцов никогда в жизни.

Несмотря на то, что в доме бабушки и дедушки, где я рос в детские годы, пели всегда, самому мне, к сожалению, Бог не дал музыкального слуха, наверное поэтому собственное отношение к музыке вырабатывалось сложно и долго. И началось, как ни странно, с того самого муэдзина в Баку, который по утрам будил меня пением с минарета.

Когда эти арабские мелодии проникают в тебя, сначала могут даже раздражать. Потом завораживают, заставляют думать, сопоставлять их с русской песенной и музыкальной историей, пробуждают внутреннее стремление узнать об этом больше. Хотя могу признаться честно: когда в первый раз пришел в московскую Консерваторию, на «Реквием» Моцарта, то похрапел там прилично. Сосед даже несколько раз толкал меня локтем в бок.

У нас в «Динамо» в одно время со мной работал удивительный, умнейший человек — Владимир Владимирович Кудряшов. Он заслуженный артист России, балерун, в свое время много лет выступал в труппе Большого театра и, как все балетные, рано вышел на пенсию. На «Динамо» он часто приходил еще в годы своих выступлений, был отчаянным футбольным болельщиком, и наш начальник билетно-рекламного отдела, который в свою очередь был большим театралом, был с ним хорошо знаком. Ну а когда Кудряшов закончил балетную карьеру и остался без работы и в общем-то — без денег, предложил ему:

— Володя, хватит тебе без дела болтаться. Приходи-ка ты ко мне — заместителем.

Тот согласился с радостью: любимый клуб, Лев Иванович Яшин собственной персоной мимо ходит — здоровается. Так и остался в «Динамо». Нам же, благодаря своим прежним связям, он постоянно доставал билеты в Большой театр. Вот так мы тогда получили неформальный допуск к постоянным выходам в театр — к тому миру, который обогащал очень сильно.

Потом в этом мире у меня начали появляться первые знакомства. Например, с Тамарой Синявской. Мы как-то вместе летели в Хельсинки, долго разговаривали в самолете о спорте в целом и о футболе — в частности. В «Динамо» часто бывал Геннадий Хазанов — с ним дружил Константин Бесков.

Когда после перестройки в стране в одночасье рухнула привычная жизнь, и начались сложные времена, люди стали очень заметно меняться, на глазах превращаясь в какую-то серую массу.

В эмоциональном плане то был очень непростой для страны период — куда бы ты не пришел, вокруг люди с поникшими плечами, с погасшими глазами. Как раз тогда, когда я сам остался не у дел и работал в «Мерседесе», один из моих приятелей пригласил меня в Консерваторию на премьеру Родиона Щедрина. И я пошел — не потому, что был таким уж поклонником Щедрина или классической музыки, а скорее просто за компанию. Чтобы хоть на несколько часов вырваться из реальности, которая меня окружала.

Когда мы зашли в фойе и стали двигаться в направлении своих мест, я никак не мог понять, что вокруг не так, что вызывает необъяснимый внутренний диссонанс. И вдруг до меня дошло, что вокруг — совсем другой народ. Там не было какой-то чрезмерной роскоши, богатых нарядов, но лица были абсолютно другими. Я увидел людей, которым, образно говоря, совершенно наплевать, что у них вечером будет на ужин и есть ли этот ужин вообще.

Честно скажу — обалдел. С одной стороны я изо дня в день наблюдал, как в стране растет лощеный олигархический мир, возникают все новые и новые вариации капитализма. В этом мире тебя меряют, как халдея, если то, что на тебе надето, не соответствует принятым в этом новом обществе взглядам. И вдруг — такое…

Меня как-то вот внезапно пронзило желание немедленно пойти в зал, дождаться начала концерта, отдаться этому новому ощущению всем своим существом. И под этим впечатлением я не просто слушал тогда музыку, но оказался всецело захвачен ею. Пожалуй, впервые я понял, что имеют в виду те, кто говорит, что для того, чтобы перевернуть всю человеческую жизнь, достаточно семи нот.

В консерваторию вообще нужно ходить в определенном состоянии души — об этом мне говорил мой хороший друг, генеральный директор Мосметростроя Геннадий Яковлевич Штерн. Он не просто рассказывал о музыке, он был потрясающе богат в ее понимании, как и в понимании мира искусства в целом. Хотя, казалось бы, строитель-тоннельщик. Всю жизнь в сапогах, в грязи, в воде, в холоде. Он приходил с работы, надевал наушники или включал музыку в квартире, и мог слушать ее часами.

Вот так же в совершенно открытом для понимания музыки состоянии души в тот вечер оказался я сам.

* * *

Интересно, что в нашей стране, если посмотреть историю развития еще советского спорта, высшие руководящие позиции зачастую принадлежали представителям борцовского мира. Исторически борьба в нащей стране развивалась на окраинах, где у людей очень сильно заложено понятие «семьи». Сохранение этой семьи, поддержка друг друга считались на протяжении многих десятилетий одной из основных ценностей, и подспудно у людей складывалась внутренняя убежденность: раз мы сильны своей сплоченностью, значит и должны управлять миром. Многие совершенно выдающиеся спортивные руководители советских лет пришли как раз из борьбы: Анатолий Колесов, Василий Громыко, Виктор Игуменов, Николай Пархоменко, Аркадий Ленц…

В какой-то момент в борцовских кругах даже возникла и стала крепнуть убежденность, что назначать борцов на ключевые позиции управления — это своего рода негласное правило. Тем более что представители единоборств исторически поставляли стране очень большое количество медалей, в том чисте и на Олимпийских играх, что считалось наиболее значимым достижением.

Во многом этими тенденциями в свое время объяснялось стремление Отари Квантришвили подмять спорт под себя. Он не был олигархом и не стремился им быть. Гораздо сильнее жаждал власти, подчинения. Просто одновременно с этим он делал все, чтобы добиться определенных позиций и в криминальной среде. А поскольку вращался и там, и там, неосознанно стал переносить в спорт законы криминального мира.

Помню в период, когда меня только назначили председателем Спорткомитета, ко мне приехал Анатолий Станков, который сам был выходцем из борцовского мира, когда-то начинал свою деятельность у Ленца, потом стал казачьим атаманом, депутатом. Тогда в дзюдо свою спортивную карьеру заканчивал кто-то из известных борцов, и Станков мне говорит:

— Мы знаем, Валерий Сергеевич, что у вас сейчас свободна должность заместителя по спорту. Возьмите на нее вот этого человека.

Я как-то сначала растерялся, потом задаю встречный вопрос:

— Ты мне, Толя, подменять собой кадровый отдел собрался?

А он мне удивленно отвечает:

— Подождите, но ведь эта должность всегда была наша, борцовская?

Вот тут я опешил по-настоящему. Мысленно пролистал весь, как говорится ряд, и понял: Станков-то прав! Более того, я всех этих людей знаю, неоднократно имел с ними дело, а ко многим так вообще отношусь с большим уважением. Просто никогда не

складывал имена в единую цепочку.

Станкову я тогда сказал:

— Я бы с удовольствием взял, просто должность уже занята — Игорем Тер-Ованесяном. Так что извини, ты немного опоздал.

Игорь Арамович тогда еще не был назначен, но все бумаги к его назначению были уже готовы. Вот я и назвал его имя, понимая, что эту фигуру даже борцам не перебить никакими аргументами.

Глава 17. Свободное плавание

Необходимость объединить летние и зимние федерации на международном уровне возникла, как ни банально это звучит, на почве дележа олимпийских денег. Олимпиады вследствие коммерческого курса МОК начинали приносить доход, разумеется, встал вопрос, каким образом деньги будут распределяться между федерациями. Ну а поскольку сам я в то время возглавлял одну из международных федераций, то был свидетелем этого процесса с самого начала его возникновения.

Одним из тех, кто активно стремился во власть — с намерением со временем занять пост Самаранча — был итальянец Примо Небиоло, который возглавлял Международную федерацию легкой атлетики. На тот период времени легкая атлетика получала от телевизионных доходов порядка девяти или восьми миллионов долларов в год. А представители менее богатых федераций постоянно бомбардировали Самаранча просьбами о финансовой помощи, стараясь урвать из общего котла как можно больше. Плюс — каждый год появлялись все новые и новые федерации, которые стремились побыстрее войти в олимпийскую семью. И им тоже были нужны деньги.

В общем, назрела необходимость создания единого органа, способного решать на своем уровне организационные, экономические и политические вопросы и уже потом, отфильтровав все лишнее, доносить эти решения до МОК.

Ассоциацию международных федераций по летним видам спорта возглавил бывший швейцарский гребец Томас Келлер, и механизм заработал.

Международным федерациям в то время было свойственно брать за основу схему, которая уже сложилась в МОК. Там были выстроены и в достаточной мере отработаны самые разные программы, так что достаточно было просто следовать тем же самым путем. В российской действительности все оказалось несколько сложнее. Как только была разрушена прежняя управленческая система, а олимпийский комитет фактически отдал вопросы развития спорта на откуп федерациям, выяснилось, что эти федерации не слишком дееспособны. Чем дальше они уходили в автономное плавание, тем больше усугубляли общую картину: нельзя, работая в спорте, уйти в самостоятельную жизнь. Когда федерация варится в собственном соку, она зачастую превращается в «группу товарищей» вокруг сборной команды, вместо того, чтобы заниматься развитием вида спорта в стране. А это принципиально разные вещи.

С точки зрения основ организации, управлении и методики, это тоже нонсенс, потому что как только вид спорта замыкается в узких рамках собственной специализации, он начинает деградировать.

Я как-то задался целью собрать все публикации, диссертации и рефераты на тему организации и управления спортом. Просил людей поискать соответствующую литературу на кафедрах института физкультуры, изучил все, что имелось в плане наработок на педагогических кафедрах в других вузах. Нашел три публикации абсолютно нулевой информативности.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Я как бы заглянул на дно бездны, в которую летит весь российский спорт. При том, что все себя позиционируют, как люди, которые все знают и во всем разбираются. Это категорически ненормально, когда лыжники не общаются с конькобежцами, а конькобежцы не знают, как устроен шорт-трек, не контактируют с велосипедистами, хотя шорт-трек и командная гонка на треке во многих аспектах методически строятся совершенно одинаково. Реально не понимал: вроде сам уже человек, так сказать, не первой молодости, наверное должен ко многим вещам относиться предельно консервативно, но почему тогда глядя на шорт-трек, сразу понимаю, что тренеры банально не имеют представления о тактике ведения борьбы в групповых гонках. Это тот же велотрек, только на льду.

Почему все это происходит, было понятно: люди были прежде всего заняты вопросами выживания. Весь преподавательский состав института физкультуры мыслями был не в аудиториях, а на Измайловском рынке. В мечте, что оттуда вот-вот придут миллионы. Бывшие спортсмены организовали там своего рода рыночный бизнес, сдавая площади в аренду и собирая с торговцев дань, и этот бизнес кормил институт.

* * *

Даже в те времена у меня периодически возникали совершенно неожиданные идеи. В свое время я часто бывал в Мурманске на Празднике Севера, поскольку отвечал в Спорткомитете за зимние виды спорта. Город был, конечно, сказочный: гостиница «Арктика», ресторан, вечер, моряки гуляют. Я впервые там увидел, как музыканту на лоб «сотенную» клеят — чтобы сыграл. Помню, спросил одного из руководителей местного спорткомитета:

— Слушай, а зачем каждое утро по местному радио

объявляют, какой сейнер входит в порт?

А он удивленно так мне и отвечает:

— Как зачем? Чтобы жены точно знали, когда мужья с моря возвращаются и любовников выпроводить успевали.

С этим же товарищем мы как-то зашли в гости к его другу, капитану дальнего плавания, который как раз с плавания пришел. Тот жил недалеко от вокзала, где старые сталинские дома, прочные, основательные. Хорошая даже по московским меркам квартира, высокие потолки. В коридоре, при входе, стоят пять ящиков с водкой. На кухне в трусах и тельняшках сидят два капитана, режутся в карты. Один из них моего спутника увидел, говорит:

— У нас все под контролем. Вчера одну сберкнижку пропили, а на второй я чуть-чуть рубликов оставил.

Вот такой был город — взрослых, одичавших морских мужиков. И заняться больше нечем на берегу.

Праздник Севера был для города реально праздником — с оленями, собачьими упряжками. Плюс — немного лыжного спорта: гонки, биатлон, прыжки с трамплина. Я как-то однажды, вернувшись оттуда в Москву, предложил: «Почему бы не попробовать праздник народов Севера протянуть от Канады и Аляски до Камчатки? Или, допустим, летом в Ростове традиционно проводились казачьи сборы. Выглядело это так: казаки собирают своих жен, подруг — они кухарят. Мужчины, а заодно и пацаны занимаются джигитовкой, сабли, гири. У нас в Ростове проводилась выездная коллегия Спорткомитета, я там и спросил: почему бы не сделать Казачьи игры? Казаки же у нас в стране разные есть — ростовские, донские, волжские, сибирские…

Смеялись надо мной прилично. А много лет спустя я услышал, что киргизы впервые провели у себя Всемирные игры кочевников.

А как появился маунтинбайк? Активная, так сказать, фаза развития вида спорта произошла где-то в 70-х, когда во всем мире выдались необычайно теплые зимы и на горнолыжных курортах Европы и мира два или три года подряд не было снега. Вот хозяева туристических центров и начали искать, как заполнить склоны.

А чуть позже все эти велосипедисты пришли к нам в Международную федерацию велоспорта с заявкой. И маунтинбайк, и BMX, и триал-7. Сначала вошли в федерацию отдельной комиссией, а сейчас маунтинбайк — олимпийский вид.

Когда после Сочинской Олимпиады встал вопрос о том, чтобы

в одном из ледовых дворцов устроить велосипедный трек, я высказал сомнения. Потому что, во-первых, эксплуатация трека и его содержание требуют немыслимых средств. К тому же все начальное обучение, селекция проходят в велоспорте не на треке, а на шоссе. Но тренироваться на шоссе не всегда возможно: современные автострады таковы, что проводить на них тренировки велосипедистов — самоубийство. А проселочные дороги давно не позволяют тренироваться так, чтобы эта тренировка была эффективной.

Победитель Тур де Франс, австралиец Марк Кавендиш, который трижды становился чемпионом мира на треке и один раз — на шоссе, начинал карьеру велосипедиста в горном велосипеде. Олимпийский чемпион Ааво Пиккуус, который гонялся за советскую сборную в 70-х, был одним из немногих, кто, врываясь на стадион на Гонке Мира, редко падал. Всех остальных начинало бросать в разные стороны, едва они въезжали с асфальта на гравий или песок. А все дело в том, что в Прибалтике гораздо в большей степени, нежели в России, культивировалась такая дисциплина, как велокросс. Веяния, которые пришли из Европы, так сказать. Прибалты постоянно гонялись в велокроссе и владели велосипедом лучше.

Байк позволяет наработать любые объемы, дает координацию, силовую выносливость, при умелом сочетании нагрузок позволяет и скорость поднять. Кроме этого ездить на байке модно, скоростей куча, все хотят. Раз так — почему было не попробовать разработать схему селекции, методику начального обучения… Лет восемь я лбом стенку в федерации велоспорта пробить пытался.

Все эти вопросы должны были вовремя поднимать спортивные профессионалы. Задача олигарха — обеспечить процесс. Плеснуть в эту машину бензин, чтобы она завелась и поехала. Но поскольку профессиональный уровень в силу вынужденных причин упал, думать стало некому.

В футболе у нас были голландцы Хиддинк и Адвокат, потом итальянец Капелло, которые уехали, отработав контракт, не оставив после себя ничего. Почему было не составить контракт таким образом, чтобы человек, уезжая из страны, должен был отчитаться, условно говоря, за каждый рабочий день. Иначе получается, страна тратит колоссальные деньги, не получив взамен ни результата, ни какого-то опыта, ни методик.

И за все это ровным счетом никто не отвечает.

В Китае в свое время стояла та же самая проблема: как поднять профессиональный уровень спорта в стране. Как только на государственном уровне была поставлена задача, в Китай

поехали австралийцы, бывшие тренеры ГДР. А через какой-то промежуток времени всех их отправили обратно: рядом успели вырасти свои специалисты.

* * *

Предложение уйти из «Мерседеса» и поменять место работы я получил от Тягачева. Он же сразу отправил меня знакомиться с Сергеем Михайловичем Богданчиковым в «Роснефть», где тот был президентом.

У нас произошел тогда смешной диалог. Когда Богданчиков предложил мне вице-президентство, связанное с управлением, я переспросил:

— Вице-президентом «Роснефти»?

Он засмеялся:

— Нет. Ассоциации летних видов спорта.

Ассоциация летних видов спорта, представляла для меня огромный интерес как раз с позиции возможной работы. Интересно было попробовать обобщить опыт федераций, и создать им платформу для совместной деятельности. Но Богданчикову я тогда сказал:

— Сергей Михайлович, чтобы у вас не было никаких опасений, все-таки я для вас человек новый, давайте поступим так. У вас есть президент вашего же банка Титов, который в «Роснефти» обеспечивает финансовые вопросы. Пусть вице-президентом с правом подписи будет он. Мне это не нужно. А вот что касается профессиональных вопросов насыщения всего механизма, вот этим мне действительно хотелось бы заняться.

И мы начали работать.

Какие-то вещи получались у нас очень хорошо. Федерации начали общаться между собой, мы привлекали самых разных специалистов, устраивали семинары для тренеров. С другой стороны, за несколько предыдущих лет отдельные люди в федерациях слишком привыкли к бесконтрольности. Их это устраивало. Сплошь и рядом возникали ситуации, когда тот или иной президент федерации полностью исключал собственную ответственность за результат: мол, федерация все сделала, сборы провела, деньги выделила. Какие претензии?

Каждый раз, когда я сталкивался с подобной ситуацией, мне хотелось безо всяких политесов спросить: «Мужик, ты не заблудился? Не обалдел? Тебе страна дала главное: право представлять ее в международном мире. И будь добр соответствовать!»

Когда люди этого не понимали, начиналось некое автономное правило: я сижу во главе, я всем рулю туда, куда считаю нужным, подбираю себе команду, которая мне удобна, и деньгами, которые ко мне приходят от инвесторов, распоряжаюсь тоже по своему усмотрению. Деньги-то не бюджетные.

При этом весь тренерский и управленческий состав, включая самого президента и его замов, получает зарплату в Центре подготовки государственного органа.

Когда над легкой атлетикой в связи с допинговыми дисквалификациями стали сгущаться тучи, я сам пришел к Валентину Балахничеву, предложил собрать в Ассоциации узкий круг специалистов, обсудить проблему — в том числе и в назидание другим, поскольку я прекрасно понимал, во что все это может вылиться в плане международной деятельности. Он отказался:

— Сам разберусь…

Сейчас уже очевидно, что вся эта допинговая ловушка, в которую мы угодили после Олимпийских игр в Сочи, во многом была подстроена Григорием Родченковым. Но ведь все это прогнозировалось. Родченков в свое время приехал работать в Москву из канадской лаборатории как человек, которого WADA делегировала в нашу страну. Так чьи интересы он должен был отстаивать, когда начал разгораться конфликт?

Я вполне допускаю, что ряд людей включился в войну против России по личным мотивам. Можно вспомнить московскую сессию МОК в 2001-м, когда с поста президента МОК ушел Хуан-Антонио Самаранч, а пришел Жак Рогге. Контр-кандидатом у него тогда был не кто иной, как Ричард Паунд, искренне полагавший, что в Москве поддержат именно его кандидатуру. Но этого не произошло.

То есть человек получил публичную оплеуху и жил с этим много лет. Вполне возможно, что вынашивал планы возмездия. Во всяком случае на той сессии МОК Паунд подходил ко мне, пытался прощупывать почву, говорил о том, что ему обещали поддержку. А теперь выдался прекрасный момент, чтобы поквитаться. Может быть такое? Да запросто!

Беда еще и в том, что наше представительство в различных международных спортивных организациях оставляет желать лучшего. А это значит, что мы фактически не имеем серьезной поддержки в мире, в то время как против нас выступают единым фронтом. Но международной политикой у нас в спорте никто эффективно не занимается. Яркий тому пример — исключение из списков в кандидаты членов Совета FIFA нашего представителя. А это уже не личный вопрос!

Когда я слышу, что на постах президентов международных федераций и генеральных секретарей слишком мало российских специалистов, то спрашиваю: а сколько нам нужно? Есть федерации, где все решает не президент, а Конгресс, а значит, бороться нужно не за высший пост, а за голоса на конгрессе. То есть консолидироваться.

Когда я возглавлял Международную федерацию велоспорта, был анекдотичный случай. Выезжая на конгресс, я получил задание сделать русский язык в рамках международной федерации официальным. Понимал, что это абсолютная утопия, но тем не менее сделал: как только меня в очередной раз избрали, мы проголосовали за то, чтобы внести изменения в устав. И написали, что официальными языками федерации являются французский, немецкий, английский и родной язык президента.

Это я не к тому, что такой умный. Просто в те времена мы постоянно ломали голову, как развернуть международную ситуацию в пользу своей страны. Сейчас же никто вообще этим не озадачивается. Люди порой рассматривают любой пост, как личное завоевание. И главной задачей становится самосохранение на этом посту.

При этом юридически, по закону о физической культуре и спорте, и по всем остальным нормативным актам, все автономны. Олимпийский комитет автономен, министерство спорта автономно, федерация автономна. Случись что — виноваты спортсмен и тренер.

* * *

В то время я переосмыслил для себя многие вещи, связанные с олимпийским движением и даже написал статью под названием «Тупики олимпийской идеи». Мне кажется, что мировое олимпийское движение сейчас находится именно на грани падения. Живет какими-то старыми стереотипами, которые складывались десятилетиями. Нас продолжают убеждать в чистоте и святости олимпийского движения, рассказывают про патриотизм, про гордость за страну, если при этом и упоминаются деньги, то между делом. А на самом деле произошел величайший в истории олимпийского движения обман. Потому что «Быстрее, выше, сильнее» давно трансформировалось в «Дороже, зрелищнее, богаче», а Олимпийские игры превратились в спортивное топ-шоу.

На сегодняшний день весь мировой спортивный рынок

составляет 143 миллиарда долларов. Если приплюсовать сюда спортивную фармакологию, трансферы, тотализаторы, сумма вырастет до 450-ти миллиардов. Это выше, чем мировые расходы на космос. Когда на кону стоят такие деньжищи, все неизменно начинает крутиться вокруг них. Международный олимпийский комитет, который вроде бы должен выступать гарантом кубертеновской философии спорта, на самом деле стал головной корпорацией всей спортивной индустрии. Коммерческая составляющая открыла путь к коррупции, и олимпийское движение стало жить по понятиям бизнес-сообщества. Именно по понятиям — не по законам — со всеми вытекающими последствиями. При этом структура управления осталась прежней.

Кто сегодня является членами МОК? Большая ошибка, кстати, полагать, что эти люди представляют свои страны в МОК. Они представляют МОК на территории своих стран. Я не хочу обидеть этих людей — среди них немало уважаемых и толковых специалистов. Но представьте себе на секундочку, что по этим же принципам стала работать Организация Объединенных Наций: мир давно бы взорвался к чертовой матери!

По логике давно следовало бы задуматься о том, чтобы поменять структуру. Добиваться того, чтобы в основе руководства МОК были президенты всех национальных олимпийских комитетов. Плюс — международные федерации. В этом случае и ротация идет быстрее, и интересы иначе представляются, заодно и коррупции не будет. Не хочу никого обидеть, но если человек много лет находится в структуре МОК и не имеет никакого права эту организацию критиковать, являясь представителем МОК в своей стране, то о какой реорганизации чего бы то ни было вообще можно вести речь?

* * *

Когда Богданчиков ушел из «Роснефти», встал вопрос о его переизбрании и с поста президента Ассоциации. Взамен была предложена кандидатура президента федерации стрелкового спорта Владимира Лисина. Я позвонил ему, мы встретились, надо отдать должное Лисину, он меня терпеливо выслушал.

Честно говоря, я не хотел думать, что необходимость всей той работы, что мы начали налаживать, отпадет так резко. Но именно это и произошло. Лисин дал понять, что вся связанная с Ассоциацией деятельность будет другой.

Вот так потихонечку, мирным путем мы и разошлись.

Глава 18. Очень личное

Из первой семьи я ушел с чемоданом. Не потому, что был такой гордый, или глупый. Просто если рассуждать с серьезной жизненной позиции, когда люди разводятся, то вина всегда обоюдная. Тебя же никто не приводил силком, не заставлял с этим человеком связывать свою жизнь. Поэтому я совершенно искренне считал, что степень моей личной ответственности за расторжение этого брака была достаточно высока. А значит, я должен нести эту ответственность до конца.

Семья и работа — это вообще особая тема для мужчины, если он не подвержен, так сказать, эрозии бездельничества. Особенно в условиях нашего общества, где мужчина исторически считался добытчиком, создателем материальных благ для семьи. И весь строй был пронизан вот этой высочайшей степенью ответственности, иногда и ложной.

Чем больше я в своей жизни размышлял на эту тему, тем отчетливее понимал, что самое губительное для человеческих отношений, когда в браке один из супругов занимает по отношению к другому позицию: «Он обязан». Никто и никому ничем в жизни не обязан. Если люди принимают решение жить вместе, с этого момента начинается их великая служба друг другу. Великое терпение, постоянный взаимный компромисс.

У меня однажды случился разговор на эту тему с сыном, когда у него возникли какие-то сомнения в собственной личной жизни. Вот он и пришел посоветоваться — с тем подтекстом, что у меня ведь тоже брак был не единственным. Я тогда ответил Борису, что как раз с высоты собственного опыта точно знаю одно: когда люди начинают советоваться, как им быть, — это уже не любовь. Любовь — это чувство, которое всегда идет впереди поступка. Как только человек начинает взвешивать варианты, это скорее подспудная попытка решить для себя, с кем выгоднее остаться. Человек от семейных отношений порой устает, потому что семья — это огромная работа и терпение. И очень часто эта усталость подменяется понятием «разлюбил».

И вот тогда встает вопрос: а ты вообще любил или нет? Если не любил — это тоже собственная ошибка, и ты должен уметь это признать.

Многие проживают всю жизнь, так и не поняв, что это такое — любовь. А может быть, просто не получив благословления свыше испытать это счастье. Наверное, правы те, кто считает, что не может быть каждодневной любви, с точки зрения страсти и любования. Но главное, мне кажется, не в этом. А в понимании,

что любовь — это не эксплуатация друг друга, это не свое счастье за счет другого. А умение принимать человека таким, как он есть, не пытаясь переделать его под себя.

Период взаимных сомнений бывает в любых отношениях. Его просто нужно преодолеть — только тогда начинаешь понимать истинную ценность семьи. Не с точки зрения дом, хлеб, холодильник и всевозможные удобства, а с точки зрения, куда тебя ноги несут: в дом или из дома.

Вот и сыну я тогда сказал, что он должен все это понять. Тем более что в семье растут две девочки, которые впитывают все то, что видят не только в быту, но и на примере собственных родителей. Не случайно ведь раньше в обществе существовал фактор сватовства. Встречались родители, причем встречались они в доме будущей невесты, чтобы семья жениха имела возможность увидеть уклад семьи. Девочка ведь всегда так или иначе повторяет в обиходе свою мать: будет так же готовить, поддерживать такой же порядок.

Когда моей младшей внучке было лет двенадцать, я задал ей вопрос: «Настенька, какой образ мужчины, мальчика, для тебя является авторитетным?» Она ответила: «Папа». Когда этой девочке стало 17, я повторил вопрос и понял, что образ идеала в ее сознании стал меняться. Это тоже было понятно: во-первых, папа работает и соответственно не слишком много времени проводит дома. Во-вторых, у ребенка расширяется кругозор, он начинает видеть мир не только через взаимоотношения в собственной семье, но и через другие семьи, причем велика вероятность, что тот, «другой» мир в какой-то момент может стать интереснее, и свою собственную жизненную модель человек захочет лепить уже иначе.

* * *

С Борисом я однажды схлестнулся не на шутку. Это было очень давно, когда он только-только завел собственную семью. Я вернулся откуда-то из командировки, сын встретил меня в аэропорту и предложил ненадолго заехать к ним, поскольку у его жены Татьяны был день рождения. Компания уже сидела за столом, мы даже не успели войти в комнату из прихожей, как я услышал чью-то фразу: мол, вы тут все говорите о родителях, а что они дали нам — наши родители?

Я вхожу и с порога говорю:

— Родители, молодые люди, во-первых, вас родили и воспитали. Хорошо, или плохо — другой вопрос. Но вы здесь, как

понимаю, все с высшим образованием. И именно ваши родители дали вам возможность это образование получить. Считаете себя умнее — нет проблем: попробуйте раскрутить собственный фамильный «лейбл» до той степени, чтобы об этом можно было говорить. А тебе, Боря, я скажу такую вещь. Если в твоем доме я хоть раз еще услышу подобные слова, то на порог моего дома ты можешь больше не приходить. Или — меняй фамилию.

Потом уже, когда остыл, объяснил сыну, что подобные высказывания страшны не только тем, что их будут слышать и впитывать будущие дети. Просто человеческая жизнь — это всегда двусторонние отношения. Спросил:

— Ты же понимаешь, к чему способны привести подобные разговоры? Например, к тому, что когда я достигну критического возраста и в материальном отношении буду не так обеспечен, как сейчас, то пойду в суд и подам на тебя на алименты. Борис опешил тогда:

— Ты серьезно все это говоришь?

Понятно, что подобной ситуации я не представлю в собственной семье даже в страшном сне, но тогда счел нужным основательно, как говорится, проехать сыну «по ушам»:

— Конечно серьезно. Если ты позволяешь в своем доме ставить таким образом вопрос о родителях и родительском долге, тогда где твои собственные заботы об отце? Если мы начнем оперировать понятиями, кто из нас кому должен, ты вообще должен в десять утра каждую субботу стоять перед моей дверью с двумя полными авоськами, носом нажимать на кнопку звонка и говорить: папа, я приехал, открой, пожалуйста…

Сын в свое время закончил юридический институт, защитил диссертацию по международной правовой тематике, одно время работал в аппарате Президента, но сейчас работает в спортивной сфере — занимается вопросами взаимодействия с правоохранительными органами при проведении спортивно-массовых мероприятий. С одной стороны, ему в чем-то было легче: все-таки спорт — это сфера, в которой прошла вся моя жизнь, а имя, если ты его заработал, всегда в определенной степени работает и на детей тоже. С другой — это всегда двойная ответственность для нас обоих. Я очень уязвимо отношусь к этому. Поэтому, наверное, замечаю ошибки, которые кроме меня не замечает никто.

Я понимаю, что мой диалог с детьми, а особенно — с внуками — выглядит порой слишком нравоучительно. Ну кто я такой в их глазах? Бронтозавр, который пытается что-то рассказывать о жизни? Просто в какой-то момент я четко почувствовал, что время, которое наша страна пережила в 90-х,

заставило людей не столько учиться, сколько приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям, ко всей этой суете. При этом люди ужасно боялись показаться безграмотными, некомпетентными, потому что это сразу влекло за собой риск остаться вне общества. На деле в стране выросло целое поколение внешне успешных, но не слишком грамотных людей. В точности как говорил герой Жарова в фильме «Медведь»: «Заглянешь в душу — сущий крокодил».

Однажды, помню, мы шли по улице с внуком, он сильно ушиб ногу, но вижу — терпит, не подает вида, что ему больно. Я и сказал тогда: мол ты — прямо как Маресьев. Он как-то странно на меня посмотрел, и тут до меня дошло, что в школах об этом уже не говорят. И что Илья просто не понимает, о чем речь. Это меня тогда потрясло. Потому что вне зависимости от политической системы, молодым людям нужно обязательно рассказывать о людях человеческого подвига, о преодолении обстоятельств, о поисках себя. Точно так же с младшей внучкой мы как-то разговаривали о романе Льва Толстого «Война и мир». Одном из немногих произведений в мировой литературе, которое не просто признает сам факт девичьей любви, но возводит эту любовь в степень, как великую ценность.

Мне кажется, что дефицит общения, дефицит понятного, доступного, а самое главное — откровенного диалога взрослых с детьми — одна из самых больших проблем нашей жизни. Это единственное, что можно противопоставить насилию информатики современного мира, которую не всегда понятно, как трактовать. Но когда начинаешь говорить о чем-то близким людям с высоты собственных познаний и жизненного опыта, очень легко обидеть их, уязвить, невольно дать понять, что они чего-то не знают. Поэтому я просто рассказываю о том, что хотелось бы мне самому, чего в собственной жизни не сделал я сам, в чем и как ошибался.

* * *

Наверное, было бы правильно не бросаться в новые отношения, уйдя из первой семьи: подержать эту паузу, обо всем подумать. Но сложилось все иначе: оставшись один, я пришел к маме в малогабаритную двухкомнатную квартиру общей площадью 27 квадратных метров и совмещенным санузлом. Там же жили два моих сводных брата, и, конечно же, всем им я создавал определенный дискомфорт. При этом мне очень хотелось собственного семейного уюта. Учился я тогда в

московском педагогическом институте, там и познакомился со своей второй супругой — она преподавала немецкий язык.

Поскольку по своей работе я находился в непрерывном каскаде событий, связанных с большим количеством командировок, наша совместная жизнь была в большей степени праздником, нежели бытом. Я к тому времени уже стал президентом Международной федерации велоспорта, по регламенту мне в заграничных поездках на официальных мероприятиях полагалось сопровождающее лицо, поэтому ездить мы стали вместе. Понятно, что супруге очень нравились эти поездки. Дома я считал себя обязанным создать для семьи максимум жизненного благополучия, чтобы таким образом хоть как-то компенсировать свое отсутствие. Когда родилась Пера, я стал на лето отправлять семью в Юрмалу, искренне полагая, что раз уж сам не имею возможности уйти в полноценный отпуск, должен обеспечить эту возможность жене и дочери.

Ну а когда перестала существовать страна, было разрушено «Динамо», а сам я в одночасье стал безработным, то начал ощущать, что и дома по большому счету стал уже не нужен. Мысленно тогда утешал себя тем, что не за горами пенсия, и я смогу обосноваться где-нибудь на даче, никого собой не обременяя. Просто очень скоро стало понятно, что прожить даже на генеральскую пенсию в нашей стране нельзя.

Пожалуй, последним рубежом наших семейных отношений стал период, когда я достаточно тяжело заболел и попал в клинику: дней десять меня готовили к операции, и в один из этих дней мне позвонила жена — спросила, нужно ли мне, чтобы она приехала и чего-нибудь привезла. Я, естественно, отказался: сказал, что все необходимое у меня есть. Мне действительно не требовалось ничего особенного. Но сам факт такого вопроса заставил меня понять: независимо от того, как долго мы формально будем оставаться в браке, какие бы то ни было отношения между нами можно считать завершенными.

Однажды у меня случился разговор с нашим известным композитором Славой Добрыниным, с которым мы были дружны еще со времен моей работы в «Динамо», и Слава сказал:

— Знаете, с возрастом стал очень сентиментальным, иногда плачу.

Я ему на это ответил:

— Я тоже. Но, к счастью, пока не на людях.

Принято считать, что сентиментальность — это такая возрастная вещь, когда нервишки уже не справляются с какими-то переживаниями. Но это происходит и тогда, когда мы принимаем какие-то глобальные решения относительно собственной жизни.

Вроде бы все хорошо обдумал, полностью дозрел до того, чтобы это решение принять, но внутри тебя все словно рыдает по этому поводу.

В тот момент я вообще не думал о том, как буду жить дальше: гораздо больше переживал за дочь, хотя Пера достаточно рано стала жить отдельно, у нее родился сын Илья. С его отцом дочь довольно рано рассталась, и мне стоило впоследствии больших усилий убедить ее в том, что Илья должен общаться с родным отцом. Это только кажется, что с возрастом становится проще устраивать собственную жизнь. На самом деле ты постоянно чувствуешь ответственность за детей, ревность между ними, особенно если дети — от разных браков. Такая же ревность возникает порой между внуками. Мы ведь все очень эгоистичны, пока живы наши родители.

Когда не стало мамы, а она умерла рано, в 65 лет, меня долго и очень обостренно мучил вопрос: что я сделал для того, чтобы она подольше жила? Получалось, что не так много: я знал, что у мамы сахарный диабет, но она никогда не говорила о своих болячках. А я и не слишком интересовался. Мужское внимание к матерям — оно, вообще всегда в дефиците. Все время куда-то спешишь, все время что-то откладываешь на потом. Разве что позвонишь: «Как себя чувствуешь, мам? — Хорошо, сынок, все в порядке, ни о чем не беспокойся…».

На самочувствие мама пожаловалась лишь один раз. Я тогда сразу позвонил знакомому врачу, он приехал, но оказалось, что уже слишком поздно: у мамы начала развиваться диабетическая гангрена, ступня почти полностью почернела, потребовалась экстренная ампутация, а через два дня оторвался тромб.

И вот, когда ты уходишь с кладбища, оставляя там маму, это всегда еще один момент истины в жизни. От которого ты уже никогда и никуда не сбежишь, пока жив сам.

* * *

Сейчас я рассуждаю так: у меня есть дети и внуки, с которыми я с удовольствием общаюсь, есть собственная крыша над головой, а главное — рядом есть человек, который мне бесконечно дорог. Наверное это и есть счастье.

Глава 19. Жизнь продолжается

Отдыхать надо уметь. К пониманию этой, в общем-то простой истины, я шел очень долго и довольно сложным путем. Не то, чтобы я не понимал, что такое отдых, просто работа всегда до такой степени была смыслом жизни, что даже в отпуске я работал — что-то обдумывал, писал, анализировал. И только после того, как почти полностью перешел на зимний и достаточно активный отдых, как-то сразу понял, чего я себя так много времени лишал. Тогда же я для себя вывел идеальную форму отдыха, суть которой, если сформулировать ее словами, выглядит так: «Создай вокруг себя среду, которая бы могла тебе позволить побыть наедине с собой».

Когда по работе приходится постоянно и много общаться с людьми, от этого порой устаешь до такой степени, что даже дома хочется побыть одному, выключить все источники звука, так сказать. Помню, я как-то давно обиделся на товарища, с которым мы периодически обсуждали, что хорошо бы поехать в отпуск вместе. Взять и махнуть куда-нибудь — семьями. Каждый раз он находил какие-то причины, чтобы отказаться — уезжал отдыхать вдвоем с женой. Потом я понял, почему: в любой, даже самой небольшой компании тебе так или иначе приходится подстраиваться под окружающих: под их режим, под их интересы. Или им — под твои.

Формула «побыть наедине с собой» для меня предполагает три вечные ценности — воду, горы и небо. В свое время мне довелось познакомиться с альпинистами. В Среднем Баксане мы строили средмашевский альпинистский лагерь, и я как-то провел там несколько дней, которых оказалось достаточно, чтобы понять: альпинисты — совершенно особая категория людей. Основной их контингент состоял из молодых ученых, людей, с одной стороны в высшей степени интеллигентных, а с другой… Когда я посмотрел, в каких условиях они проводят свои отпуска, то поначалу был, конечно же, сильно удивлен: воды нет, мыться негде, холодно, постоянно на себе тащишь какой-то груз. А потом все понял и проникся к этим людям колоссальным уважением. Они же не случайно все молчат. В горах нельзя много говорить: нужно контролировать дыхание, когда поднимаешься вверх, нужно уметь сберегать энергию, горы — это прежде всего бережливость — сил, эмоций, нервов. Но самое главное — общение с горами и небом. Они идут наверх, словно к Всевышнему. В таком состоянии души совершенно не думаешь о том, что у тебя сорваны мозоли или обморожены пальцы. И

понимаешь, как прав был Владимир Высоцкий, который написал очень точную фразу: «Лучше гор могут быть только горы…»

Понятно, что все люди разные, разные у них и предпочтения. Кто-то грибы-ягоды собирать отправляется, кто-то под парусом ходит.

Отдельная история на эту тему связана у меня с давним знакомым Мишей Екелем, который много лет проработал генеральным секретарем в Международной федерации велоспорта. Ему уже было за шестьдесят, когда пришлось лечь на операцию — удалить опухоль. Его супруга Мира всю жизнь проработала врачом, вот они вместе и стали искать места, где Мише было бы комфортно находиться. Жили они в Женеве, и нашли для себя два таких региона. Один — возле Шамони, фактически на границе Франции и Швейцарии на высоте 1200 метров над уровнем моря. Заранее снимают одно и то же бунгало и 10–12 дней гуляют по горам пешком.

Второе место Миша нашел для себя случайно, оказавшись во время одной из служебных поездок в Марокко, после которой их с супругой по приглашению марокканской федерации велоспорта отправили на две недели отдыхать в какой-то курортный комплекс возле Марракеша. Он мне показал фотографии: по виду — ну чистый пансионат какого-нибудь завода, которых в свое время немало строилось в Подмосковье: все скромненько, кругом пустыня, посередине небольшой оазис зелени, бассейн. Когда Миша вернулся, и мы встретились на каком-то велосипедном мероприятии, он мне сказал: мол, не представляешь, сколько здоровья придает марокканский климат.

Значительно позже я прочитал книгу Теодора Рузвельта, где он подробно описывал особенности марокканского климата. Когда с центральной Африки горячий воздух идет на Европу, проходя через все пустыни, то в разное время года они дуют по-разному. Имеют разную плотность и по-разному воздействуют на сосуды головного мозга. Причем Рузвельту как раз не повезло: ему в этом климате становилось хуже.

Очень похожую особенность имеют Канарские острова. Мне хорошо в Крыму. Когда я там бываю то каждый раз думаю: не случайно ведь шахтеры с Севера выходя на пенсию ехали жить в Крым. В общем, как я люблю говорить, все наши проблемы со здоровьем проистекают от того, что мир живет в климате, а мы — в погоде. Поэтому особенно важно, где и как отдыхать.

Я в свое время много курил и никак не мог бросить. Однажды поехал в Швейцарию на одно из рабочих заседаний, взял с собой дочь. И мы поехали с ней кататься на горных лыжах. Поднялись туда, где у швейцарцев располагается обсерватория, это считайте,

ближе к трем тысячам метров над уровнем моря, сначала поднимались на специальном поезде, потом на фуникулере, от которого нужно было пройти вверх еще метров сто пятьдесят.

Я шел в полном обмундировании с лыжами, в ботинках. Эти 150 метров прошел, чуть не умер.

Мне так стыдно стало перед ребенком… Я же считал себя относительно молодым человеком, а тут — одышка, пот градом. В общем, покатались, спустились вниз в отель, я принял душ, в халате вышел на балкон, закурил, сделал две затяжки — и все. Потом, случалось, закуривал, но быстро понял: хватит.

В отделе велоспорта в Спорткомитете, когда я там работал, курили все поголовно, кроме Вадима Бахвалова. Виктор Капитонов вообще курил по-страшному: одна пачка заканчивается, другую тут же распаковывает. Курил он исключительно «Мальборо», и ребята однажды над ним подшутили — подложили в пачку сигареты «Памир», которые в народе назывались «смерть альпиниста». Очень мы тогда смеялись…

* * *

Охотника из меня не получилось, хотя ружье я имел неплохое и стрелял всегда прилично. В любой охоте всегда ведь есть два фактора: либо ты охотишься по-настоящему сам, либо ты участвуешь в охоте. Если приезжаешь в охотничье хозяйство, а на столе уже печенка и котлеты, сразу становится понятно, что эта «охота» на самом деле выездная модель встречи друзей с выпивкой. Мне это никогда не нравилось. Считаю, что охота достаточно сложный в профессиональном плане процесс, чтобы низводить ее до этого уровня.

Давным-давно, когда я только вернулся с армии, как-то ехал на мотоцикле с коляской в подмосковный лагерь, где отдыхал сын. Впереди меня шла большая грузовая машина, на которых в те годы возили хлеб. И внезапно на расстоянии, наверное, так полукилометра, на обочину дороги с противоположной стороны шоссе вдруг вышел лось. Хлебовозку в этот самым момент стал обгонять легковой автомобиль, и лось, увидев это, решил перебежать дорогу. И не успел — хлебный фургон ударил его в заднюю ногу. Естественно все остановились — посмотреть. У меня до сих пор эта картина перед глазами стоит: огромные глаза этого лося и в них немой вопрос: «За что?»

Охотничьих угодий у «Динамо» имелось много. Очень азартным охотником был Петр Степанович Богданов — очень он

это дело любил. Разбирался в повадках зверей, хорошо стрелял. Когда я в первый раз приехал на охоту с динамовским руководством уже в должности зампреда, у нас была лицензия на лося. Выглядит это так: всех расставляют на номера, инструктируют, что нужно делать, если на тебя выходит зверь, и начинают гнать зверя собаками. Была ранняя весна, уже вовсю пригревало солнце, я встал на опушке в генеральском мундире, теплые на меху брюки, сапоги, теплый бушлат. Ружьишко рядом поставил. Облокотился на березу и так хорошо пригрелся на солнце, что задремал. И в это время тихо-тихо из-за кустов, прямо на меня вышел лось и остановился в считаных метрах. Я смотрю на него, он на меня, ружье стоит рядом.

В общем, я даже не шевельнулся. Передо мной вдруг всплыли те глаза — на шоссе. И я очень отчетливо понял, что никогда не смогу убить.

Когда охота закончилась, естественно, встал вопрос: зверя выгнали? Выгнали. Кто стоял на номере? Я молчу, главный охотовед, который нас по номерам расставлял, тоже молчит: я все-таки какой-никакой — начальник, мало ли какие последствия могут случиться?

Пауза продолжалась минут пять. Ну, я признался в итоге. Посмеялись надо мной мои начальники, на этом все и закончилось. Еще один раз я выбрался на охоту по зайцам и понял, что это слишком сложное для меня дело. Как подстрелить птицу, я еще представляю: стрелял в свое время по тарелочкам на стенде и даже попадал. А если говорить о зайце — он же туда, сюда скачет. Там совсем иная смекалка должна быть. Вот я и решил — не мое это…

А тот же Саша Тихонов, который в биатлоне всю жизнь выступал за «Динамо», был охотником с детства, причем заядлым. Тоже артист великий: шубы, «Ролс-Ройс». На какой-то из гонок он Антону Шипулину со своего плеча соболиную шубу подарил. Нравится — ради бога. Может себе позволить. Надо знать Тихонова, но на мой взгляд, спортивное величие конечно в другом проявляется. Помню, был в какой-то из поездок в австрийском Зеефельде — мы там оказались почти случайно, проездом из Гармиш-Партенкирхена. Там еще в 1964 году во время Олимпиады в Инсбруке великие Владимир Меланьин и Александр Привалов биатлонные медали завоевывали. До сих пор стадион в прежнем виде сохранился, трамплин рядышком. А в одной из центральных гостиниц по стенам — резные доски с фамилиями тех, кто в Зеефельде побеждал.

Когда подарок принимает характер подачки, у меня это вызывает антагонизм. Даже когда инициатива идет с верхов, как,

к примеру, подарки олимпийцам в виде машин, которые нередко они потом продавать начинают. Почему не дать человеку помимо призовых, которые он честно заработал, акции того же Газпрома или Роснефти? Пусть это составляет стоимость того же BMW или Audi. Но это как минимум даст человеку ощущение того, что он выполнял государственную работу, и государство его труд оценило. Да и вложение будет на всю жизнь. К тому же — защищенное государством.

Что до Тихонова — попробовал бы он вот так надеть шубу на Александра Карелина — представляю, где бы с ней оказался.

Карелин в свое время произвел на меня большое впечатление: образованный, с очень цепким умом и огромным внутренним чувством собственного достоинства. Спорт ведь, хотим мы того, или нет, всегда идет рука об руку с шуткой: «Было у отца три сына. Двое умных, а один футболист». И всегда в обществе такой взгляд на спорт присутствовал, хоть и не акцентировался. Первым, кто попытался этот круг прорвать и выйти на другую орбиту, стал наш выдающийся штангист Юрий Власов — он стал заниматься писательской деятельностью, как и его отец, при этом было совершенно очевидно, что Власов при всем своем олимпийском величии как бы стесняется своего спортивного прошлого.

Мы с Юрием Петровичем почти одновременно стали народными депутатами. В том же созыве из спортивной публики были Анатолий Карпов, Анатолий Фирсов. Разумеется, мы пытались как-то сгруппироваться, держаться вместе. Власов даже не приближался. Может быть, в нем слишком глубоко сидело поражение, которое на Олимпийских играх в Мехико в 1968-м ему нанес Леонид Жаботинский, и любые контакты с людьми из «прошлой» жизни невольно напоминали об этом, может быть просто таков был склад характера. Тяжелоатлеты — это ведь особая категория людей, они все время в себе.

Мне приходилось бывать у штангистов на тренировках, я видел, как они гоняют в зале тонны металла, видел этих людей в быту — между тренировками. Большинство из них молчаливые ребята. Они много читают, уходят в какую-то свою философию. «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя — это про них. Оттуда же — способность к невероятной концентрации всего своего существа, которую человек должен произвести в момент толчка или рывка, поднимая над головой поистине нечеловеческие веса. Казалось бы, ну, какая здесь может быть романтика спорта — провести жизнь, тягая эти блины: бум-бум, бум-бум? Но это же спектакль!

Я как-то беседовал с Тамашем Аяном, который долго был генеральным секретарем Международной федерации тяжелой

атлетики, потом стал ее президентом. Никак не мог понять: зачем в тяжелую атлетику допустили женщин. И он ответил: что те, кто идет в штангу, особенно — в тяжелые веса, это женщины, которые лишены должного внимания со стороны общества. Спорт же дает возможность не просто создать свой мир, но и найти себя в нем.

* * *

Велосипедисты обычно умеют разбираться с техникой профессия предполагает. Так что при необходимости могу выполнить в доме любую работу. Вообще по жизни я сделал интересное наблюдение. Что в «техническом» плане мужики, условно говоря, делятся на две категории: одного человека дерево воспринимает, а другого — металл. Мне доводилось работать со многими уникальными мастерами — велосипедными механиками. Юра Самойлов был легендой. «Подковать блоху — это про него», дай бог ему здоровья. Все, что касалось ремонтных работ любой степени сложности, начиная от санитарно-технических и заканчивая созданием собственного велосипеда, — это про него. Все это — Юрины руки. А был, к примеру, Анатолий Евсеев. Выстроил дом из деревянных ящиков, в которых товары в магазины привозили. Он эти ящики разбирал, каждую дощечку «вылизывал» — получилось произведение искусства. Домик получился небольшой, какие по тем временам ставили на садовых участках, но сделано все было замечательно.

Если говорить обо мне, я очень люблю готовить. Наверное, это умение каким-то образом передалось от бабушки: умею приготовить что угодно, кроме пирогов. Все-таки тесто — отдельная история, живой организм. Этим постоянно заниматься надо, чтобы навык не терять. Не зря говорят, что тесто чувствует душу человека: если ты не в настроении, никогда пирог не получится.

Когда был моложе, всегда занимался готовкой на всю семью и на все праздники, на которые в дом все родные съезжались. Сейчас все больше летом на мангалах душу отвожу. Но не просто шашлык, а, скажем, красную рыбу приготовить — запечь ее с сыром, с зеленью, подержав предварительно часочек-другой в молоке.

Какие-то рецепты я брал из дореволюционной кулинарной книги, которую мне как-то подарили. Сам книги покупал мне доставляет удовольствие эта кулинарная пытливость. Что-то изобретаю сам, что-то подсматриваю в поездках. Еще люблю под настроение в саду возиться — горку цветочную соорудить или что

еще.

Человек ведь так устроен, что внутри себя он всегда остается молодым. А умирает не тогда, когда подошел возраст. А когда гаснут глаза и затихают желания. Работая на руководящих постах, я с самого начала накрепко усвоил одну вещь: если тебя куда-то назначили, ты должен быть готовым к тому, что рано или поздно тебя будут снимать. То есть, ты, конечно же, не должен чувствовать себя временщиком, но и делать из этого трагедию тоже не стоит.

У нас в обществе был период, когда уход на пенсию вообще не представлялся чем-то ужасным. Многие, напротив, ждали его. Конфликт возник, когда все мы оказались в новой России, в которой произошла девальвация очень многих вещей, и человеку нужно было стараться любой ценой продлить свою активную работу, чтобы просуществовать, не скатиться в абсолютную нищету. И любая невостребованность стала восприниматься гораздо более болезненно.

На этой почве в обществе началась социальная борьба возрастов. Любой человек в возрасте, даже если был умен и полезен, занимал место, на которое претендовали более молодые. Получалось, что, даже не желая того, он торпедировал профессиональный рост этого человека. Это очень сложный момент, неизменно подогревающий антагонизм молодых по отношению к более старшему.

Когда доводится все это неоднократно проходить, на жизнь смотришь уже не то чтобы с чувством иронии, но скорее философски. Очень опасно на этом фоне воспитать в себе внутреннее чувство собственной незаменимости. Но вместе с тем, нельзя себя не уважать, если у тебя есть этот твой мир. Как только ты перестаешь себя уважать, ты становишься никем.

Это время очень хорошо позволяет понять и свое место в жизни — особенно среди людей, которые когда-то называли тебя другом. Дружба — это вещь, которая не определяется чем-то материальным. Ее нельзя пользовать — это важно. Она определяется внутренним интеллектом и, наверное, необходимостью быть рядом с тем или иным человеком. Когда ты знаешь, что можешь обратиться к человеку, как правильно говорится, в любое время суток с любой просьбой. Это очень сильно ведет по жизни.

Я вообще стараюсь не грузить друзей своими проблемами, особенно сейчас, когда многие стали уходить. Ну да, порой достают болячки. Но надо же понимать, что в человеке, как и в машине, тем более, с возрастом набирается некоторая сумма неполадок. Там масло протекает, тут выхлопная труба прогорела.

Поплакаться сам перед собой ты, конечно, можешь, но это редкая вещь. Физическая боль, считаю — вообще не повод хныкать. Как-то я был у врача, мне делали достаточно тяжелую послеоперационную процедуру, и человек удивился: как вы терпите? Я, честно сказать, до той процедуры тоже не мог предположить, что столь терпеливый человек. Наверное, это опять благодаря велосипеду. Там умение терпеть скорее норма: падения, травмы, содранная шкура. Я как-то упал — не мог два месяца восстановиться, до такой степени спина была ободрана.

Поэтому сейчас, когда меня спрашивают: «Как живешь?» — отвечаю:

— По зарплате, по погоде и по самочувствию. А самочувствие — грех жаловаться. Я видел таких, у кого все значительно хуже.

Эта позиция очень удобна тем, что не дает возможности оппонентам тебя «добивать».

С точки зрения профессии, я продолжаю думать, рассуждать, писать. Это, считайте, моя личная шизофрения: как-никак я все-таки провел на руководящей работе пятьдесят лет. Но лучше быть «шизиком», нежели идиотом. И мне по-прежнему до всего есть дело. Как-то разговаривал с соседом, а он и говорит:

— Сергеич, угомонись. Я вот, когда уйду на пенсию, буду сидеть на даче, и вообще ничего не стану делать.

Я ему ответил тогда:

— Ты же устанешь посуду сдавать. Смотри, мы живем за городом, приемного пункта нет. Бутылки-то пустые куда девать будешь?

Насколько хватит во мне этой жизненной наполненности — не знаю. Но на минуточку давайте представим, что я взял бы и выбросил из себя все, чем я сейчас владею, занимаюсь и чем мне хочется продолжать заниматься? Я бы, наверное, сошел с ума.

Если говорить о внутренних барьерах, таких у меня всего два. О первом уже рассказывал в самом начале повествования — он касается поисков какой бы то ни было информации о родном отце. Второй столь же необъясним: начиная с тех самых пор, как я стал президентом Международной федерации велоспорта, меня много раз приглашали приехать в Израиль. Сначала приглашал глава израильской федерации велоспорта — бывший одессит, потом в гости звал наш динамовский футбольный вратарь Саша Уваров, который в 1991-м уехал играть в Тель-Авив и осел там после завершения карьеры. Словом, звали люди, не посторонние, с которыми я давно был знаком и отказать которым в общем-то не имел никакого повода. Но не могу заставить себя поехать в эту страну. Почему-то внутри есть очень сильное, почти мистическое ощущение, что поездка в Израиль станет последним

путешествием в моей жизни. Понимаю, что это противоречит какой бы то ни было логике, но переломить себя не могу, как бы ни пытался. Австралия, Новая Зеландия, острова Фиджи — нет проблем, чтобы туда полететь. А тут — как стена стоит. Сколько раз уже случалось: привозят приглашение, билеты, я начинаю раздумывать и даже планировать поездку, но в последний момент обязательно находится что-то такое, что заставляет в очередной раз ее отменить.

Наверное, эти два барьера — своего рода внутренний «крест», который я несу по жизни. Как символы, что что-то важное в своей жизни я не доделал, не выполнил какое-то предназначение, данное мне свыше…

2017 год

Досье: Сысоев Валерий Сергеевич

Родился 1 июня 1942 года в Москве. Имеет высшее образование (Окончил Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской по специальности преподаватель физического воспитания). Женат. Имеет сына Бориса и дочь Валерию.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1960–1963: п/я 15, радиомеханик

1963 г: инструктор физической культуры института биофизики АН СССР

1963–1966: служба в Советской Армии

1966–1969: инструктор физической культуры УСО ЦС Физкультуры и спорта ЦК Профсоюзов работников Министерства среднего машиностроения

1969–1971: начальник отдела велосипедного спорта Спорткомитета СССР

1971–1973: начальник УСО ЦС «Динамо»

1973–1975: заместитель председателя МГС «Динамо»

1975–1976: председатель МГС «Динамо»

1976–1983: заместитель председателя ЦС «Динамо»

1983–1985: заместитель председателя Спорткомитета СССР

1985–1992: председатель ЦС ВФСО «Динамо»

1992–1993: председатель Координационного совета по физической культуре и спорту при Правительстве Российской Федерации

1993–1995: председатель Комитета по физической культуре Российской Федерации

1995–1996: директор федеральной комиссии лотерей и игр России (на правах и в статусе Государственного Комитета Российской Федерации)

1996–1998: президент федерации велоспорта России, член президиума Исполкома Олимпийского комитета России

1999–2001: председатель совета директоров футбольного клуба «Динамо» (Москва)

В течение 15-ти лет избирался президентом федерации велоспорта СССР и России, входил в руководящий комитет и один год возглавлял Международный союз велосипедистов, из них 10 лет являлся президентом FIAC

Государственные награды: орден «За заслуги перед

Отечеством» IV степени, орден Дружбы народов, орден Дружбы, орден Трудового Красного Знамени, орден Знак Почета. Кавалер Олимпийского ордена.

Штрихи к портрету (послесловие от соавтора)

Ставить заключительную точку в повествовании, охватывающем несколько десятков лет жизни — дело крайне непростое. Точка превращается в рубеж и неизменно вызывает вопрос: что дальше? Неужели на этом все? Неужели подведен итог?

Чем больше я размышляла об этом, закончив работу над текстом и выключив компьютер, тем отчетливее вспоминала наш самый первый разговор с Валерием Сергеевичем Сысоевым, с которого, собственно, все началось. Не сказать, что та наша встреча оказалась случайной: мы собирались поговорить о допинге, не слишком поначалу планируя превратить беседу в интервью, поскольку оба не знали, что получится из этого разговора. Но зацепилась я совсем за другое. За фразу моего собеседника, произнесенную то ли в шутку, то ли всерьез:

— Мы до сих пор не можем распорядиться свалившимся на голову богатством. А именно — отношением руководства нашей страны к спортивной профессии. Хорошо, конечно, что у нас такой продвинутый в спорте Президент, но сама ситуация на мой взгляд, становится уже неприличной.

Разумеется, во мне тут же проснулся журналист:

— Что именно вы имеете в виду?

— Ну, скажем, тот факт, что Президент России уже несколько раз указывал на необходимость принципиального подхода к ситуации, сложившейся с допингом. Если все мы понимаем необходимость этой меры, почему она никак не реализуется? Напрашивается вывод: люди, которые по долгу профессии обязаны слышать Президента и без промедления действовать, либо не понимают, о чем идет речь, либо не хотят этого понимать.

Пока мысленно я переваривала услышанное, Сысоев продолжал:

— Когда летом 2016-го многих российских спортсменов отстранили от Игр в Рио-де-Жанейро, был сделан совершенно правильный ход — создание Независимой комиссии по борьбе с допингом. Уже сам факт, что это предложение возникло с подачи высшего руководства страны, фактически означал, что ни Олимпийский комитет, ни Министерство спорта самостоятельно решить эту проблему не способны. Получается, что Президент страны разбирается в том, что происходит, гораздо лучше нежели

те, кто должен заниматься этим по долгу службы?

У нас ведь действительно уникальный потенциал отношения высшего руководства страны к спорту — никакая другая страна не расходует на физическую культуру и спорт столько средств, сколько расходует Россия. Но вместо того, чтобы «подтаскивать» наверх вопросы, которые действительно находились бы на уровне президентских решений, вынуждаем главу государства разгребать все то, что должны, но не можем разгрести сами.

После того, как комиссия по борьбе с допингом была создана, стало абсолютно правильным шагом поставить во главе Виталия Смирнова. Просто сама система аморфна. То, что к решению каких-то проблем привлекаются люди, не имеющие прямого отношения к спорту, а представляющие культуру или экономику, это нормально. Но в центре любой структуры должно быть профессиональное ядро. Его в российском спорте нет. Соответственно нет и внятных предложений, как и что следует делать.

Сейчас, например, мы готовимся к президентскому совету по подготовке спортивного резерва. Никаких публичных обсуждений этой темы нигде не ведется. Позвольте, но мы что обсуждаем? Полеты в космос или засекреченные ядерные испытания? Мы обсуждаем будущее собственной страны. У нас ведь масса накопившихся проблем, в основе которых лежит прежде всего уровень профессиональной подготовленности тренера, его оснащенности современными методиками.

Что можно противопоставить допингу? Только одно: правильную организацию дела и современную методику подготовки и восстановления. Мы должны дать эту методику тренеру в руки и сопроводить ее грамотным медицинским обеспечением. Когда тренер не имеет ни того, ни другого, он работает, как может. При этом его зарплата, звания, премии, а следовательно — благополучие его семьи — зависит только от результата. Вот человек и стремится любой ценой этот результат получить.

Когда я послушал доклад наших медицинских специалистов о состоянии здоровья членов российских олимпийских сборных, то пришел в ужас: 70 процентов людей имеют отклонения в состоянии здоровья.

— Разве это не основание, обращаться за терапевтическими исключениями, которыми сейчас пользуется весь западный спортивный мир?

— Обращаться к кому? Наши специалисты в своей массе не пользуются никакой специальной литературой, поскольку она выходит не на русском языке, не знают, как утверждается

запрещенный лист ВАДА, по какой схеме туда попадают новые препараты — и так далее. Мы говорим, допустим, что в США терапевтические исключения имеют пятьсот спортсменов, а в России — ни одного, но при этом опускаем тот факт, что за единичными исключениями даже не пытаемся эти терапевтические исключения получить. Ну и на что жалуемся, если сами абсолютно безграмотны?

При этом я не отрицаю того, что, допинг — это реальная чума современного спорта с которой нужно бороться…

В том нашем разговоре я спросила Сысоева напрямую, прекрасно понимая, что вопрос слишком провокативен, чтобы не вызвать неудобства у собеседника:

— Вы ведь понимаете, что битва с допингом никогда не будет выиграна?

— Понимаю, — последовал стремительный ответ. — Но есть ведь и другая точка зрения. Лично я считаю, что было бы правильно провести в мировом спорте большую политическую амнистию. Закончить все скандалы и объявить 2018 год — годом мира. Условно говоря, перестать швыряться камнями в стеклянном доме, сесть за стол переговоров и проанализировать: что мы совместными усилиями натворили в спорте. Я не призываю обвинить какую-то одну сторону, виноваты тут все. Так давайте попробуем честно разложить проблему и поэтапно ее решать.

…Чем дольше мы разговаривали, тем отчетливее я понимала, до какой степени мне повезло с собеседником. Сысоев не пытался уходить от вопросов, не слишком беспокоился о политкорректности сказанного — он просто отвечал. Четко, доходчиво и аргументированно. За последний десяток лет работы в спорте я, признаться, порядком отвыкла от подобных дискуссий. Поэтому цеплялась за любую возможность продолжить беседу:

— В сегодняшних нападках на Россию многие склонны видеть политический подтекст.

— Так оно и есть. Абсолютно очевидно, что современный спорт вообще сильно политизирован. Что такое Олимпийские игры? Как только становится известно, где пройдет та или иная Олимпиада, в одну точку мира колоссальным лучом направляются всевозможные ресурсы. Политические в том числе. И мы хотим сказать, что международное олимпийское движение независимо? Не говоря уже о том, что как только в тех или иных соревнованиях появляется «флаговое» участие, оно всегда придает мероприятию политическую окраску.

Понятно, что олимпийское движение — всего лишь сегмент мирового спорта. Но он наиболее выпячен — по политическим

мотивам в том числе. Поэтому его и стали использовать. Сложилась, допустим, политическая установка об изоляции нашей страны — так почему же не дернуть за соответствующие ниточки? Вот нам и организовали «апартеид».

Надо понимать простую вещь: чем больше мы получали международных соревнований, чем лучше их проводили и чем чаще побеждали, тем сильнее раздражали всех вокруг. Так происходит не только в спорте, но и в любой другой сфере. В том числе и в бизнесе. Тебя сначала изощренно разводят, а потом удивленно спрашивают: «Расстроился? Брось, это ж бизнес — ничего личного».

В то же самое время я вполне допускаю, что ряд людей включился в войну против России по личным мотивам. Вспомните московскую сессию МОК в 2001-м, когда с поста президента МОК ушел Хуан-Антонио Самаранч, а пришел Жак Рогге. Контр-кандидатом у него тогда был никто иной, как Ричард Паунд, искренне полагавший, что в Москве поддержат именно его кандидатуру. Но этого не произошло.

— Хотите сказать, что человек получил публичную оплеуху и жил с этим много лет, вынашивая планы возмездия?

— А почему нет? Паунд подходил ко мне на той сессии, пытался прощупывать почву, говорил о том, что ему обещали поддержку. А теперь выдался прекрасный момент, чтобы поквитаться. Может быть такое? Да запросто!

Или взять Григория Родченкова. Он ведь в свое время приехал работать в Москву из канадской лаборатории как человек, которого WADA делегировала в нашу страну. Так чьи интересы он должен был отстаивать, когда начал разгораться конфликт?

Беда еще и в том, что наше представительство в различных международных спортивных организациях оставляет желать лучшего. А это значит, что мы фактически не имеем серьезной поддержки в мире, в то время как против нас выступают единым фронтом. Но международной политикой у нас в спорте никто эффективно не занимается. Яркий тому пример — исключение из списков в кандидаты членов Совета FIFA нашего представителя. А это уже не личный вопрос! Более того — беспрецедентный: ведь места в международной федерации лишилась не просто одна из стран, а страна-организатор чемпионата мира.

История показывает, что восстановление представительства в международном спортивном движении может затягиваться на десятилетия. С учетом приближающегося мирового первенства я бы вообще предложил президенту FIFA Джанни Инфантино ввести понятие чрезвычайного представителя от России в FIFA с

правом совещательного голоса — это было бы логично.

Когда я слышу, что на постах президентов международных федераций и генеральных секретарей слишком мало российских специалистов, то спрашиваю: а сколько нам нужно? Есть федерации, где все решает не президент, а Конгресс, а значит, бороться нужно не за высший пост, а за голоса на конгрессе. То есть консолидироваться.

Когда я возглавлял Международную федерацию велоспорта, был анекдотичный случай. Выезжая на конгресс, я получил задание сделать русский язык в рамках международной федерации официальным. Понимал, что это абсолютная утопия, но тем не менее сделал: как только меня в очередной раз избрали, мы проголосовали за то, чтобы внести изменения в устав. И написали, что официальными языками федерации являются французский, немецкий, английский и родной язык президента.

Это я не к тому, что такой умный. Просто в те времена мы постоянно ломали голову, как развернуть международную ситуацию в пользу своей страны. Сейчас же никто вообще этим не озадачивается. Люди порой рассматривают любой пост, как личное завоевание. И главной задачей становится самосохранение на этом посту.

Когда беседа коснулась современных спортивных гонораров и всевозможных поощрений, я, помню, спросила собеседника: так ли хорошо, что в российском спорте крутится столько денег?

— Материально, считаю, давно наступило перенасыщение, — ответил Сысоев. — В том же футболе происходит полный разврат. Мы сидим и рассуждаем, почему игрок тратит на шампанское 250 тысяч евро. А для него эти деньги — как для заводского рабочего «пятерка».

— Считаете, ситуацию можно изменить?

— Считаю, да. Но нужна политическая воля. Собрать президентов клубов и сказать: ребята, закончили беспредел. Иначе всем будет плохо. Они же все за исключением двух-трех клубов существуют за счет бюджетных денег.

У меня вообще есть на это своя точка зрения, возможно утопическая: сделать игрокам оптимальные зарплаты, остальное — процент от сборов. Вы способны своей игрой собрать стотысячный стадион — нет вопросов. А если на трибуне сидят три человека, ну так и оплата должна быть соответственной. Беда нынешнего футбола, да и российского спорта в целом, заключается в том, что зарплаты никаким образом не связаны с результатом. Обнищание тренерской мысли тоже идет отсюда же. Получается, в поиске путей к результату никто не заинтересован?

Дело ведь не только в футболе, — продолжал Валерий Сергеевич. — Мне кажется, что на грани падения сейчас находится мировое олимпийское движение в целом. Нас продолжают убеждать в чистоте и святости олимпийского движения, рассказывают про патриотизм, про гордость за страну, если при этом и упоминаются деньги, то между делом. А на самом деле произошел величайший в истории олимпийского движения обман.

— Почему?

— Потому что «Быстрее, выше, сильнее» давно трансформировалось в «Дороже, зрелищнее, богаче», а Олимпийские игры превратились в спортивное топ-шоу. На сегодняшний день весь мировой спортивный рынок составляет 143 миллиарда долларов. Если приплюсовать сюда спортивную фармакологию, трансферы, тотализаторы, сумма вырастет до 450-ти миллиардов. Это выше, чем мировые расходы на космос. Когда на кону стоят такие деньжищи, все неизменно начинает крутиться вокруг них. Международный олимпийский комитет, который вроде бы должен выступать гарантом кубертеновской философии спорта, на самом деле стал головной корпорацией всей спортивной индустрии. Коммерческая составляющая открыла путь к коррупции, и олимпийское движение стало жить по понятиям бизнес-сообщества. Именно по понятиям — не по законам — со всеми вытекающими последствиями. При этом структура управления осталась прежней.

Кто сегодня является членами МОК? Большая ошибка, кстати, полагать, что эти люди представляют свои страны в МОК. Они представляют МОК на территории своих стран. Я не хочу обидеть этих людей — среди них немало уважаемых и толковых специалистов. Но представьте себе на секундочку, что по этим же принципам стала работать Организация Объединенных Наций: мир давно бы взорвался к чертовой матери!

— А что предлагаете вы?

— Менять структуру. Добиваться того, чтобы в основе руководства МОК были президенты всех национальных олимпийских комитетов. Плюс — международные федерации. В этом случае и ротация идет быстрее, и интересы иначе представляются, заодно и коррупции не будет.

— То есть призываете к революции?

— Я призываю МОК сесть за стол переговоров и обсудить актуальные вопросы как сути, так и всей деятельности Международного олимпийского комитета. Не хочу никого обидеть, но если человек много лет находится в структуре МОК и не имеет никакого права эту организацию критиковать, являясь

представителем МОК в своей стране, то о какой реорганизации чего бы то ни было вообще можно вести речь?

— Считаете, подобная дискуссия может быть организована?

— А почему нет? У нас есть институт лиц, награжденных Олимпийским орденом за большой вклад в олимпийское движение. В этом списке — самые разные люди: ученые деятели, политики, мэры городов, проводивших Олимпиады, выдающиеся спортсмены, тренеры… Почему бы не организовать подобную Ассамблею на нашей площадке? Создать платформу активного обсуждения накопившихся проблем. И двигать вопрос дальше — на G7, на G20. Совместно решать: в каком виде миру сегодня нужно олимпийское движение. Либо оно будет продолжать нести в мир распри, либо объединит его!

Наверное нет ничего удивительного в том, что в самом конце беседы, уже прощаясь с героем интервью, я спросила:

— Вы никогда не думали о том, чтобы написать книжку?

— Вы поможете мне в этом? — последовал стремительный встречный вопрос.

Стремительность — вот то главное качество, к которому я так и не успела привыкнуть, работая с Сысоевым над текстом, представленным на суд читателя. Стремительность обычно плохо вяжется с солидным возрастом, но всегда дает повод задуматься: а так ли этот возраст солиден? Или все дело всего лишь в отношении человека к жизни?

Могу сказать точно: знакомство с Валерием Сергеевичем Сысоевым, работа с ним, возможность стать самым первым читателем этого автобиографического труда — для меня, как для журналиста и человека, смею думать, понимающего спорт — великий подарок. Одновременно с этим я испытываю величайшее сожаление о том, что фигур подобного масштаба в мировом спорте во все времена было и остается слишком мало.

Елена ВАЙЦЕХОВСКАЯ
Заслуженный мастер спорта
Олимпийская чемпионка

Иллюстрации

Валерий Сысоев

Осень 1984 года. Тур де Франс в Москве: вручение приза Мигелю Индурайну

Осень 1984 года. Тур де Франс в Москве: слева — направо: Валерий Сысоев, мэр Москвы Юрий Лужков и посол России во Франции Юрий Рыжов

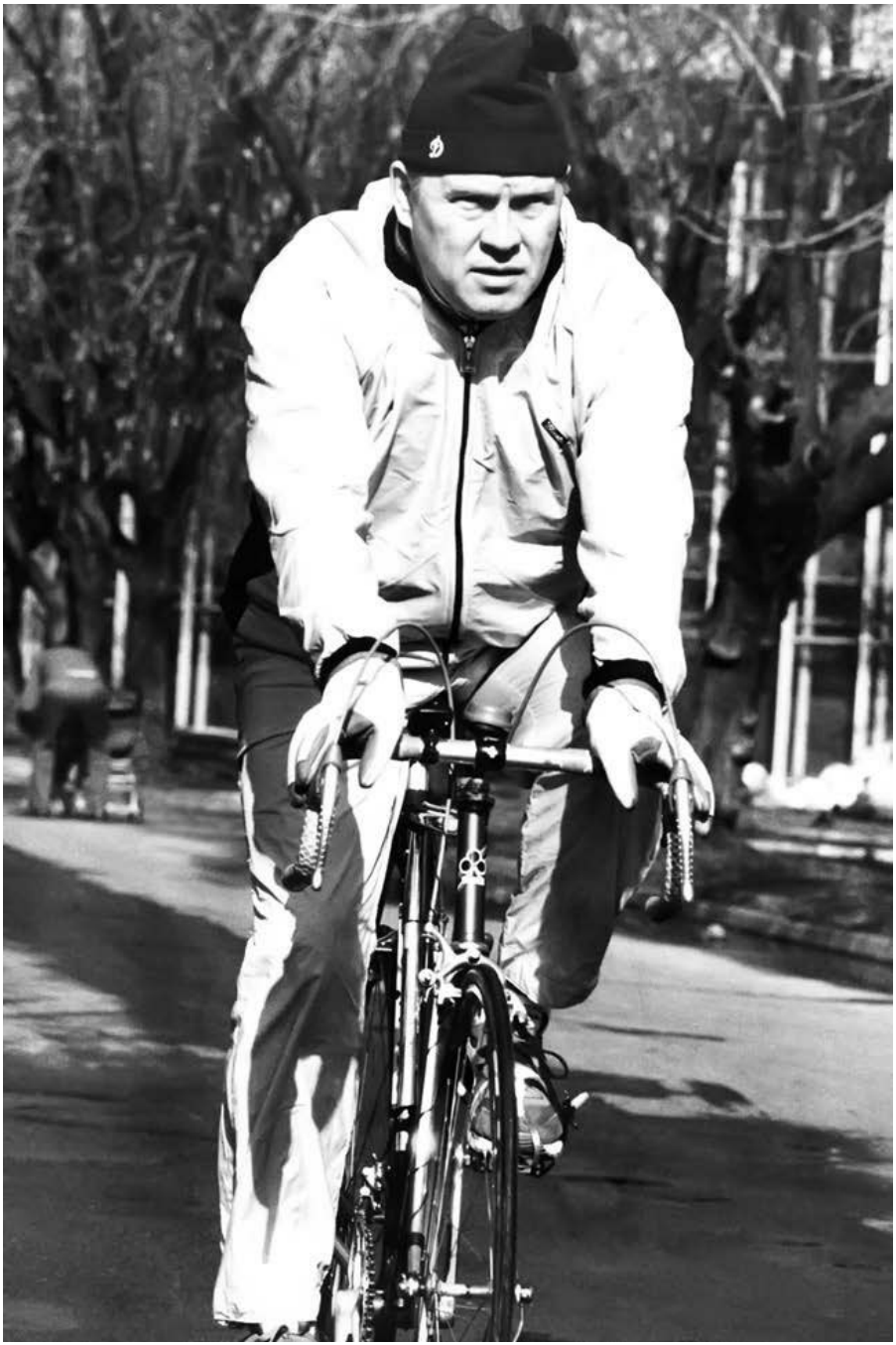
1985 год. Аудиенция у Папы Римского.
Крайний справа — генеральный секретарь UCI Михаил Екель

1979 год. Спартакиада народов СССР.
Справа — председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлов

Олимпийская делегация СССР на Играх-1984 в Сараево. Знаменосец — Владислав Третьяк

1979 год. Динамовская команда на Спартакиаде народов СССР

1979 год. С Сергеем Павловым на Пленуме ЦС «Динамо»



1978 год. Редкие минуты отдыха. Прогулка на велосипеде

С Виктором Капитоновым (в центре) и Алексеем Куприяновым

С трехкратным олимпийским чемпионом в тройном прыжке Виктором Санеевым и четырехкратной олимийской чемпионкой по фехтованию Еленой Беловой

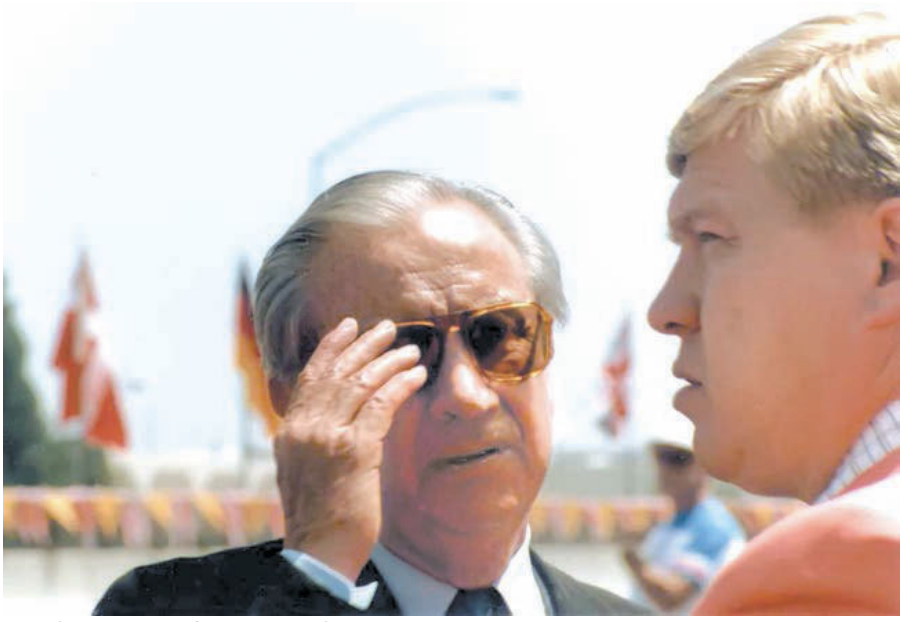
В гимнастическом зале «Динамо» с двукратным олимпийским чемпионом Михаилом Ворониным

Справа — налево: генеральный секретарь ФИФА Йозеф Блаттер, Валерий Сысоев, президент ФИФА Жоао Авеланж, Валерий Дроганов во время визита в Москву

С Президентом России Владимиром Путиным

1992 год. Олимпийские игры в Барселоне.
С Хуаном Антонио Самаранчем. В центре П. Богданов

1984 год. Олимпийские игры в Лос-Анджелесе.
Разговор с Хуаном Антонио Самаранчем на трибуне



С Хуаном Антонио Самаранчем

1990 год. Церемония вручения Олимпийского ордена

Олимпийский стадион в Афинах. С президентом UCI Луисом Пуичем и будущим президентом Хайном Вербрюггеном

1980 год. Олимпийские игры в Москве. С Луисом Пуичем

Учреждение Фонда имени Льва Яшина.

В центре — вдова легендарного футболиста Валентина Тимофеевна

Валерий Сысоев и Председатель МГС «Динамо» Лев Евдокимович Дерюгин

Со Львом Яшиным (Возвращение)

Мама

Первый велосипед

В Мельбурне

1990 год. Посещение полицейского участка в Колорадо-Спрингс

Мне «70»

1988 год. Олимпийские игры в Сеуле. С олимпийским чемпионом по борьбе Анатолием Колесовыми и Валентином Сычом

С генеральным секретарем Международной федерации баскетбола Бориславом Станковичем

1976 год. С легендарным испанским вратарем Рикардо Самора Мартинесом

1983 год. Велосипедный симпозиум в Рио дель Гарда. Справа — налево: секретарь FIAC Карла Джулиани, президент FIAC Валерий Сысоев, генеральный секретарь FIAC Михаил Екель, президент UCI Луис Пуич, казначей UCI Амини, президент FICP Эш

На 60-летнем юбилее — с трехкратным олимпийским чемпионом по хоккею Виталием Давыдовым

Иногда бывает и так

1990 год. Колорадо-Спрингс.
Слева — директор Национального фонда спорта

Тур де Франс. Справа — налево: Валерий Сысоев, Франческо Мозер, член техкома UCI Альдо Спадони и Валерий Билибин

Президент итальянской федерации велоспорта Августино Амини получает приз по итогам года из рук президента FIAC Валерия Сысоева. В центре — генеральный секретарь UCI Михаил Екель

Рабочее совещание со Львом Яшиным и одним из динамовских руководителей Анатолием Ереминым

1983 год. Лос-Анджелес. С президентом Оргкомитета Игр-1984 Питером Юберротом

В кабинете с высокими гостями.

Сысоев — председатель ЦС «Динамо». Русский барон — основатель НОК Лихтенштейна Эдуард фон Фальц-Фейн

1989 год. Колонный зал Дома Союзов. Выборы народных депутатов

Презентация Фонда имени Льва Яшина. С Николаем Озеровым и Аркадием Аркановым

Инспекция по олимпийским городам-претендентам. Мельбурн

С Филиппом Денисовичем Бобковым

Подписание контракта по созданию профессиональной велосипедной команды «Рослотто»

1988 год. Олимпийские игры в Сеуле. Слева — направо: летчик-космонавт Виталий Севастьянов, Валерий Сысоев, летчик-космонавт Алексей Леонов и председатель московского Спорткомитета Анатолий Ковалев

Что делать дальше?

Баку. Служба в спортивной роте — на соревнованиях по велогонкам

1980 год. Олимпийские игры в Москве — награждение

1984 год. Лос-Анджелес.
С членом МОК Константином Андриановым в Диснейленде

Генерал-майор